

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
наука **4** *2021*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2021

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научный редактор: канд. полит. наук *А.С. Шерстобитов*

Литературный редактор: канд. полит. наук *О.А. Толтыгина*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева, П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2021.04.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2021

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2021

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia);
Deputy Editor-in-Chief – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

ТЕМА НОМЕРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Михайлова О.В.</i> Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации	14
<i>Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М.</i> Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности.....	31
<i>Шерстобитов А.С., Осипов В.А., Зарипов Н.А.</i> Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого тельца»?.....	60

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Носиков А.А.</i> Сопряжение сетевого пространства и политической реальности: интерфейсы, вызовы и политические дизайны.....	92
<i>Подшибякина Т.А.</i> Диффузионные сети: динамические аспекты сетевой теории и практики	117

КОНТЕКСТ

Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Катермина В.В.

Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.?	135
<i>Рогов М.И.</i> Интеграция российских городов в глобальные экономические сети (2010–2020)	161

РАКУРСЫ

<i>Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В.</i> Политико- конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты	185
<i>Мельников К.В.</i> Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа	210
<i>Смолярова А.С.</i> Глобальная альтернативная общественность в Instagram: опыт сетевого анализа русскоязычных блогов о миграции	239

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Тормошева В.С.</i> Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: онлайн-масса или глобальный политический актор?	261
--	-----

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Герасимов А.А.</i> От тирании сетей к республике писем. (Рецензия)	279
<i>Ядова М.А.</i> Актуальная политическая повестка российских социологических журналов	287

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Mikhaylova O.V.</i> Networks in modern public administration: configurations and coordination mechanisms	14
<i>Pomiguyev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M.</i> Network approach in legislative studies: methodological prospects for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity ...	31
<i>Sherstobitov A.S., Osipov V.A., Zaripov N.A.</i> The issues and outlook of the network approach to policy analysis: development of the theory and methods or the frustrated search for the ‘golden calf’?	60

IDEAS AND PRACTICE

<i>Nosikov A.A.</i> Connecting network space and political reality: interfaces, challenges, and political designs.....	92
<i>Podshibyakina T.A.</i> Diffusion political networks: dynamic aspects of network theory and practice	117

CONTEXT

<i>Ryabchenko N.A., Gnedash A.A., Malysheva O.P., Katermina V.V.</i> Managing political content in the online space of modern states: how twitter prevented D. Trump from winning the 2020 presidential election?	135
--	-----

<i>Rogov M.I.</i> Integration of Russian cities into global economic networks (2010–2020)	161
---	-----

PROSPECTS

<i>Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V.</i> Political conflict interactions of urban communities: network aspects	185
<i>Melnikov K.E.</i> Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis	210
<i>Smoliarova A.S.</i> Global alternative public on Instagram: SNA-based case study of blogs about migration in Russian language	239

FIRST DEGREE

<i>Tormosheva V.S.</i> International audience in the network political space: an online mass or a global political actor?	261
---	-----

FROM THE BOOKSHELF

<i>Gerasimov A.A.</i> From the Tyranny of networks to the Republic of letters (Review)	279
<i>Yadova M.A.</i> Current political agenda of Russian sociological journals	287

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Когда мы обсуждали предполагаемое содержание номера, посвященного сетевым исследованиям в политической науке, одной из основных задач для нас являлось создание отстройки от смежных направлений, которые нередко пересекают это предметное поле. Впрочем, так удачно сложилось, что предыдущий номер журнала «Политическая наука» посвящен проблематике цифровизации политики, тесно связанной с сетями, но онтологически, на наш взгляд, представляющей отдельную область исследований. В то же время нам хотелось сохранить фокус на достаточно широком многообразии феноменов сетей в политологии и различных аспектах использования сетевой методологии. Безусловно, это было сложно сделать в формате одного номера, но нам удалось сформировать интересную подборку работ, представляющих критическое рассмотрение сетевого подхода в политической науке, его методологических и методических особенностей, перспективных направлений развития новых концепций.

Сетевая методология по праву занимает одно из центральных мест в современной политической науке. При этом стоит отметить довольно широкий спектр приложения методов сетевого анализа: от изучения роли офлайн и онлайн социальных сетей в политике до межорганизационных и межстрановых взаимодействий в процессе выработки и реализации политических решений. Помимо самого сетевого подхода в политической науке сложились целостные концепции, инкорпорирующие феномен сетей в различные области исследования. Это и теория политических сетей, в основе которой лежат принципы горизонтальной организации политического сотрудничества институтов, и теория коллективного действия, и элитные сети, и сетевое политическое участие, и сете-

вая коммуникация. Таким образом, в новом номере мы постарались отразить как эпистемологические, так и онтологические курсы сетевой теории в политической науке.

В рубрике «Состояние дисциплины» представлены сразу три статьи, каждая из которых посвящена критическому осмыслению сетевой теории в различных плоскостях политических исследований. Работа О.В. Михайловой «Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации» раскрывает особенности формирования сетевых альянсов в системе государственного управления. Автор анализирует теоретические аспекты таких сетей в контексте их позитивного и негативного влияния на качество государственного управления, обращает внимание на условия перерождения сетевых объединений, позволяющих государству совместно с неправительственными акторами решать общественно значимые проблемы, в структуры, угрожающие целостности политической системы.

В статье «Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности» И.А. Помигуев, И.В. Фомин и А.М. Мальцев делают обзор методологических оснований для исследования сетевых взаимодействий в легислатурах. Особое внимание авторы уделяют классическому анализу сетей сотрудничества и соавторства законопроектов, перспективным методам дискурсно-сетевого анализа текстов, возникающих в процессе законотворчества, и инферентного сетевого анализа парламентских коалиций.

Рефлексия о состоянии сетевых исследований публичной политики в России и за рубежом представлена в тексте А.С. Шерстобитова, В.А. Осипова и Н.А. Зарипова «Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски “золотого тельца”?». В отношении российских исследований отмечен ряд проблемных зон, относительно которых до сих пор не достигнут консенсус. Также в статье дается обзор ограничений использования сетевой методологии изучения политики в мировой практике. Во второй части статьи приводятся результаты проведенного метаанализа зарубежных научных публикаций, посвященных сетевому анализу политики.

Рубрика «Идеи и практика» отправляет читателей к новым вариантам использования сетевой концепции в современной политологии. А.А. Носиков в статье «Сопряжение сетевого пространства

и политической реальности: интерфейсы, вызовы и политические дизайны» выделяет четыре основных интерфейса взаимодействия сетевого пространства и политической системы: публичное пространство, институциональные выходы, акции прямого действия и радикальное действие. В качестве выводов он формулирует риски сопряжения, новые вызовы для существующих политических институтов и предлагает теоретические модели политических дизайнов, вытекающих из условий сопряжения.

В статье «Диффузионные сети: динамические аспекты сетевой теории и практики» Т.А. Подшибякина описывает структуры, рассматриваемые как коммуникативный элемент процесса диффузии политики, т.е. каналы распространения политики от одного субъекта политики к другому. Результатом эмпирической апробации предложенной теоретической рамки стали концептуализация понятия когнитивного сетевого контроля в диффузионных сетях, описание основного динамического индикатора – скорости распространения политической информации в сетевых сообществах и выявление технологий когнитивного стратегического воздействия в диджитал-практиках.

В рубрике «Контекст» представлены работы, расширяющие наши представления о сферах применения сетевого анализа в политических исследованиях. Работа «Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.?» авторского коллектива под руководством Н.А. Рябченко демонстрирует результаты эмпирического исследования посредством инструментария сетевого анализа и визуализации, полученных данных в виде социальных графов, которое выявляет причины неудачи коммуникационной стратегии Д. Трампа в онлайн во время президентской кампании 2020 г.

М.И. Рогов в статье «Интеграция российских городов в глобальные экономические сети в 2010–2020 гг.» раскрывает потенциал качественных исследований в рамках сетевого подхода. Он обосновывает, каким образом города встраиваются в глобальные экономические сети посредством корпоративных сетей крупнейших мультинациональных компаний. Эмпирическая часть статьи выполнена в стратегии кейс-стади и посвящена Калуге – одному из наиболее успешных городов России в области привлечения иностранных инвестиций.

Актуальные эмпирические исследования с использованием сетевой методологии в различных областях политической науки собраны в рубрике «Ракурс». А.В. Глухова, А.И. Кольба и А.В. Соколов представляют результаты исследования «Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты». Для описания взаимодействий в ходе конфликтов иерархических и сетевых структур авторы используют концепцию «гетерархий». Объяснительная модель также ориентирована на компоненты сетевого подхода, раскрывающие механизмы и способы формирования политической повестки дня и принятия решений с использованием потенциала политических сетей. Эмпирическая часть статьи базируется на результатах исследований, проведенных авторами в Воронеже, Краснодаре и Ярославле в 2019–2020 гг.

Статья К.В. Мельникова «Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного анализа» представляет собой интересный анализ структур сетей административных элит Челябинской области и Пермского края. Автор разрабатывает оригинальную теоретическую модель и методику исследования бюрократического патронажа и успешно применяет ее для выявления механизмов административного рекрутирования.

Ещё один пример анализа онлайн-сетей представлен в работе А.С. Смоляровой «Глобальная альтернативная общественность в Instagram: опыт сетевого анализа русскоязычных блогов о миграции». В ходе исследования выявлено активное сотрудничество блогеров, проживающих в разных странах, во время освещения пандемии коронавируса в марте-апреле 2020 г. Автор приходит к выводу о том, что коллаборация в виде единовременной публикации постов на одну и ту же тему, объединенных уникальным хеш-тэгом и включающих прямые ссылки на блогеров из других стран, приводит к возникновению сетевого *ad hoc*, или ситуативного, глобального медиа на русском языке. В то же время данная глобальная сетевая общественность остается «слабой публикой», которая не трансформировалась в контрпубличную сферу участия.

В разделе «Первая степень» опубликована статья В.С. Тормошевой «Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: онлайн-масса или глобальный политический актор?». Несмотря на то что в качестве теоретической рамки автор использует акторно-сетевую теорию, которая представляет собой

отдельную онтологию, значительно отличающуюся от теории политических сетей, мы посчитали возможным включить ее в выпуск в рубрике для молодых исследователей.

Для желающих разобраться в академических сетях А.А. Герасимов подготовил критический обзор книги А.Н. Олейника «Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках». На наш взгляд, рецензия «От тирании сетей к республике писем» не оставит равнодушными читателей, которые захотят и сами познакомиться с интересной работой о сетях в социальных науках.

А.С. Шерстобитов

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О.В. МИХАЙЛОВА*

СЕТИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: КОНФИГУРАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ

Аннотация. В статье раскрывается специфика сетевых альянсов, формирующихся в системе государственного управления, детально рассматриваются универсальные характеристики сетей, а также особенности конфигурации и механизмов координации, свойственные различным типам сетевых коалиций. Автор исследует сети в контексте их позитивного и негативного влияния на качество государственного управления, обращая внимание на условия перерождения сетевых объединений, позволяющих государству совместно с негосударственными акторами решать общественно значимые проблемы, в структуры, угрожающие целостности политической системы.

В логике предложенного автором определения сетей в государственном управлении в статье рассматриваются их структурные компоненты, раскрываются особенности положения сетевых акторов, описываются оперативные функции сетей (обмен информацией, финансовыми ресурсами и распространение знаний), подчеркивается значение проблемы закрытости для их функционирования. Особое внимание уделяется позиционированию государственных институтов в сетях, раскрываются причины использования ими преимущественно принципал-агентского механизма координации взаимодействия с негосударственными участниками, что снижает степень их свободы в сетевом объединении, но гарантирует при этом соблюдение общественно значимого интереса при реализации программ и проектов. В статье также подробно рассматриваются конфигурации сетей и специфика их деятельности на всех этапах принятия и реализации решений,

---

* **Михайлова Ольга Владимировна**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

акцентируются возможности и угрозы, связанные с деятельностью отдельных видов сетевых альянсов. Автор особо подчеркивает, что негативный потенциал сетевых структур проявляется в ситуации расхождения политических и управленческих ориентаций власти и ожиданий общества на фоне слабости институтов и отсутствия общественного контроля за политическими игроками, что приводит к постепенному замещению государственного управления правлением латентных сетевых группировок.

Ключевые слова: сетевые альянсы; участники сетей; процесс принятия решений; государственное управление; функции сетей; типы сетей.

Для цитирования: Михайлова О.В. Сети в современном государственном управлении: конфигурации и механизмы координации // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 14–30. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.01>

На протяжении нескольких десятилетий сети являются объектом исследований в академической среде, в практику государственного управления многих стран постепенно вошли технологии и инструменты на основе сетевой координации. Сетевые альянсы рассматриваются как акторы, не только стремящиеся оказать влияние на процесс принятия решений, но и играющие решающую роль в их имплементации. Взаимодействуя с государством, сети одновременно работают в интересах государства [Agranoff, 2017], способствуя реализации целей и задач в соответствии с современными вызовами и изменениями. Они не вытеснили традиционные для него управленческие подходы, основанные на вертикальной координации, но существенно их смягчили благодаря своей главной особенности – комбинации «вертикальной взаимозависимости» и «горизонтальной сочлененности» [Rhodes, 1997].

Действуя на всех этапах принятия государственных решений, сети принимают различные конфигурации, выполняют определенный набор функций и используют разнообразные механизмы взаимодействия участников. Они восприимчивы к особенностям институционального дизайна и режимным характеристикам, управленческим возможностям негосударственных акторов, готовности государства к экспериментам и изменениям. Эти и ряд других факторов определяют области и масштабы распространения сетей в практике государственного управления, степень их публичности, влияния на качество управленческого процесса. Ведь отнюдь не всегда образование сетевых коалиций приводит к позитивным последствиям для государства. В случае, если их участники преследуют пре-

имущественно узкогрупповые интересы и используют для их реализации общественные ресурсы в ущерб достижению общественно значимых целей, обладая при этом привилегированным доступом к процессу принятия решений [Соловьев, 2011; 2016], то они противодействуют реализации государством своих функций, а в отдельных ситуациях могут подчинить его своим утилитарным целям. Только если участники сети соотнобразуют свои интересы с общественно значимыми проблемами, мотивированы для инвестирования усилий и ресурсов в сопроизводство решений, повышающих качество государственного управления, сетевые коалиции будут содействовать и выполнению государством функций, и развитию плотных взаимозависимостей с обществом.

Структурные компоненты сетевых альянсов

В контексте государственного управления под сетью следует понимать относительно устойчивые схемы скоординированных действий и ресурсных обменов, включающих государственных и негосударственных акторов разных уровней, взаимодействующих на всех этапах принятия решений посредством вертикальных и горизонтальных механизмов в целях, связанных с одним или несколькими аспектами государственной политики.

Участниками таких сетей являются акторы, обладающие конкретными целями, возможностями и ресурсами, добровольно вступающие во взаимодействие и принимающие на себя определенные внутрисетевые роли. При этом внутрисетевая роль участника не связана с его формальным статусом, а определяется, в первую очередь, объемом и типом привносимых им в сеть ресурсов. Отнюдь не всегда участники сети могут адекватно оценить свою зависимость от других, нередко они переоценивают свой ресурсный потенциал, что в итоге приводит к совершению ими неадекватных действий, приводящих к конфликтным ситуациям и угрожающих распадом сетевого альянса. Наивысшую ценность имеют редкие и незамечаемые ресурсы [Scharpf, 1978], их обладатели, как правило, претендуют на занятие властных позиций внутри сети и выстраивают отношения зависимости с теми акторами, которые такими ресурсами не располагают, но в них нуждаются.

Однако эта зависимость совсем не означает, что между участниками выстраиваются отношения подчинения, ведь сеть основана на добровольности, и каждый участник в любой момент времени может покинуть ее без каких-либо санкций и обязательств. Правильнее было бы описать возникающую в таком случае зависимость через принципал-агентские отношения, когда агент должен действовать по поручению принципала, но актер принимает эту роль на себя добровольно. А значит, агент, наравне с принципалом, имеет возможность участвовать в разработке правил взаимодействия, что необходимо для развития доверительных отношений между участниками сети. Таким образом, значение ресурсов для определения роли участника сети не стоит переоценивать, без соответствующей репутации даже ценные ресурсы не помогут участнику принять на себя роль принципала, это результат договоренности и консенсуса, основанных на доверии.

Доверие оказывает приоритетное влияние на отношения участников сети, оно позволяет им делать осмысленный выбор стратегии поведения, исходя из уверенности, что их интересы принимаются во внимание другими [Завершинский, 2012]. Оно вырастает из опыта предыдущего взаимодействия и снижается под влиянием повторяющихся нарушений соглашений. Соответственно, с ростом уровня доверия между участниками в сети будет преобладать горизонтальная координация, по сути, представляющая собой совместную деятельность равноправных участников, со снижением уровня доверия – усиливаться вертикальная координация, в крайней своей точке приводящая к распаду сети.

Государственные и негосударственные участники предсказуемо располагают различным набором ресурсов и возможностями по их привлечению, а также разными ожиданиями в отношении результатов совместной деятельности в сетевой коалиции. Частные компании, располагая финансовыми и организационными ресурсами, традиционно движимы рыночными мотивами и ориентируются на улучшение своих позиций на рынке по ключевым для них показателям эффективности. Они являются универсальными участниками сетей как на этапе разработки решений, где они выступают и как лоббисты, фреймируя интересующий их аспект проблемы, и как акторы имплементационных структур, включаясь в реализацию решений и для получения прибыли, и для содействия государственному управлению.

В отличие от частных компаний, некоммерческие организации становятся сетевыми участниками и полноправными партнерами только в политических системах с высоким уровнем вовлеченности граждан в процесс принятия решений и предоставляющих им широкий набор социальных услуг. В иных институциональных условиях они могут как исключаться из сетевых структур, так и играть второстепенную роль транслятора определенных позиций по конкретному аспекту государственной политики без возможности повлиять на принятие решения и ход его имплементации. Особенность некоммерческих организаций как участников сети состоит в их целевой ориентации на реализацию социальной миссии, они наиболее приближены к повседневным проблемам граждан и, как правило, их в большей степени интересует реальный вклад в решение проблемы, чем рациональное распределение ресурсов, что нередко делает их сложным партнером для государства и бизнеса, для которых контроль за финансовыми потоками, наполняющими сеть, становится одним из ключевых.

Государство как участник сети занимает наименее удобную позицию. С одной стороны, оно рассматривает сети как инструмент повышения качества выполнения своих функций для реализации общественного интереса, что мотивирует его снижать масштабы использования принудительных инструментов и вертикальной координации в отношении негосударственных акторов, включаясь все больше в неформальные договорные отношения. С другой стороны, оно не может в полной мере полагаться на внутрисетевые договоренности участников и вынуждено использовать доступные ему инструменты и ресурсы для структурирования сети, преодолевая сопротивление других акторов, но развивая ее в общественно выгодном направлении.

Вместе с тем следует заметить, что выгода от участия в сети для государства не всегда очевидна, многое будет зависеть от управленческих возможностей как его самого, так и негосударственных акторов [Knill, Lehmkuhl, 2002]. Ограниченные управленческие возможности частных акторов неизбежно компенсируются государственной интервенцией, что позволяет государству единолично определять содержание общественных благ и институциональных форм их предоставления. Однако обратной стороной самостоятельности государства может стать чрезмерное увлечение принудительными управленческими инструментами и, как следст-

вие, подавление частной инициативы. Только в ситуации высокого управленческого потенциала государственных и негосударственных акторов становится возможным формирование сетевых альянсов, способных повысить качество принятия и реализации решений. Наиболее опасной для государства ситуацией является его низкий управленческий потенциал по сравнению с частными акторами, неспособность самостоятельно определять приоритеты развития и обеспечивать устойчивость институционального каркаса на фоне повышенной активности частных игроков, стремящихся использовать его управленческую слабость в своих интересах. Печальным итогом такого положения дел становится «приватизация государства», опутывание его многочисленными «хищническими» сетями, использующими его ресурсы для достижения узкогрупповых целей под прикрытием общественных.

Составляющие сеть институционально независимые акторы создают в ее границах «арены действий» [Ostrom, 1990] в виде комитетов, консультативных или оперативных групп, на которых представители этих институтов принимают на себя обязанности по координации межличностного взаимодействия и обмена ресурсами. Эти арены, по сути, материализуют виртуальное пространство сети, проявляют площадки активности участников. При этом сами участники группируются вокруг конкретных аспектов проблемы, объединяясь в «сообщества действия», или субсетевые образования, которые могут быть связаны друг с другом через общих участников, образуя таким образом внутреннюю структуру большой сети. Внутри этих сообществ участники обмениваются идеями, углубляют знание по проблеме, сближают свои позиции относительно понимания причин возникновения и сценариев ее развития, укрепляют межличностные отношения.

Вместе с тем взаимодействия на аренах и внутри субсетевых сообществ отнюдь не лишены изъянов, они могут порождать дополнительные издержки и вести к снижению удовлетворенности участников от совместных усилий по решению проблемы. Это связано, прежде всего, с целеполаганием и ожиданиями каждого актора. Цель задает направленность, границы и принципы выбора стратегии внутрисетевого поведения каждого участника. Однако каждый из них публично заявляет только о своих официальных намерениях, а неофициальные цели, часто раскрывающие истинные мотивы для вступления в коалицию, не разглашаются. В итоге

они создают серьезные препятствия для кооперации, такие как: (1) оппортунистское поведение, при котором участники не инвестируют усилия и ресурсы в совместное решение, предпочитая переносить это бремя на других; (2) временная кооперация участников до достижения ими своих целей; (3) откладывание участниками инвестиций, затягивание процесса вступления в партнерство до тех пор, пока не станут очевидны все преимущества от совместных действий. Более того, участники могут не только занимать выжидательную позицию и пытаться получить максимально дешевый для них доступ к необходимым ресурсам, но и создавать барьеры для выстраивания продуктивных отношений внутри сети. Это может быть, например, результатом несовпадения позиции институционального актора и его представителя, аффилированного с политическим кланом, заинтересованным в ослаблении данного института, а не усилении его позиций. Однако чаще всего наиболее остро эти проблемы встают, во-первых, во вновь создаваемых сетевых альянсах, когда участники делают первые шаги по выстраиванию кооперативных отношений и единственным ориентиром для них является только репутация потенциального партнера, во-вторых, в больших сетях, где количество участников настолько велико, что между ними долго складываются (если в итоге складываются) плотные контакты.

Оперативные и политические функции сетевых альянсов

Очевидно, что достижение участниками сети своих целей сильно растянуто во времени, так как выстраивание и функционирование жизнеспособного альянса требует совместной повседневной работы акторов, связанной с несколькими важными направлениями деятельности. Во-первых, в сети необходимо поддерживать постоянный обмен информацией между участниками, без которой невозможно сближение позиций по различным аспектам проблемы, формирование взаимного восприятия участниками друг друга. Постоянный информационный поток внутри сети снижает уровень неопределенности, повышает качество координации действий участников, благоприятствует выстраиванию эффективной внешней коммуникации. Чем больше поводов для внутрисетевого инфор-

мационного обмена, тем плотнее оказываются связи между участниками сети.

Во-вторых, необходимо поддерживать постоянный обмен финансовыми ресурсами, питающими сетевое взаимодействие. Они обмениваются на возмещение расходов на оказание услуг и производство товаров, компенсацию инвестиций в человеческий и физический капитал. Часто сети создаются по инициативе и при грантовой поддержке государства, что предопределяет разработанность и согласованность финансовых потоков внутри нее. Это повышает уровень подотчетности участников, ответственности за предпринимаемые ими действия, привносит организационную дисциплину и обеспечивает необходимый уровень формализации взаимодействия, а также, что немаловажно, это накладывает на грантополучателей определенные обязательства по достижению конкретных результатов, ставя их в зависимость и лишая некоторой степени свободы. Вместе с тем без финансовых ресурсов сеть приходит в упадок, так как поддерживать ее жизнеспособность на добровольческом труде участников и их энтузиазме крайне проблематично. Конечно, финансовые потоки могут идти в сеть не из государственных источников, а, например, посредством краудсорсинговой активности участников, что расширяет возможности акторов по реализации поставленных целей, ослабляет механизмы вертикальной координации, но не ослабляет линии подотчетности, так как в качестве донора выступает уже не-государство, а широкая общественность, не менее требовательная к качеству товаров и услуг.

В-третьих, необходимо поддерживать в сети процесс приобретения и распространения знаний, без которых решение комплексных и слабоструктурированных проблем, а также эксперименты с инновационными практиками не представляются возможным. Именно от открытости и готовности к обучению зависит устойчивость сети. С одной стороны, исследователи соглашаются, что закрытость сетей благоприятствует результативности и эффективности коллективного действия при условии, что сложившиеся между участниками контакты стабильны, разнообразны и регулярно воспроизводятся [Sandstrom, Carlsson, 2008]. С другой стороны, высокие барьеры вхождения приводят к социальной и когнитивной закрытости сетей, снижению качества государственного управления, утрате им гибкости и отзывчивости.

Если социальная закрытость предполагает исключение участников по причине незначительности их ресурсов, несоответствия ожиданиям других участников, низкого уровня доверия, то когнитивная закрытость проявляется в ситуации нежелания участниками воспринимать новую информацию и знания. Социальная и когнитивная закрытость неразрывно связаны друг с другом. Исключение участника из сети (социальная закрытость) приводит к исключению источника идей и альтернативного взгляда на проблему (когнитивная закрытость). И наоборот, игнорирование важных элементов реальности, внешнего окружения (когнитивная закрытость) приводит к недопущению в сеть важного для ее развития участника (социальная закрытость). По этой причине в сетях большое значение для сохранения адекватности текущему социально-политическому и экономическому моменту имеют слабые связи, открывающие участникам доступ к разнообразной информации и знаниям, отсутствующим в их ближайшем коммуникативном окружении, и стимулирующие обучение [Granovetter, 1973].

Если ресурсные обмены являются повседневной практикой любого сетевого альянса, то выполняемые ими функции в процессе разработки и реализации государственных решений отличаются. Содержательные особенности каждого этапа этого процесса влияют на состав участников сети, конфигурацию, характер складывающихся между ними зависимостей и типы механизмов координации [Bovaird, 2005].

На *этапе определения проблемы* в конкретной сфере государственной политики образуется некоторое количество сетей, вступающих в конкурентное взаимодействие друг с другом с целью продвинуть в повестку дня свой набор проблемных ситуаций, сфокусировать внимание на определенном понимании причин их возникновения и / или необходимости их решения и / или исключения конкурирующих проблем из обсуждения. Эти сети оказывают информационное давление на лиц, принимающих решение, и могут отличаться друг от друга по численности и плотности сетевых контактов (железные треугольники, коалиции поддержки, политические сообщества).

Если железные треугольники как высокоорганизованные объединения, состоящие из представителей исполнительной, законодательной власти и групп интересов [Lowi, 1962; 1969], действуют исключительно в высокоплюралистическом политическом про-

странстве, то политические сообщества как группа политических акторов, тесно связанных друг с другом и разделяющих общее понимание политических приоритетов и проблем [Jordan, 1990], являются более типичным образованием в мировой политической практике. В процессе формирования повестки дня активное участие принимают коалиции поддержки, состоящие из людей, занимающих различные статусные позиции, разделяющих единую систему ценностей и демонстрирующих время от времени некоторую степень координации своих действий [Sabatier, 1988, p. 139].

На этом этапе сетевые коалиции в стремлении приблизиться к центрам принятия решений используют как конвенциональные методы конкурентной борьбы, предполагающие соперничество за каналы коммуникации с обществом и за расширение числа сторонников (от научных круглых столов и межведомственных комиссий до телевизионных ток-шоу), так и более агрессивные методы (дискредитация участников и их целей, идеологии, приоритетов), ставящие своей задачей разрушение других коалиций и ослабление их влияния на процесс выработки политики.

Особняком на этом этапе стоит такой специфический тип сетей, как эпистемические сообщества, представляющие собой коалиционные объединения профессионалов, претендующих на приоритетность своих экспертных знаний в конкретной проблемной области [Haas, 2011, p. 787; Dunlop, 2013, p. 229]. Будучи представителями разных дисциплинарных областей, эксперты объединяются в сеть, так как они разделяют общую систему ценностей и знаний в отношении конкретной проблемы. Их исключительное значение состоит в возможности создавать знание об интересующих лицах, принимающих решения, проблемах, основанное на научно обоснованных и эмпирически подтвержденных выводах, призванное рационализировать процесс принятия решений. Формально эпистемические сообщества не выступают в роли заинтересованного актора, они создают политически неангажированную систему доказательств. Однако их интеллектуальный продукт может стать основой для активных действий коалиций поддержки и политических сообществ, превратившись в инструмент ведения конкурентной борьбы между сетями.

Еще один важный актор сетевого взаимодействия, проявляющий себя именно на этапе разработки решений, политический антрепренер – агент, являющийся носителем инновационных идей,

которые бы он хотел реализовать в практике государственного управления, хорошо разбирающийся в политическом процессе, понимающий действующие правила игры, по которым организован процесс принятия и исполнения решений [Christopoulos, Ingold, 2011]. Особенность этого актора состоит в том, что он готов инвестировать свое время, энтузиазм, репутацию в достижение конкретной цели, но испытывает при этом серьезный дефицит ресурсов, т.е. для решения интересующей его управленческой задачи необходимо плести сети поддержки, встраиваться в существующие коалиции, искать сторонников, готовых оказать содействие в реализации задуманного. Однако предлагаемые им идеи разрушительно действуют на достигнутый баланс сил, ориентированы в большей степени на изменения, а не на укрепление и стабилизацию [Mentrom, 2013]. Успех политических антрепренеров зависит не только от умения формировать сети поддержки, встраиваться в уже существующие альянсы и изменять политические убеждения их участников, но и от наличия политической интуиции, способности чувствовать правильный момент, скорое открытие «окна возможностей», благодаря чему станет возможным принятие тех или иных действий, приближающих достижение цели.

На *этапе разработки и планирования решения* межсетевая конкуренция не ослабевает, не изменяются и типы коалиций, но меняются их состав и численность, так как на этой арене взаимодействия остаются только одержавшие победу в предыдущем раунде, сумевшие реализовать свои стратегические задачи по включению проблемы в повестку дня. На этом этапе они участвуют в выборе альтернатив, выработке механизмов и набора инструментов дальнейшей реализации решений. Важной особенностью сетевых альянсов, действующих на этих этапах, является их самоуправляемость. Именно их отличает высокий кооперативный потенциал, сбалансированность связей между участниками, наличие плотных социальных контактов, обеспеченность ресурсами, горизонтальная и неформальная координация действий, приверженность и вовлеченность всех участников или значительной их части в совместное решение проблемы, а также высокий уровень доверия.

На *этапе реализации решений* появляется новый тип сетей – имплементационные структуры, объединяющие государственные институты с объектами регулирования, но не в традиционном бю-

рократическом формате, а в принципал-агентском, требующем не принуждения, а разработки набора стимулов для желаемого поведения и достижения установленных контрольных показателей, а также санкций за несоответствие им и оппортунистское поведение. Эффективность сетевой координации на этом этапе зависит во многом от степени участия бизнеса в разработке правил регулятора, достижения согласия между ними. Таким образом, в имплементационных сетях комбинируются принуждение, добровольность и самоорганизация. Однако их конфигурация в обязательном порядке предполагает наличие ведущей организации, концентрирующей в своих руках властные полномочия и развивающей сильные и плотные контакты с остальными участниками (которые слабо связаны друг с другом), координирующей сетевую активность. Для государства в такой сетевой конфигурации важно не установление вертикального контроля (хотя централизация присутствует), а расширение горизонтальных связей, способствующих росту доверия участников, снижению конфликтности, усилению автономии участников в рамках конвенционального поведения. Имплементационные сети создаются не только как системы регулирования, но и как системы оказания социальных услуг, когда государство выделяет финансирование на эти услуги, но само их не оказывает, а привлекает для этого через контракты и гранты негосударственных акторов (бизнес- и некоммерческие организации).

Вместе с тем следует заметить, что имплементационные сети могут не только создаваться для повышения гибкости и качества государственного управления, но и использоваться как инструмент: (1) взаимовыгодного перераспределения ресурсов латентными сетевыми группировками в системе власти; (2) мобилизации ресурсов исключительно в интересах государства.

В первом случае речь идет о сетевых альянсах, колонизировавших пространство публичной политики и вполне легально использующих общественные ресурсы в своих узкогрупповых интересах. Об их наличии в системе государственного управления будет свидетельствовать низкий уровень мониторинга действий негосударственных агентов на этапе реализации, отсутствие должной государственной реакции на несоблюдение участниками установленных стандартов и низкое качество оказания услуг. Благоприятную среду для распространения таких сетей создает закрытая система принятия решений, в которой эти латентные сетевые

группировки со временем перерождаются в кланы, представляющие собой паутину с чрезмерно развитыми радиальными и слабыми концентрическими связями между участниками, что означает возможность контакта между участниками только через центр.

В центре клана находится влиятельный лидер, использующий все виды ресурсов для контроля над конкретными сферами государственной политики через руководителей государственных институтов, назначенных при его непосредственном участии. И лидер, и участники клана, занимая руководящие позиции в системе власти, не только используют действующие нормы, законы, правила как инструменты защиты партикулярных интересов, но и располагают полномочиями по их разработке и принятию, что гарантирует таким неформальным отношениям жизнеспособность и неуязвимость для внешнего воздействия. Несмотря на свою сетевую природу, кланы все-таки серьезно отличаются от типичных сетевых альянсов, широко распространенных в государственном управлении, поскольку [Mikhaylova, 2018]:

- 1) ставят своей целью влияние на процесс принятия и реализации решений, а не «захват» государства и использование его ресурсов в своих интересах;

- 2) действуют в конкурентной среде, в которой многие независимые друг от друга сетевые альянсы предпринимают усилия по продвижению своих вариантов нарративов, альтернатив и решений;

- 3) их участники являются носителями идей и ценностей, транслируемых в пространство публичной политики;

- 4) конкуренция между сетями воспринимается как игровое взаимодействие и не предполагает уничтожения соперника;

- 5) участники не имеют привилегированного доступа к общественным ресурсам;

- 6) деятельность ограничена действующими правилами и нормами;

- 7) не конкурируют с государственными институтами, а также могут быть ими целенаправленно активированы для обеспечения синергетического эффекта при реализации политики.

Во втором случае речь идет о формировании на этапе реализации решения «пустотелых» сетевых структур. «Пустотелые» сетевые структуры, или полусети, только по форме представляют собой объединения институционально независимых акторов, совместно решающих актуальные исключительно для государства

задачи. Иначе говоря, без применения государством мер принуждения к объединению они не стали бы соучаствовать и вкладывать свои ресурсы, заранее понимая, что никому из участников, кроме как государству, их совместная деятельность не принесет существенных выгод. Добровольное вступление в принудительные сетевые отношения может лишь гарантировать им неприменение силы со стороны государства и отъема ресурсов в полном объеме. «Пустотелые» сетевые структуры существуют также в форме объединения подконтрольных государству гражданских ассоциаций, созданных не по инициативе «снизу», а по инициативе «сверху» для имитации негосударственной активности в обществе. Эти объединения полностью зависят от государственного финансирования и их инициативы связаны исключительно с интересами государства, которое не оставляет участникам свободы действия и проявления инициативы, способной нарушить доминирование главного игрока.

На *этапе оценки реализованного решения* также формируются сети из заинтересованных акторов, включая представителей общественности и экспертного сообщества. Разнообразие подходов к проведению оценки, разница в восприятии результатов и последствий разными ведомствами и социальными группами стимулирует межсетевую конкуренцию, победитель в которой сможет представить ее как итоговую и официальную.

* * *

Признавая влияние сетевых коалиций в процессе разработки и реализации решений, их возможность принимать различные конфигурации и использовать разнообразные механизмы координации для достижения поставленных целей, все же необходимо понимать, что в системе государственного управления, качественно выполняющей свои функции, они не являются полностью независимыми и самостоятельными игроками, способными манипулировать государством и его институтами в собственных интересах. Их негативный потенциал проявляется в ситуации расхождения политических и управленческих ориентаций власти и ожиданий общества на фоне слабости институтов и отсутствия общественного контроля за политическими игроками, что приво-

дит к постепенному замещению государственного управления
правлением латентных сетевых группировок.

O.V. Mikhaylova*

**Networks in modern public administration:
configurations and coordination mechanisms**

Abstract. The article reveals the specifics of policy networks in the public administration system, examines in detail the basic characteristics of networks, as well as the features of the configuration and coordination mechanisms inherent in various types of network coalitions. The author examines networks in the context of their positive and negative impact on the quality of public administration, drawing attention to the conditions for the degeneration of network associations that allow the state, together with non-state actors, to solve socially significant problems into structures that threaten the integrity of the political system.

In the context of the author's definition of networks in public administration, the article examines their structural components, reveals the features of the position of network actors, describes the operational functions of networks (exchange of information, financial resources and dissemination of knowledge), emphasizes the importance of the problem of closeness for their functioning. Particular attention is paid to the positioning of state institutions in networks, the author reveals the reasons for their use of a predominantly principal-agent mechanism for coordinating interaction with nongovernment participants, which reduces the degree of their freedom in the network, but at the same time guarantees the observance of socially significant interest in the implementation of programs and projects. The article also discusses in detail the configurations of networks and the specifics of their activities at all stages of decision-making and implementation, emphasizes the opportunities and threats associated with the activities of certain types of network alliances. The author emphasizes that the negative potential of network structures is manifested in a situation of divergence of political and managerial orientations of power and society's expectations against the background of weak institutions and lack of public control over political players, which leads to the gradual replacement of public administration by the rule of latent network groups.

Keywords: policy networks; network actors; decision-making process; public administration; network functions; network types.

For citation: Mikhaylova O.V. Networks in modern public administration: configurations and coordination mechanisms. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 14–30. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.01>

---

* **Mikhaylova Olga**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),
e-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

References

- Agranoff R. *Crossing boundaries for intergovernmental management*. Washington, DC : Georgetown university press, 2017, 312 p.
- Bovaird T. Public Governance: balancing stakeholder power in a network society. *International review of administrative science*. 2005, Vol. 70, N 2, P. 217–228. DOI: <https://doi.org/10.1177/0020852305053881>
- Christopoulos D., Ingold K. Distinguishing between political brokerage and political entrepreneurship. *Procedia – social and behavioral science*. 2011, Vol. 10, P. 36–42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.01.006>
- Dunlop C.A. Epistemic communities. In: Araral E., Fritzen S., Howlett M., Ramesh M., Wu X. (eds). *Handbook of public policy*. London : Routledge, 2013, P. 229–243.
- Granovetter M. The strength of weak ties. *The American journal of sociology*. 1973, Vol. 78, N 6, P. 1360–1380. DOI: <https://doi.org/10.1086/225469>
- Haas P.M. Epistemic communities. In: Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L. (eds). *IPSA encyclopedia of political science*. New York, NY : SAGE, 2011, P. 787–791.
- Jordan G. ‘Sub-governments, policy communities and networks: reflecting the old bottles? *Journal of theoretical politics*. 1990, Vol. 2, N 3, P. 319–338. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692890002003004>
- Knill C., Lehmkuhl D. Private actors and the state: internationalization and changing patterns of governance. *Governance: an international journal of policy, administration, and institutions*. 2002, Vol. 15, N 1, P. 41–63. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00179>
- Lowi T.J. *Legislative politics, U.S.A.* Boston : Little Brown, 1962, 224 p.
- Lowi T.J. *The end of liberalism ideology, policy, and the crisis of public authority*. New York : W.W. Norton, 1969, 322 p.
- Mentrom M. Policy entrepreneurs and controversial science: governing human embryonic stem cell research. *Journal of European public policy*. 2013, Vol. 20, N 3, P. 442–457. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2012.761514>
- Mikhaylova O. Network actors in public policy. In: Kyros R., Lott M. (eds). *Public policy and social change. perspectives, challenges and future directions*. New York : Nova Science Pub Inc, 2018, P. 117–145.
- Newig J., Gunter D., Pahl-Wostl C. Synapses in the network: learning in governance networks in the context of environmental management. *Ecology and society*. 2010, Vol. 15, N 4. DOI: <https://doi.org/10.5751/es-03713-150424>
- Ostrom E. *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. New York : Cambridge university press, 1990, 280 p.
- Rhodes R. *Understanding governance: policy networks, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham : Open university press, 1997, 255 p.
- Sabatier P. An advocacy coalition framework of policy change and the role of policy-oriented learning therein. *Policy sciences*. 1988, Vol. 21, N 2–3, P. 129–168. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00136406>
- Sandstrom A., Carlsson L. The performance of policy networks: the relation between network structure and network performance. *The policy studies journal*. 2008, Vol. 36, N 4, P. 497–524. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2008.00281.x>

- Scharpf F.W. Interorganisational policy studies: issues, concepts and perspectives. In: Hanf K.I., Scharpf F.W. (eds). *Interorganisational policy making: limits to coordination and central control*. London ; Beverly Hills : Sage Publications, 1978, P. 354–370.
- Solovyov A.I. The state as manufacturer of policy. *Polis. Political studies*. 2016, N 2, P. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08> (In Russ.)
- Solovyov A.I. Latent structures of the state rule, or the play of shadows upon the face of the authority. *Polis. Political studies*. 2011, N 5, P. 70–98. (In Russ.)
- Zavershinckiy K.F. «Political trust» as a symbolic source of change in political networks. *Political expertise: POLITEX*. 2012, N 3, P. 63–75. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Завершинский К.Ф. «Политическое доверие» как символический источник изменений в политических сетях // ПОЛИТЭК. – 2012. – № 3. – С. 63–75.
- Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08>
- Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 70–98.

И.А. ПОМИГУЕВ, И.В. ФОМИН, А.М. МАЛЬЦЕВ*

**СЕТЕВОЙ ПОДХОД В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ
КАЧЕСТВЕННОГО И КОЛИЧЕСТВЕННОГО
АНАЛИЗА ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹**

Аннотация. В статье рассматриваются методологические особенности применения сетевого подхода в законодательных исследованиях, предлагается обзор новых перспективных методов анализа участников парламентской деятельности.

Ключевое место в работах на базе сетевого подхода занимают неформальные взаимодействия и кооперации групп акторов, которые связаны доверитель-

---

* **Помигуев Илья Александрович**, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН; доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), e-mail: romilya@mail.ru; **Фомин Иван Владленович**, кандидат политических наук, доцент Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов Института международных исследований, МГИМО МИД России; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: fomin.i@gmail.com; **Мальцев Артем Михайлович**, преподаватель Департамента политики и управления Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31792.

DOI: 10.31249/poln/2021.04.02

ными отношениями и стремлением к достижению общих целей, а степень их влияния определяется объемом разнообразных ресурсов, уровнем активности и заинтересованности участников. В законодательных исследованиях для определения связей между парламентариями используется анализ различных общедоступных данных, среди которых ключевой – это соавторство в законопроектах. Кроме того, есть работы, анализирующие результаты поименного голосования за законопроекты коллег, личные взаимодействия, определяемые с помощью интервью с парламентариями, их связи в соцсетях, официальные письма, тексты выступлений и др.

Для политических исследователей изучение парламентской деятельности с помощью сетевого подхода достаточно перспективно еще и потому, что методологически законодательный орган представляет собой «малый мир» с устойчивой структурой членов, высоким уровнем институционализации. Нужно также учитывать, что на персональный состав парламента и стратегии деятельности его членов большое влияние оказывают внешние силы – избиратели и другие органы власти.

Особое внимание в статье уделяется методическим вопросам анализа сетей. В частности, рассматриваются возможности применения в законодательных исследованиях метода дискурс-сетевого анализа, который позволяет картировать состав коалиций поддержки и моделировать отношения между их участниками на основе данных о сходствах и различиях в содержании их публичных высказываний.

Также в статье представлен обзор современных подходов к количественному исследованию множественных парных взаимодействий в парламенте. В центре внимания – преимущества новейших методов инферентного сетевого анализа для работы с «диадной» структурой данных. Также приводится обзор последних исследований парламентских сетей, опирающихся на различные модели экспоненциального случайного графа (ERGM), в том числе их вариации для временных рядов (SAOM и TERGM). Продемонстрировано, что такие методы позволяют моделировать совместно влияние как внутренних сетевых структур, так и индивидуальных эндогенных или экзогенных предикторов, на динамику взаимодействий между членами парламента.

Ключевые слова: законодательные исследования; парламентская деятельность; сетевой подход; сетевой анализ; сети соавторства; инферентный сетевой анализ; дискурс-сетевого анализ.

Для цитирования: Помигуев И.А., Фомин И.В., Мальцев А.М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 31–59. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>

Парламент является полем политической борьбы, согласования интересов разных социальных групп, легализации и легитимизации политических решений в виде законодательных актов, регулирующих практически все сферы общественной жизни в государстве. В целом парламентская деятельность сложна и мно-

гогранна, что можно понять по функциям, которые выполняет данный институт.

В политической науке основной фокус внимания долгое время был сосредоточен на взаимодействии законодательных и исполнительных органов власти, причем эта область исследовалась по-разному, в том числе с помощью математических инструментов анализа. Р. Элджи [Elgie, 2005], оценивая «волны» таких исследований, пришел к выводу, что они развивались от простого изучения типов политического режима и демократической консолидации (например, Х. Линц) с последующим увеличением параметров изучения – здесь добавилась партийная система и сила исполнительной власти (например, М. Шугарт, Дж. Керри, С. Майнверинг и др.) – до изучения в рамках неинституционализма с присущим ему методологическим индивидуализмом (Г. Коуз, К. Стром, Дж. Цебелис и др.).

Современный неинституциональный этап изучения парламентаризма уравнивал политических акторов в парламенте и подчеркнул значение не только формальных статусов и ролей, норм и правил игры как политического поля, но и неформальных практик и интеракций участников процесса, расширил представление о парламенте, представив его как поле для взаимодействия. В связи с этим неизбежно наблюдаются попытки исследователей посмотреть на парламент как на сетевую структуру (например, [Fowler, 2006 a; b; Aleman, 2015; Aleman, Calvo, 2013; Wonka, Haunss, 2020; Bratton, Rouse, 2011]).

С середины 90-х годов XX в. сетевой подход приобретает серьезный вес в научной среде, поскольку предлагает шире взглянуть на деятельность политических акторов и их количество, признав существование множества властных центров, формируемых «государственными и негосударственными образованиями, вступающими во взаимодействие между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя как формальные, так и неформальные нормы» [Сморгунов, Шерстобитов, 2018].

Ключевое место в исследованиях на базе сетевого подхода занимают неформальные взаимодействия и кооперации групп акторов, связанных наличием доверия и стремлением к достижению общей цели, степень влияния которых определяется количеством разнообразных ресурсов, уровнем активности и заинтересованности участников [Сообщество молодых политологов..., 2021]. При

всей перспективности и популярности данного подхода он все же часто критикуется из-за ограничений в получении информации о неформальных коммуникациях акторов [Сетевой анализ..., 2013; Михайлова, 2013].

Данная статья направлена на то, чтобы показать, что сетевые интеракции политических акторов в парламентском поле можно не только выявить, но и успешно проанализировать. В связи с этим знакомство с передовыми методами сетевого анализа и их систематизация станет заделом для будущих исследований парламентских органов, коалиционных стратегий их участников, принципов сотрудничества, политического и идеологического содержания результатов различных интеракций. При этом временные коалиции парламентариев могут показать не столько особенности взаимоотношения парламента с правительством, сколько специфику коалиций акторов по сферам политики и отдельным отраслям законодательства.

Применяя сетевой подход в законодательных исследованиях, мы можем продолжить мысль Р. Элджи: политическая наука уже перешла в четвертую волну изучения взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти, где правительство, а точнее, представители исполнительной власти, выступают одними из акторов сетевого взаимодействия в парламенте.

Теперь мы предлагаем посмотреть на то, какие методологические особенности присущи сетевым законодательным исследованиям, и познакомиться с перспективными методами анализа.

Методологические особенности сетевого подхода в законодательных исследованиях

Значимость сетевого подхода к анализу политики сложно переоценить. Это направление исследования в настоящее время получает все большую популярность в социальных науках [Помигуев, 2019]. Междисциплинарная методология сетевого анализа является одним из наиболее удачных инструментов для рассмотрения отношений и взаимодействий социальных общностей [Stokman, Doreian, 1997; Borgatti, Foster, 2003; Lin, 1999]: как неограниченных по масштабам и численности [Scott, 2013], так и групп «малого мира» [Watts, Strogatz, 1998].

Законодательные исследования – направление политологии, имеющее свои школы, научные центры и журналы¹, – не отстают от общемировых трендов в политологии (см. подробнее об этом направлении политических исследований в оксфордском хэндбук [Shane, Saalfeld, Strøm, 2014]). Долгое время здесь преобладали работы, анализирующие деятельность отдельных законодателей (например, их поведение, стимулы, характеристики) и самих законодательных органов (например, роль законодательного органа по отношению к другим государственным учреждениям и политическую природу законодательного процесса [Помигуев, Алексеев, 2021]), однако в последнее время все заметнее на общем фоне становятся сетевые исследования [Ringe, Victor, Cho, 2016].

Социальные сети в законодательных органах отличаются от других тем, что их участники выбираются внешней силой – избирателями на выборах. В самом парламенте есть уже устоявшиеся формальные правила, практики неформального взаимодействия и сетевые коалиции. Законодательные сети как сети «малого мира» имеют ряд преимуществ для исследовательской деятельности:

- ограниченное количество участников, которые заранее определены и находятся в определенных институциональных рамках;
- подсети взаимодействия, которые легко определить по публичной деятельности участников;
- четкие правила парламентской процедуры, которые дают точное представление об этапах и формах деятельности парламентариев [Ringe, Victor, Gross, 2013, p. 613–614].

Наиболее популярным способом определения взаимоотношений или связей между законодателями через призму сетевой методологии является поддержка законодательных инициатив своих коллег (legislative cosponsorship), что отчасти объясняется удобством сбора данных – информация об инициаторах законопроектов находится в публичном доступе [Kirkland, Gross, 2014]. Тем не менее публичная поддержка предложений коллег действительно имеет большое значение для политиков и исследователей, показывая особенности стратегического поведения парламентариев, выражаемого в том числе в желании угодить своим избирателям [Koger, 2003]. Для сбора этих данных достаточно иметь информа-

---

¹ Самый яркий пример – периодические научные издания The Journal of Legislative Studies и Legislative Studies Quarterly.

цию обо всех соавторах вносимых законопроектов, закодировать данные в виде «диадных» неориентированных ($A - B$, $B - C$, $A - C$) или ориентированных ($A \rightarrow B$, $B \rightarrow C$, $A \rightarrow C$) связей, а также в виде матрицы, где 1 будет означать наличие связи, а 0 – отсутствие (см., например: [Bratton, Rouse, 2011; Ringe, Victor, Gross, 2013]).

Другими данными, которыми оперируют исследователи, могут являться поименное голосование за проекты коллег [Sulkin, Swigger, 2008; Aleman, Calvo, 2013], личные взаимодействия парламентариев (сбор данных с помощью экспертных интервью), официальные письма (в публичном доступе на сайтах плат) [Sciarini et al., 2021]. Также есть работы, где анализируются взаимодействия парламентариев в соцсетях и СМИ [Kirkland, Kroeger, 2018], их выступлениях в рамках парламентской деятельности [Leifeld, 2016], о чем пойдет речь ниже.

Одно из первых исследований сетей соавторства мы можем найти в работах Дж. Фаулера, изучавшего парламент США [Fowler, 2006 a; b], в которых он рассматривает механизмы образования связей между членами парламента и на основе измерения ряда сетевых метрик находит, что возникающие социальные связи могут объяснять некоторые аспекты законотворческой деятельности. Например, изменения регламентов (правил и процедур работы парламента) почти не оказывают влияния на паттерны установления связей. В то же время соавторство позволяет довольно точно предсказывать сотрудничество депутатов в будущем, механизмы которого могут быть разными: от тесной взаимовыгодной кооперации до взаимных уступок. Сетевой анализ показывает, что наиболее тесные связи образуются между главами и членами комитетов (институциональные связи), представителями от одного штата или граничащих избирательных округов (региональные связи) и друзьями (персональные связи).

Сетевой подход открывает и другие исследовательские перспективы, связанные с изучением сетей сотрудничества. В частности, немецкие политологи А. Вонка и С. Хаунсс [Wonka, Haunss, 2020] рассмотрели стратегии сотрудничества депутатов Бундестага в целях обмена ресурсами и организации политической поддержки и проанализировали информационные сети, складывающиеся с политиками из других партий и с группами интересов. Опираясь на данные онлайн-опроса парламентариев ($N=98$), исследователи обнаружили пять кластеров парламентариев, чьи сети сотрудни-

чества в политике ЕС различаются как по своей структуре, так и по интенсивности контактов, которые они поддерживают с разными участниками: 1) депутаты, сотрудничающие с членами своей парламентской партии; 2) депутаты, сотрудничающие с министрами правительства в основном из своей партии; 3) депутаты, которые помимо контактов внутри своей партии поддерживают прочные связи с НПО и профсоюзами; 4) депутаты, регулярно контактирующие с руководством своей парламентской группы и с руководством своей партии; 5) депутаты, взаимодействующие с группами интересов. Недостаток такого подхода заключается в ограниченности и неполноте эмпирических данных, поскольку связи депутатов прослеживаются только на основе тех ответов, которые они дали в опроснике.

Отдельное внимание стоит обратить на работы, посвященные анализу парламентских сетей в различных институциональных контекстах, о чем подробно пишет Э. Алеман, изучавший сетевую кооперацию в многопартийных парламентах Латинской Америки. В целом, подтверждая выводы, обозначенные в предыдущих публикациях, Э. Алеман фокусируется на другом: он выявляет общие политические ориентации относительно отдельных вопросов у представителей разных фракций и комитетов [Aleman, 2015; Aleman, Calvo, 2013].

Представленные исследования свидетельствуют о высокой востребованности сетевого подхода в законодательных исследованиях, однако возникают другие проблемы – методического характера. Важно не только собрать данные, но и объективно проанализировать их. Но в этом вопросе согласия у исследователей нет, а сами методические инструменты сетевого анализа находятся на начальных этапах своего становления. Предлагаем рассмотреть два наиболее востребованных и перспективных метода – качественный дискурс-сетевой и количественный инферентный.

Дискурс-сетевой анализ: парламентские коалиции как эпистемические сообщества

Особое место в ряду сетевых методов законодательных исследований занимает метод дискурс-сетевого анализа (Discourse

Network Analysis)¹. В его основе лежит принцип, согласно которому сетевые связи между акторами, участвующими в законодательном процессе, могут быть смоделированы на базе информации о сходствах или различиях в их позициях, которые реконструируются посредством анализа текстов их высказываний. Исследования, которые задействуют инструментарий дискурс-сетевого анализа, проводятся обычно в два этапа. На первом этапе осуществляется аннотирование текстов с опорой на определенную систему кодирующих категорий, на втором – на основе уже закодированных данных строятся сети, картирующие отношение политических авторов к той или иной выявленной в текстах категории [Leifeld, 2016].

Основоположник метода дискурс-сетевого анализа – профессор Эссекского университета Ф. Лайфельд. Именно им были созданы программа Discourse Network Analyzer (DNA) и пакет rDNA для языка программирования R, которые позволяют организовать кодирование текстов (в том числе в ситуациях, когда с одним массивом работают несколько кодировщиков), а затем строить на основе обработанных таким образом данных дискурсивные сети и анализировать их с применением различных приемов сетевого анализа².

В теоретическом аспекте дискурс-сетевой анализ опирается на различные концепции, предполагающие реляционное структурирование полемики по вопросам, связанным с выработкой политического курса (policy debates). Главным образом в фокусе внимания здесь находятся те подходы, которые предполагают, что в ходе такой полемики, – вследствие существующих между политическими акторами сходств в плане убеждений, политических позиций или способов аргументации, – формируются определенные коалиции [Leifeld, 2016]. Так, в частности, Ф. Лайфельд, очерчивая теоретические основания метода дискурс-сетевого анализа, отсылает к рассуждениям П. Сабатье о коалициях поддержки (advocacy

---

¹ Сочетание приемов сетевого и контент-анализа.

² См.: Leifeld P. Discourse Network Analyzer Manual / P. Leifeld, J. Gruber, F.R. Bossner. – 2019. – 65 p. – Mode of access: <https://usermanual.wiki/Pdf/dnamanual.2049511603.pdf> (accessed: 29.09.2021); Leifeld P. – Mode of access: <https://www.philipleifeld.com/> (accessed: 29.09.2021); Leifeld P. Discourse Network Analyzer (DNA) // github.com. – 2021. – Mode of access: <https://github.com/leifeld/dna> (accessed: 29.09.2021); Leifeld P. rDNA // github.com. – 2021. – Mode of access: <https://github.com/leifeld/dna#rdna-a-package-to-control-dna-from-r> (accessed: 29.09.2021).

coalitions) [Sabatier, 1988] и к исследованиям М. Хайера о дискурскоалициях (discourse-coalitions) [Hajer, 1993; Hajer, 1995, p. 65]. Надо отметить также и ряд других похожих теорий, которые не используют напрямую термин «коалиция», но в той или иной форме рассуждают о кластеризации акторов по принципу сходства тех или иных установок [Leifeld, 2016], говоря, например, о парадигмах политик (policy paradigms) [Hall, 1993; Hogan, Howlett, 2015] или об эпистемических сообществах [Haas, 1992; Сообщество молодых политологов..., 2021, с. 17–21]. Наконец, как указывает Лайфельд, помимо теорий, в фокусе которых находятся процессы кросс-секционной кластеризации акторов, для сетевого дискурс-анализа важной отправной точкой служат также и концепции, фокусирующиеся на содержательной кластеризации дискурса, такие, например, как теория фреймов [Goffman, 1986], теория цикла внимания (issue-attention cycle) [Downs, 1972] или рассуждения о политических волнах [Wolfsfeld, Sheafer, 2006].

Главной единицей анализа в рамках дискурс-сетевого анализа выступают отдельные высказывания (statements), каждое из которых обычно характеризуется через несколько переменных, которые позволяют зафиксировать, в чем суть этого высказывания, а также кто и когда его произвел. Обычно для этого используются четыре переменные: (1) *актор* (actor), (2) *время* (timestamp), (3) *концепт* (concept), и (4) *мера согласия* (agreement). Соответственно, переменная *актор* фиксирует, кто произвел данное высказывание¹, а переменная *время* показывает, когда именно оно было произведено. В качестве *концепта* же фиксируется некоторая «абстрактная репрезентация» обсуждаемого в высказывании содержания [Leifeld, 2016].

В зависимости от задач конкретного исследования и выбранных подходов в качестве концептов могут кодироваться различные смысловые сущности. Так, например, это могут быть тезисы по поводу тех или иных инструментов политики (policy instruments). Скажем, в полемике по поводу изменения климата в качестве концептов выделяются тезисы вроде «углеводороды надо заменить атомной энергетикой» [Leifeld, 2016] или «законодательное регу-

---

¹ В качестве акторов, в зависимости от дизайна конкретного исследования, могут фиксироваться либо отдельные спикеры, либо целые организации, от лица которых производятся высказывания.

лирование выбросов углекислого газа не нанесет вреда экономике» [Fisher, Leifeld, Iwaki, 2013, p. 529]. Возможны, однако, и другие подходы, предполагающие кодирование не тезисов, а других элементов дискурса. К примеру, кодироваться могут типовые нарративы о политике или определенные способы обоснования (justifications) политических тезисов [Leifeld, 2016].

Важно, что сама по себе переменная *концепт* фиксирует по большей части только семантические аспекты высказывания, оставляя за рамками аспекты прагматические (оценочные). За них отвечает отдельная переменная – *мера согласия*, которая предназначена именно для описания того, как к концепту относится произведший высказывание актор [Leifeld, 2016]. При таком подходе к кодированию, например, и высказывания в пользу замены углеводородов атомной энергетикой, и высказывания против такой замены будут закодированы одним и тем же значением переменной *концепт*, но противоположными значениями переменной *мера согласия* (например, согласие и несогласие могут кодироваться «1» и «-1» соответственно¹).

Формализованные таким образом данные как раз и служат основой для сетевого анализа, который позволяет визуализировать возникающие в политическом дискурсе коалиции, фиксировать их характеристики и отслеживать их изменения. Для решения такого рода задач в дискурс-сетевом анализе используются сети нескольких видов [Leifeld, 2016].

- *Сеть аффилиации*. В качестве узлов в такой сети представлены акторы и концепты. Веса ребер показывают или сам факт наличия определенных концептов в высказываниях акторов, или же степень (не)согласия акторов с этими концептами.

- *Сеть конгруэнтности акторов*. Моделирует, насколько сильно совпадают позиции акторов. В качестве узлов в такой сети представлены только акторы, а веса ребер соответствуют тому, в отношении какого числа концептов данная пара акторов имеет сходную меру согласия.

---

¹ В самом простом виде мера согласия кодируется как бинарная переменная («согласие с концептом» (1) или «несогласие с концептом» (-1)), однако возможны также и подходы к кодированию, предполагающие различные градации согласия и несогласия (например, от 5 до -5) (См.: Leifeld P. Discourse Network Analyzer Manual / P. Leifeld, J. Gruber, F.R. Bossner. – 2019. – P. 5. – Mode of access: <https://usermanual.wiki/Pdf/dnamanual.2049511603.pdf> (accessed: 29.09.2021)).

• *Сеть конфронтации акторов*. Моделирует, насколько сильно позиции акторов расходятся. В качестве узлов в такой сети тоже представлены акторы, но теперь веса ребер соответствуют тому, в отношении какого числа концептов акторы в данной паре имеют меры согласия с разным знаком.

• *Сеть конгруэнтности концептов*. Моделирует относительно устойчивые комплексы концептов. В качестве узлов в такой сети представлены единицы «концепт – согласие» и единицы «концепт – несогласие» (иными словами, каждый концепт представлен в сети дважды – как концепт, с которым соглашаются, и как концепт, с которым не соглашаются). Веса ребер при этом показывают, у какого числа акторов та или иная единица «концепт – (не)согласие» возникает совместно с другой единицей «концепт – (не)согласие».

Для учета фактора времени в дискурс-сетевом анализе используются модифицированные варианты сетей, которые позволяют задавать параметры, ограничивающие, насколько близко друг к другу во времени должны находиться высказывания, чтобы та или иная связь принималась в расчет при калькуляции весов ребер [Leifeld, 2016]. Кроме того, иногда также применяются различные методы нормализации весов ребер, которые помогают скомпенсировать то обстоятельство, что высказывания одних акторов могут встречаться в анализируемом корпусе текстов чаще, чем высказывания других [Leifeld, 2016]¹.

Дискурс-сетевой анализ может носить не только дескриптивный, но инферентный характер. То есть он, в принципе, позволяет не только представлять в виде сетей те или иные кластеры акторов и концептов, но и отвечать на вопросы о том, как структура и динамика дискурс-сетей связана с другими факторами политической жизни. Такие вопросы могут касаться, скажем, того, как внутренняя структура коалиций связана с их успешностью.

---

¹ Это может происходить, например, вследствие большей «медийности» одних акторов по сравнению с другими. Влияние такого рода факторов на структуру сетей не всегда является проблемой – здесь все зависит от исследовательского замысла. Однако, как отмечает Ф. Лайфельд, если цель исследования состоит в том, чтобы выделить коалиции именно по принципу сходства позиций, то такие факторы как «медийность» фактически оказываются вмешивающимися и могут вносить искажение в результаты анализа, если веса ребер не будут нормализованы.

Или того, как на структуру политической полемики влияют различные контекстуальные факторы (например, приближающиеся выборы). Наконец, вопросы могут быть связаны с тем, в какой мере те или иные изменения политического курса могут объясняться изменениями в составе и конфигурации коалиций. Помимо этого, возможны также исследования, которые фокусируются на закономерностях микроуровня, – т.е. на том, какими факторами объясняется положение отдельных акторов в дискурс-сети [Leifeld, 2016].

Материалами для исследования в рамках дискурс-сетевого анализа могут выступать самые разнообразные тексты, в зависимости от того, какие именно дискурсы интересуют исследователя [Leifeld, 2016]. Зачастую это либо тексты из парламентского дискурса, либо публикации массмедиа. Так, например, для исследования [Fisher, Leifeld, Iwaki, 2013], посвященного «идеологическим сетям», которые складываются в политическом дискурсе США, когда речь идет о политике по борьбе с изменением климата, эмпирической базой послужили стенограммы показаний на слушаниях в американском конгрессе (congressional testimony). Другой пример – исследование коалиций поддержки, складывающихся в полемике о реформе пенсионной системы в ФРГ [Leifeld, 2013]. В этом случае анализ строился на кодировании газетных публикаций. Возможны, наконец, и варианты, когда корпус анализируемых текстов имеет комбинированный характер. Скажем, именно так было выстроено исследование [Brandenberger et al., 2015], посвященное процессам выработки в Швейцарии решений в сфере водной политики. В нем авторы пошли по пути совмещения анализа «парламентской арены» и «арены массмедиа», соответственно, в исследуемый корпус вошли и тексты парламентского делопроизводства, и публикации СМИ.

Таким образом, дискурс-сетевой анализ – это метод с богатым потенциалом, который находит применение не только в исследованиях законодательства, но и вообще в исследованиях, посвященных дискурсивным аспектам выработки политического курса. Он позволяет описывать структуру политической полемики и количественно оценивать степень проявляющейся в такой полемике поляризации. При этом, и это особенно важно, он дает инструменты, которые позволяют на эмпирическом материале выделять коалиции поддержки, определять их состав и отслеживать их динамику. Перспективным видится

также использование инструментов дискурс-сетевого анализа в сочетании с другими методами сетевого моделирования. Так, например, в исследованиях законодательного процесса анализ дискурсивных сетей может сочетаться с анализом сетей соавторства законопроектов с помощью инструментария, предоставляемого количественными методами сетевого анализа.

«Традиционные» модели линейной регрессии в сетевом анализе парламентской деятельности

Каким образом делегаты выбирают партнеров для совместной работы над законопроектами? Каким образом в этом процессе формируются устойчивые коалиции? Влияет ли совместное членство делегатов в парламентских коалициях на результативность образующихся между ними связей?

Наиболее прямолинейной попыткой ответа на эти вопросы может стать применение разнообразных моделей регрессионного анализа для исследования «диадного» массива данных, представляющего совокупность всех возможных пар взаимодействующих агентов. Так, с помощью логистической регрессионной модели можно, например, попытаться оценить факторы, влияющие на шанс возникновения связи в паре между двумя делегатами парламента. В 2000-е годы широкое распространение получили исследования предвыборных партийных коалиций как в демократических режимах [Golder, 2005; 2006; Chiru, Neamtu, 2012; Ibenskas, 2015], так и в переходных авторитарных режимах [Wahman, 2011; Gandhi, Reuter, 2013]. Исследовательский дизайн в этих работах предполагал использование в качестве единицы анализа «диады» (пары) политических партий, вступающих в предвыборные коалиции между собой. Таким образом, зависимая переменная здесь имела бинарный характер, где формирование коалиции принималось за единицу, а отсутствие коалиции соответственно за ноль. Далее авторы могли оценить статистический эффект различных факторов на шанс формирования коалиции с опорой на кросс-страновую панельную выборку.

Аналогичный исследовательский дизайн используется и в настоящее время, в частности, для изучения факторов успешности законодательных инициатив, где в качестве единицы анализа рас-

сматривается законопроект, в то время как взаимодействия между парламентариями, их индивидуальные характеристики и метрики сетевой центральности используются в качестве предикторов [Sciarini et al., 2021].

К сожалению, такой подход обладает рядом серьезных методологических недостатков. В первую очередь, «диадная» структура данных противоречит базовому допущению всех классических методов линейного анализа данных – независимости отдельных наблюдений друг от друга. Так, в классической регрессионной модели взаимодействие между парой делегатов или политических партий в парламенте А и Б моделируется как отдельное событие, на которое могут влиять различные характеристики соответствующих акторов А и Б. Однако на практике же, при принятии решения о формировании коалиции в каждой паре акторы А и Б, вероятнее всего, принимают во внимание информацию о совокупности своих связей с другими делегатами или партиями Б, В, Г и т.д.

Конечно, данная методологическая проблема давно известна в социальных науках, и за последние десятилетия было предложено множество различных способов и подходов к ее преодолению. К наиболее известным из них можно отнести использование разнообразных иерархических и многомерных регрессионных моделей, в которых информация о междиадных взаимодействиях акторов вносится в уравнение регрессионной модели в виде дополнительного эффекта на групповом уровне [Maguire, 1999; Lyons, Sayer, 2005]. Совместное членство акторов в сетевых сообществах также может быть учтено в виде отдельного предиктора [Lupu, Traag, 2013]. Более продвинутые решения включают байесовские билинейные модели со смешанными эффектами [Hoff, Ward, 2004; Hoff, 2005; Ward, Siverson, Cao, 2007], рандомизационные тесты для проверки параметров p -value [Erikson, Pinto, Rader, 2014], модели пространственного лага [Neumayer, Plümper, 2010], модели с k -мерной структурой данных [Poast, 2010; Ausderan, 2018] и модели с непараметрической кластерно-робастной оценкой дисперсии [Aronow, Samii, Assenova, 2015]. Тем не менее многие из обозначенных выше методов обладают собственными недостатками и ограничениями, часто связанными с лишь частичной способностью оценить эффекты переменных за пределами отдельно взятых пар акторов. Не погружаясь глубоко в теоретические и

методологические дискуссии, отметим лишь, что вопрос об аспектах «диадного» исследовательского дизайна на сегодняшний день является предметом острых споров. Особенно это характерно для современной теории международных отношений, где исследования взаимодействий между государствами и международными организациями диктуют необходимость работы с диадной структурой данных. При этом по данному вопросу существуют как скептические [Cranmer, Desmarais, 2016], так и более компромиссные мнения [Poast, 2016]. Разумеется, аналогичная дискуссия полностью актуальна для вопроса о методологии количественных исследований взаимодействий в парламенте, так как совокупность взаимодействий между делегатами сводится к аналогичной «диадной» структуре данных на уровне исходных данных количественного анализа.

Инферентный сетевой анализ парламентских коалиций: перспективные модели количественного анализа сетей и их динамики

С середины 2000-х годов особую популярность начинают приобретать различные модели *инферентного сетевого анализа*, принципиально отличающиеся от «традиционных» моделей линейной регрессии. В частности, речь идет о семействе методов, опирающихся на модель экспоненциального случайного графа (Exponential Random Graph Model, *ERGM*). Базовая ERGM [Wasserman, Faust, 1994; Robins et al., 2007] рассматривает эмпирическую сеть взаимодействий между акторами как одну из возможных реализаций множества случайных вариаций схожих сетевых графов. При этом развертывание различных вариаций сетевого графа возможно оценить с помощью вероятностной массовой функции Y , которая находится в зависимости от вектора ковариат S (y , X). Данная функция позволяет оценить вероятность развертывания вариаций сетевого графа, сходных с графом, наблюдаемым на реальных эмпирических данных [Cranmer, Desmarais, Menninga, 2012].

$$\Pr(Y = y \mid S, \theta, X) = \frac{\exp(\theta^T S(y, X))}{\sum_{y' \in \mathcal{Y}} \exp(\theta^T S(y', X))} I_{\mathcal{Y}}(y)$$

Рис.

**Вероятностная массовая функция
экспоненциального случайного сетевого графа¹**

¹ Левая часть формулы: вероятность наблюдать раскладку y возможного множества графов $\mathcal{Y}$ с параметрами раскладки $y - \theta, S$ и X . За θ обычно принимаются векторные значения коэффициентов предикторов, параметров модели. Это параметр, аналогичный регрессионной Бете, который мы пытаемся оценить в рамках модели. X – это набор параметров, ковариат. S – функция от сетевых и поведенческих эффектов. Правая часть формулы: вероятность наблюдать наш эмпирический граф во множестве случайных графов со сходными характеристиками имеет экспоненциальный вид и находится в зависимости наборов предикторов.

Вектор ковариат может включать в себя различные предикторы, отражающие как параметры отдельных акторов в сетевом графе, так и определенные характеристики всего сетевого графа в целом (например, наличие в нем определенных структур). Основным преимуществом модели экспоненциального случайного графа на «диадном» уровне анализа является способность одновременно рассматривать множество всех возможных связей между акторами (а не только изолированные взаимодействия между отдельными парами).

В последние несколько лет модели, основанные на экспоненциальных случайных графах, начали активно использоваться для исследования сетей и коалиций между партиями и депутатами. Классическая модель ERGM, как правило, используется для исследования статического графа, фиксированного во времени. Таким графом может быть, например, сумма всех связей между депутатами парламента за определенный, в том числе продолжительный, период. Такая конфигурация позволяет оценить, как различные предикторы могут влиять на конкретные сетевые структуры в парламенте, причем не просто на меры центральности, но непосредственно на формирование совокупности определенных связей между депутатами.

Одной из первых научных работ, опирающихся на данную методологию, стало исследование группы ученых под руководством Д. Черепналкоски [Cherepnalkoski et al., 2016], посвя-

щенное партийной сплоченности делегатов и факторам образования коалиций в Европарламенте. Авторы использовали смешанную экспериментальную методологию, комбинирующую модель ERGM и критерий надежности Криппендорфа, позволяющий оценить степень «согласия» между делегатами разных фракций Европарламента. Данный исследовательский дизайн позволил рассмотреть, насколько сплоченно голосуют за законопроекты депутаты различных фракций и какие факторы влияют на вероятность образования связей в виде совместного голосования в пользу отдельных законопроектов. В качестве предикторов использовались различные индивидуальные и партийные характеристики депутатов, а также метрики взаимодействия в социальной сети Twitter. Таким образом, как можно заметить, в рамках моделей семейства ERGM возможно изучение кросс-сетевых эффектов, при которых параметры одной сети могут оказывать влияние на структуру другой сети между теми же агентами.

В другом исследовании команда голландских исследователей под руководством Марка Эстеве дель Валле [Del Valle, Broersma, Ponsioen, 2021] изучила политическую поляризацию в парламенте Нидерландов на предмете связей между депутатами в социальной сети Twitter. В качестве предикторов использовались как стандартные социоэкономические показатели, так и различные сетевые метрики центральностей – показатели «взаимности», «популярности», «брокеража». В работе авторов продемонстрирована распространенная для современных инферентных сетевых исследований закономерность, в соответствии с которой статистические эффекты различных сетевых структур могут оказывать сопоставимый или даже превалирующий эффект относительно парных ковариат, отражающих индивидуальные характеристики агентов.

Отдельно можно отметить сетевые исследования парламента Швейцарии: так, команда ученых под руководством Мануэла Фишера [Fischer et al., 2019] исследовала факторы успешности принятия законодательных инициатив во взаимодействии между депутатами. Модель ERGM использовалась для оценки влияния сетевых структур сотрудничества между различными группами интересов на вероятность их кооперации в работе над законопроектами.

В еще одном исследовании Ингольд, Фишер, Кристопулос [Ingold, Fischer, Christopoulos, 2021] с помощью модели ERGM рассмотрели взаимодействия между депутатами парламента

Швейцарии в законотворческой деятельности в области борьбы с изменением климата. В рамках данной работы авторы поставили вопрос, как характеристики сетевой центральности ключевых институциональных акторов в парламенте могут быть связаны со структурой сетевого графа в целом. Здесь стоит отметить, что выбранная авторами методология демонстрирует пример, при котором фиксированная модель стационарного графа может быть использована в определенных задачах и лонгитюдного анализа, где для каждого временного периода оценивается отдельная модель, в которую могут быть включены переменные с учетом временного лага. Кроме того, эта работа прекрасно иллюстрирует возможность применения модели ERGM для изучения влияния «в обратную сторону» параметров сетевой топологии на индивидуальные характеристики агентов в сети.

Наконец особую популярность в последние годы приобретают вариации метода ERGM для так называемого *инферентного лонгитюдного сетевого анализа*, позволяющего оценить эволюцию сетевого графа и индивидуальных характеристик, действующих в нем акторов во временной динамике. Здесь выделяются два основных типа моделей: вариации темпоральных моделей экспоненциального случайного графа (Temporal Exponential Graph Model, TERGM¹) и стохастические акторно-ориентированные модели (Stochastic-Actor Oriented Model, SAOM²).

В TERGM временная динамика моделируется как последовательность детерминированных графов, где каждый сетевой граф в период t находится в зависимости от аналогичного графа в период $t-1$, $t-2$ и т.д. При этом в качестве основного объекта статистического моделирования, как и в стандартной ERGM, выступает раскладка всего сетевого графа в целом и присущие ей характеристики, например различные элементы сетевой топологии. В SAOM динамика сетевого графа рассматривается как множество случайных так называемых «мини-шагов», в ходе которых отдельные индивидуальные акторы в сети «принимают решение» относительно возможных изменений совокупности собственных связей в сети, и

---

¹ Здесь можно выделить как оригинальную модель TERGM [Hanneke et al., 2010; Desmarais, Cranmer, 2012], так и ее развитие в виде STERGM (Separable Temporal Exponential Graph Model) [Krivitsky, Handcock, 2014].

² Также активно развивающуюся в последние десятилетия [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010; Snijders, Lomi, Torló, 2013; и др.].

таким образом создают или разрывают связи между другими акторами. Обе группы моделей позволяют проводить статистическое моделирование как сетевых параметров динамических графов в целом, так и изменяющихся во времени индивидуальных (ассоциированных с акторами) ковариат. При этом в TERGM время моделируется как дискретный процесс, где вероятностная массовая функция рассчитывается для всего графа в целом, в то время как SAOM моделирует временную динамику как непрерывный процесс, в котором отдельные акторы на каждом «мини-шаге» максимизируют собственную *целевую функцию*, которая в свою очередь рассчитывается с помощью формулы, аналогичной стандартной модели ERGM [Snijders, Van de Bunt, Steglich, 2010, p. 58].

Обе группы моделей обладают своими собственными достоинствами и ограничениями относительно друг друга, как правило, связанными с несколько различающимся функционалом. Так, например, SAOM-модели позволяют моделировать коэволюцию нескольких сетей во временной динамике, в то время как некоторые вариации TERGM-моделей предоставляют расширенные возможности по моделированию взвешенных сетей. Также в последние годы активно продолжаются споры относительно [Leifeld, Cranmer, 2019; Block et al., 2019] преимуществ в предсказательной способности двух моделей. При этом оба метода активно используются в новейших исследованиях в политической науке.

К. Ингольд и Ф. Лайфельд [Ingold, Leifeld, 2016] впервые продемонстрировали возможности TERGM для исследования сетей влияния в ходе выработки политического курса (policy-making) в Швейцарии и Германии. На основе эмпирических данных в виде интервью с различными представителями ключевых политических организаций в виде парламентских партий, министерств, различных групп интересов, НКО, научных и международных организаций были построены матрицы сопряженности, оценивающие репутацию и влияние акторов во всех возможных парах.

В еще одной статье Б. Таракташ [Taraktas, 2022] использовал модель темпорального экспоненциального случайного графа (TERGM) для исследования влияния идеологической поляризации на формирование коалиций между политическими силами в авторитарных режимах Франции (1814–1830-х годов) и Османской империи (1876–1908).

Активно используются и стохастические – акторно ориентированные модели. В основном в оптике исследователей находятся уже упомянутые выше темы: взаимодействие различных политических организаций в рамках законотворческой деятельности и разработки политических курсов [Fischer, Sciarini, 2013; Ingold, Fischer, 2014]. Общий исследовательский дизайн в данных научных исследованиях схож с уже упомянутыми выше работами тех же авторов. Модель SAOM здесь используется для динамического моделирования индивидуальных ковариат, связанных с политической поляризацией, институциональной близостью и другими факторами, совместно со структурными особенностями самой динамической сети.

Подводя итоги, можно констатировать, что первые научные работы, опирающиеся как на TERGM, так и на модели SAOM, во многом пока исключительно «прошупывают почву». Многие из упомянутых выше статей демонстрируют возможности применения соответствующих методов в исследовании политических сетей в парламенте и политической системе в целом. Вероятно, стоит ожидать широкого распространения данной методической основы в ближайшее десятилетие.

Кроме того, трудно не заметить широкие перспективы для применения моделей инферентного лонгитюдного сетевого анализа для исследования динамики коалиций в авторитарных парламентах. Описательные методы сетевого анализа могут быть использованы для визуализации и разведочного исследования наличия неформальных коалиций между парламентариями. Сравнение раскладки сетевых графов в различные периоды позволит предварительно выявить наличие или отсутствие коалиций, а также их примерную устойчивость во временной перспективе.

Расчет базовых метрик сетевых центральностей может помочь определить неформальных лидеров таких коалиций, а также брокеров, занимающих связующее положение в сети. Затем для оценки факторов формирования и устойчивости таких коалиций можно использовать обсуждаемые выше модели инферентного сетевого анализа. Данный подход может позволить осуществить проверку различных содержательных гипотез относительно причин формирования коалиций и их влияния на особенности иных связей между представителями политических элит в авторитарных режимах. В частности, например, можно проверить, как наличие

совместных неформальных экономических, социальных или политических связей между различными депутатами влияет на их взаимодействия в парламенте, или, наоборот, оценить эффект неформальных сетевых структур в законодательстве, оказываемый на различные аспекты политической (или иной) активности отдельных депутатов.

Заключение

Законодательные исследования – активно развивающееся направление политической науки, предметом которой является политическая деятельность парламентариев по разработке законодательных решений. Долгое время деятельность исследователей в этой области строилась на изучении степени влияния типов политических режимов, демократической консолидации, конфигурации партийной системы и соотношения силы законодательной и исполнительной власти. С укреплением позиций неоинституционализма законодательные исследования переживали ренессанс, поскольку появились технические возможности применения теории рационального выбора и других математических инструментов оценки институтов, участвующих в законодательной деятельности.

Однако в последние два десятилетия в законодательных исследованиях стал использоваться новый подход – сетевой. Он способен учесть методологические недостатки предыдущих подходов, например:

- выявить неформальные коммуникации между акторами законодательного процесса;
- определить коалиционные стратегии;
- изучить принципы межличностного сотрудничества парламентариев;
- проанализировать особенности политического и идеологического содержания результатов законодательной деятельности.

Парламент является структурой «малого мира», которая отличается высоким уровнем институционализации и достаточно стабильным составом участников, информация о которых находится в публичном доступе. Однако стоит учитывать, что на формирование парламентского органа оказывают воздействие и внешние силы, в первую очередь избиратели. Соответственно, по итогам каждых выборов парламентариям приходится перестраи-

вать свои сетевые связи для достижения своих стратегических политических целей.

Для сетевого анализа законодательной деятельности парламентских акторов может быть использован целый набор общедоступных данных. Наиболее распространенными видами эмпирических данных выступают информация о соавторстве в законопроектах, поименное голосование за проекты коллег, официальные письма и запросы, личные взаимодействия парламентариев в офлайн- и онлайн-пространствах, а также тексты их выступлений по конкретным законопроектам.

Что касается анализа перечисленных данных, то у исследователей здесь нет консенсуса. Одним из вариантов качественного сетевого анализа выступает дискурс-сетевой метод. Он построен на принципе, согласно которому сетевые связи между акторами в законодательном процессе могут быть смоделированы на базе информации о сходствах или различиях в их политических позициях, изложенных в публичном поле. Этот метод позволяет описывать структуру политической полемики, выявлять поляризацию взглядов и определять коалиции поддержки и их состав, в том числе в динамике.

Стоит отметить, что еще более развиты модели количественного сетевого анализа, который начинался с простых вариантов описания сетей и линейной регрессии. В настоящее время разработаны более сложные и перспективные модели инферентного сетевого анализа – ERGM, SOAM и их различные вариации. Указанные методы способны помочь определить брокеров сети, неформальных лидеров парламентских коалиций, а также причины, факторы и перспективы формирования и устойчивости последних.

В целом можно констатировать, что сетевой подход в законодательных исследованиях открывает большие перспективы по выявлению новых закономерностей деятельности парламентских акторов, а сфера применения новых перспективных методов не ограничивается типами режимов или институциональными особенностями существования исполнительной и законодательной власти. В законодательных исследованиях набирает силу «новая волна», и только от нас зависит, сможем ли мы ее оседлать.

I.A. Pomiguyev, I.V. Fomin, A.M. Maltsev*
**Network approach in legislative studies: methodological prospects
for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity¹**

Abstract. The paper provides extensive methodological discussion of the network approach to legislative studies and gives an overview to different methods and techniques that show great promise to the research of parliamentary politics. The key points of the proposed network theoretical framework are the informal interactions and collaborations of actors and their respective groups, that are tied by linkages of trust and mutual interests. We also keep the focus on the influence of the nodes (MPs) which is being accumulated due to the access to various resources, performance, and individual interests.

This article also suggests description of the public data used to reveal the networks of legislative co-sponsorship, which is the well-developed method of legislative studies. In this context we also review some other approaches to obtain information about the ties between the MPs, that have been suggested in the academic literature: the voting data, personal interactions revealed by the interviews, range of connections in the online social networks, official mail, public speech, and others.

We show that the network analysis appears to be very insightful for the legislative studies because it allows to perceive parliaments as the “small worlds” each with its own highly institutionalized composition of nodes and ties. We also argue that it is critical to take into consideration the influence of several exogenic forces – voters, the public, and other authorities on the MPs persistent interactions and the respective network structure of the parliament.

Finally, we propose two methodological solutions to the research of complex network structures. We debate on the potential implications of the discourse-network analysis in legislative studies. It provides the opportunity to map the advocacy coalitions and model the relations between the nodes, which are based on the similarities and differences of their ideas in the public speeches. We also discuss the potential of the inferential network analysis in regard to the quantitative research in legislative studies. Specifically, we provide a critical review of the modern studies of the inner-parliamentary networks, that are based on ERGMs and their variations (SAOM and TERGM). We show that dyadic interactions between the MPs and political parties can be modeled taking into account both individual covariates (exogenous and endogenous) and network parameters of the current structure of parliament as a whole.

---

* **Pomiguyev Ilya**, HSE University; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Financial university under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: pomilya@mail.ru; **Fomin Ivan**, HSE University; MGIMO University; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: fomin.i@gmail.com; **Maltsev Artem**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: amalcev@hse.ru

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project number 21–011–31792.

Keywords: legislative studies; parliamentary activity; network approach; network analysis; cosponsorship networks; discourse network analysis; inferential network analysis.

For citation: Pomiguyev I.A., Fomin I.V., Maltsev A.M. Network approach in legislative studies: perspective methods for qualitative and quantitative analysis of parliamentary activity. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 31–59. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>

References

- Aleman E. Coauthorship ties in the Colombian congress, 2002–2006. *Colombia Internacional*. 2015, N 83, P. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.7440/colombiaint83.2015.02>
- Aleman E., Calvo E. Explaining policy ties in presidential congresses: A network analysis of bill initiation data. *Political Studies*. 2013, Vol. 61, N 2, P. 356–377. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2012.00964.x>
- Aronow P.M., Samii C., Assenova V.A. Cluster-robust variance estimation for dyadic data. *Political analysis*. 2015, Vol. 23, N 4, P. 564–577. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpv018>
- Ausderan J. Reassessing the democratic advantage in interstate wars using k-adic datasets. *Conflict management and peace science*. 2018, Vol. 35, N 5, P. 451–473. DOI: <https://doi.org/10.1177/0738894216653601>
- Block P., Hollwayb J., Stadtfelda C., Koskinenc J., Snijders T. “Predicting” after peeking into the future: Correcting a fundamental flaw in the SAOM--TERGM comparison of Leifeld and Cranmer. 2019. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1911.01385> (accessed: 29.09.2021)
- Borgatti S.P., Foster P.C. The network paradigm in organizational research: A review and typology. *Journal of management*. 2003, Vol. 29, N 6, P. 991–1013. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0149-2063\(03\)00087-4](https://doi.org/10.1016/s0149-2063(03)00087-4)
- Brandenberger L., Schlapfer I., Leifeld P., Fischer M. Interrelated issues and overlapping policy sectors: Swiss water politics. In: *International conference on public policy*. Milan, Italy, 2015, 22 p.
- Bratton K.A., Rouse S.M. Networks in the legislative arena: how group dynamics affect cosponsorship. *Legislative Studies Quarterly*. 2011, Vol. 36, N 3, P. 423–460. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1939-9162.2011.00021.x>
- Cherepnalkoski D., Karpf A., Mozetič I., Grčar M. Cohesion and coalition formation in the European parliament: roll-call votes and Twitter activities. *PLoS One*. 2016, Vol. 11, N 11, P. e0166586. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0166586>
- Chiru M., Neamtu S. Parliamentary representation under changing electoral rules: co-sponsorship in the Romanian parliament. In: *Inaugural General Conference of the ECPR Standing Group on Parliaments: Parliaments in Changing Times*. 2012, P. 1–22.
- Community of young political scientists: network analysis: collective monograph*. Moscow : Aspect Press, 2021, 324 p. (In Russ.)
- Cranmer S.J., Desmarais B.A. A critique of dyadic design. *International studies quarterly*. 2016, Vol. 60, N 2, P. 355–362. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqw007>

- Cranmer S.J., Desmarais B.A., Menninga E.J. Complex dependencies in the alliance network. *Conflict management and peace science*. 2012, Vol. 29, N 3, P. 279–313. DOI: <https://doi.org/10.1177/0738894212443446>
- Del Valle M.E., Broersma M., Ponsioen A. political interaction beyond party lines: communication ties and party polarization in parliamentary Twitter networks. *Social science computer review*. 2021, Vol. 1, P. 20. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894439320987569>
- Desmarais B.A., Cranmer S.J. Statistical mechanics of networks: estimation and uncertainty. *Physica A: statistical mechanics and its applications*. 2012, Vol. 391, N 4, P. 1865–1876. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2011.10.018>
- Downs A. Up and down with ecology: the issue-attention cycle. *The public interest*. 1972, Vol. 28, N 1, P. 462–473.
- Elgie R. From Linz to Tsebelis: three waves of presidential/parliamentary studies? *Democratization*. 2005, Vol. 12, N 1, P. 106–122. DOI: <https://doi.org/10.1080/1351034042000317989>
- Erikson R.S., Pinto P.M., Rader K.T. Dyadic analysis in international relations: a cautionary tale. *Political analysis*. 2014, Vol. 22, N 4, P. 457–463. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpt051>
- Fischer M., Sciarini P. Europeanization and the inclusive strategies of executive actors. *Journal of European public policy*. 2013, Vol. 20, N 10, P. 1482–1498. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2013.781800>
- Fischer M., Varone F., Gava R., Sciarini P. How MPs ties to interest groups matter for legislative co-sponsorship. *Social networks*. 2019, Vol. 57, P. 34–42. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2018.12.001>
- Fisher D.R., Leifeld P., Iwaki Y. Mapping the ideological networks of American climate politics. *Climatic change*. 2013, Vol. 116, N 3, P. 523–545. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-012-0512-7>
- Fowler J.H. Connecting the Congress: a study of cosponsorship networks. *Political analysis*. 2006 a, Vol. 14, N 4, P. 456–487. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mdl002>
- Fowler J.H. Legislative cosponsorship networks in the U.S. House and Senate. *Social networks*. 2006 b, Vol. 28, N 4, P. 454–465. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2005.11.003>
- Gandhi J., Reuter O.J. The incentives for pre-electoral coalitions in non-democratic elections. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 137–159. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738865>
- Goffman E. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*. Boston : Northeastern University Press, 1986, 586 p.
- Golder S.N. Pre-electoral coalition formation in parliamentary democracies. *British journal of political science*. 2006, Vol. 36, N 2, P. 193–212. <https://doi.org/10.1017/s0007123406000123>
- Golder S.N. Pre-electoral coalitions in comparative perspective: a test of existing hypotheses. *Electoral studies*. 2005, Vol. 24, N 4, P. 643–663. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.01.007>
- Haas P.M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. *International organization*. 1992, Vol. 46, N 1, P. 1–35. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300001442>

- Hajer M.A. Discourse Coalitions and the institutionalization of practice: the case of acid rain in Great Britain. In: *Argument turn policy anal plan*. London : Routledge, 1993. P. 43–76.
- Hajer M.A. The politics of environmental discourse: ecological modernization and the policy process. The politics of environmental discourse. Oxford ; New York : Clarendon Press ; Oxford University Press, 1995, 332 p.
- Hall P.A. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. *Comparative politics*. 1993, Vol. 25, N 3, P. 275–296. DOI: <https://doi.org/10.2307/422246>
- Hanneke S., Fu W., Xing E.P. Discrete temporal models of social networks. *Electronic journal of statistics*. 2010, Vol. 4, P. 585–605. DOI: <https://doi.org/10.1214/09-ejs548>
- Hoff P.D. Bilinear mixed-effects models for dyadic data. *Journal of the American statistical association*. 2005, Vol. 100, N 469, P. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.1198/016214504000001015>
- Hoff P.D., Ward M.D. Modeling dependencies in international relations networks. *Political analysis*. 2004, Vol. 12, N 2, P. 160–175. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mp012>
- Hogan J., Howlett M. (eds). *Policy paradigms in theory and practice*. London : Palgrave Macmillan UK, 2015, 325 p.
- Ibenskas R. Understanding pre-electoral coalitions in Central and Eastern Europe. *British journal of political science*. 2016, Vol. 46, N 4, P. 743–761. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0007123414000544>
- Ingold K., Fischer M. Drivers of collaboration to mitigate climate change: an illustration of Swiss climate policy over 15 years. *Global environmental change*. 2014, Vol. 24, P. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2013.11.021>
- Ingold K., Fischer M., Christopoulos D. The roles actors play in policy networks: central positions in strongly institutionalized fields. *Network science*. 2021, Vol. 9, N 2, P. 213–235. DOI: <https://doi.org/10.1017/nws.2021.1>
- Ingold K., Leifeld P. Structural and institutional determinants of influence reputation: A comparison of collaborative and adversarial policy networks in decision making and implementation. *Journal of public administration research and theory*. 2016, Vol. 26, N 1, P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1093/jopart/muu043>
- Kirkland J.H., Gross J.H. Measurement and theory in legislative networks: the evolving topology of congressional cooperation. *Social networks*. 2014, Vol. 36, P. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2012.11.001>
- Kirkland J.H., Kroeger M.A. Companion Bills and Cross-Chamber Collaboration in the U.S. Congress. *American politics research*. 2018, Vol. 46, N 4, P. 629–670. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673x17727094>
- Koger G. Position taking and cosponsorship in the U.S. House. *Legislative studies quarterly*. 2003, Vol. 28, N 2, P. 225–246. DOI: <https://doi.org/10.3162/036298003x200872>
- Krivitsky P.N., Handcock M.S. A Separable Model for Dynamic Networks. *Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology)*. 2014, Vol. 76, N 1, P. 29–46. DOI: <https://dx.doi.org/10.1111%2Frsb.12014>
- Leifeld P. Discourse network analysis: policy debates as dynamic networks. In: Victor J.N., Montgomery A.H., Lubell M. (eds). *The Oxford handbook of political networks*. Oxford : Oxford University Press, 2016, P. 1–29.

- Leifeld P. Reconceptualizing major policy change in the advocacy coalition framework: a discourse network analysis of German pension politics. *Policy studies journal*. 2013, Vol. 41, N 1, P. 169–198. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12007>
- Leifeld P., Cranmer S.J. A theoretical and empirical comparison of the temporal exponential random graph model and the stochastic actor-oriented model. *Network science*. 2019, Vol. 7, N 1, P. 20–51. DOI: <https://doi.org/10.1017/nws.2018.26>
- Lin N. Social networks and status attainment. *Annual review of sociology*. 1999, Vol. 25, N 1, P. 467–487. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.25.1.467>
- Lupu Y., Traag V.A. Trading communities, the networked structure of international relations, and the Kantian peace. *Journal of conflict resolution*. 2013, Vol. 57, N 6, P. 1011–1042. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002712453708>
- Lyons K.S., Sayer A.G. Longitudinal dyad models in family research. *Journal of marriage and family*. 2005, Vol. 67, N 4, P. 1048–1060. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2005.00193.x>
- Maguire M.C. Treating the dyad as the unit of analysis: A primer on three analytic approaches. *Journal of marriage and the family*. 1999, Vol. 61, N 1, P. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.2307/353895>
- Mikhailova O.V. *Networks in politics and public administration*. Moscow : ID KDU, 2013, 332 p. (In Russ.)
- Network analysis of public policy: textbook*. Moscow : RG-Press, 2013, 320 p. (In Russ.)
- Neumayer E., Plümper T. Spatial effects in dyadic data. *International organization*. 2010, Vol. 64, N 1, P. 145–166. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818309990191>
- Poast P. (Mis)using dyadic data to analyze multilateral events. *Political analysis*. 2010, Vol. 18, N 4, P. 403–425. DOI: <https://doi.org/10.1093/pan/mpq024>
- Poast P. Dyads are dead, long live dyads! The limits of dyadic designs in international relations research. *International studies quarterly*. 2016, Vol. 60, N 2, P. 369–374. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqw004>
- Pomiguyev I.A. Youth political scientists community study: network approach. *Vlast' (The Authority)*. 2019, Vol. 27, N 4, P. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592> (In Russ.)
- Pomiguyev I.A., Alekseev D.V. Resetting bills: discontinuity as a political technology for blocking policy decision. *Polis. Political studies*. 2021, N 4, P. 176–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13> (In Russ.)
- Ringe N., Victor J.N., Cho W.T. *Legislative networks*. Vol. 1. Oxford : Oxford University Press, 2016, P. 1–22.
- Ringe N., Victor J.N., Gross J.H. Keeping your friends close and your enemies closer? Information networks in legislative politics. *British journal of political science*. 2013, Vol. 43, N 3, P. 601–628. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0007123412000518>
- Robins G., Pattison P., Kalish Y., Lusher D. An introduction to exponential random graph (p*) models for social networks. *Social networks*. 2007, Vol. 29, N 2, P. 173–191.
- Sabatier P.A. An advocacy coalition framework of policy change and the role of policy-oriented learning therein. *Policy sciences*. 1988, Vol. 21, N 2/3, P. 129–168. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00136406>

- Sciarini P., Fischer M., Gava R., Varone F. The influence of co-sponsorship on MPs' agenda-setting success. *West European politics*. 2021, Vol. 44, N 2, P. 327–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1697097>
- Scott J. *Social network analysis: a handbook*. London: SAGE, 2013, 224 p.
- Shane M., Saalfeld T., Strøm K.W. (eds). *The Oxford Handbook of Legislative Studies*. Oxford: Oxford university press, 2014, 800 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199653010.001.0001>.
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. *Political networks: theory and methods of analysis: textbook*. Moscow : Aspect Press, 2018, 320 p. (In Russ.)
- Snijders T.A.B., Lomi A., Torló V.J. A model for the multiplex dynamics of two-mode and one-mode networks, with an application to employment preference, friendship, and advice. *Social networks*. 2013, Vol. 35, N 2, P. 265–276. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2012.05.005>
- Snijders T.A.B., Van de Bunt G.G., Steglich C.E.G. Introduction to stochastic actor-based models for network dynamics. *Social networks*. 2010, Vol. 32, N 1, P. 44–60. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2009.02.004>
- Stokman F.N., Doreian P. Evolution of social networks: processes and principles. In : Doreian P., Stokman F.N. (eds). *Evolution of social networks*, Vol. 1. London : Routledge, 1997, P. 233–250.
- Sulkin T., Swigger N. Is there truth in advertising? Campaign ad images as signals about legislative behavior. *Journal of politics*. 2008, Vol. 70, N 1, P. 232–244. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381607080164>
- Tarakaş B. Tolerable disagreements: collective action capacity & shape of coalitions. *Social networks*. 2022, Vol. 68, P. 15–30. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2021.04.002>
- Wahman M. Offices and policies – why do oppositional parties form pre-electoral coalitions in competitive authoritarian regimes? *Electoral studies*. 2011, Vol. 30, N 4, P. 642–657. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2011.05.009>
- Ward M.D., Siverson R.M., Cao X. Disputes, democracies, and dependencies: a reexamination of the Kantian peace. *American journal of political science*. 2007, Vol. 51, N 3, P. 583–601. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00269.x>
- Wasserman S., Faust K.L.M. *Social network analysis: methods and applications*. Cambridge : Cambridge University Press, 1994, 857 p.
- Watts D.J., Strogatz S.H. Collective dynamics of “small-world” networks. *Nature*. 1998, Vol. 393, N 6684, P. 440–42. DOI: <https://doi.org/10.1038/30918>
- Wolfsfeld G. Competing actors and the construction of political news: the contest over waves in Israel. *Political communication*. 2006, Vol. 23, N 3, P. 333–354. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584600600808927>
- Wonka A., Haunss S. Cooperation in networks: political parties and interest groups in EU policy-making in Germany. *European Union Politics*. 2020, Vol. 21, N 1, P. 130–151. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116519873431>

Литература на русском языке

- Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. – М. : ИД КДУ, 2013. – 332 с.
- Помигуев И.А. Особенности сетевого подхода к изучению сообщества молодых политологов // Власть. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 94–100. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6592>
- Помигуев И.А., Алексеев Д.В. Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 176–191. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>
- Сетевой анализ публичной политики: учебник / под. ред. Л.В. Сморгунова. – М. : РГ-Пресс, 2013. – 320 с.
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: теория и методы анализа: учебник. – М. : Аспект Пресс, 2018. – 320 с.
- Сообщество молодых политологов: сетевой анализ: коллективная монография / И.А. Помигуев, Д.В. Алексеев, П.С. Копылова и др.; отв. ред. И.А. Помигуев. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 324 с.

А.С. ШЕРСТОБИТОВ, В.А. ОСИПОВ, Н.А. ЗАРИПОВ*

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СЕТЕВОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ПОЛИТИКИ:
РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И МЕТОДОВ
ИЛИ ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ «ЗОЛОТОГО ТЕЛЕНКА»?¹**

Аннотация. Статья посвящена критическому осмыслению опыта применения теории политических сетей в современной отечественной и зарубежной политической науке. В отношении российских исследований отмечен ряд проблемных зон, в которых до сих пор не достигнут консенсус: широкая интерпретация терминов, ограничения методологии и методики применения теории политических сетей в изучении российской политики, преобладание теоретических, а не эмпирических исследований. Для разрешения терминологических противоречий авторы предлагают закрепить термин *сети политики*, который сужает описываемый объект до форматов преимущественно горизонтального сотрудничества, в котором могут принимать участие органы власти, негосударственные институты гражданского общества и бизнеса и / или неинституционализированные объединения граждан в процессе реализации публичного управления. Также в статье дается обзор ограничений использования сетевой методологии изучения полити-

---

* **Шерстобитов Александр Сергеевич**, кандидат политических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: sherstobitovas@mail.ru; **Осипов Виктор Анатольевич**, кандидат политических наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия), e-mail: vityaosipov@gmail.com; **Зарипов Никита Андреевич**, студент бакалавриата образовательной программы «Политология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: nazaripov@edu.hse.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33041.

© Шерстобитов А.С., Осипов В.А.,
Зарипов Н.А., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.03

ки в мировой практике, которые, по мнению авторов, обусловлены кризисом позитивизма в общественных науках.

Во второй части статьи приводятся результаты метаанализа научных статей, посвященных сетевому анализу политики (N=37). Авторы выделяют три логики исследования: (1) исследование отдельных сетей и концентрация выводов на конкретных политиках; (2) развитие методик, заключающееся в разработке и апробации новых подходов к сетевому анализу на эмпирическом материале; (3) фокус на теории политических сетей и доработка ее положений через призму проведенного исследования. Кроме того, авторы концептуализируют ряд методических подходов, используемых учеными для преодоления методологических и методических ограничений сетевого подхода к исследованию публичной политики.

Ключевые слова: сетевой подход; политические сети; сети политики; методология; публичная политика; метаанализ.

Для цитирования: Шерстобитов А.С., Осипов В.А., Зарипов Н.А. Проблемы и перспективы сетевого подхода к анализу политики: развитие теории и методов или тщетные поиски «золотого тельца»? // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 60–93. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>

*– Ничего не понимаю! – сказал Шура, допилив до конца и разнимая гирю на две яблочные половины. – Это не золото.
– Пилите, пилите, – пролетел Паниковский.
(И.А. Ильф, Е.П. Петров. Золотой теленок)*

Введение

20 лет назад профессор Л.В. Сморгунов опубликовал статью, которая ввела в дискурс отечественной политической науки терминологию, сформированную в рамках сетевого подхода к политике и управлению [Сморгунов, 2001]. А в настоящее время поисковый запрос в Научной электронной библиотеке только по ключевой фразе «*политические сети*» дает уже 450 результатов¹, среди которых и статьи, и монографии, и диссертации.

Можно было бы предположить, что сетевая методология уже закрепилась в качестве устоявшегося подхода к изучению процессов выработки и имплементации публичной политики в современной России. Однако, на наш взгляд, это не соответствует действи-

---

¹ Российский индекс научного цитирования // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/> (дата посещения: 29.03.2021).

тельности, так как в подавляющем большинстве работ обнаруживается целый ряд проблемных зон теоретического, терминологического и методического характера. В данной статье мы делаем обзор современной научной литературы и выявляем сложности применения сетевой методологии, конкретизируем определения и обозначаем методические ограничения в отечественной политологии. Ирония в названии, эпиграфе и заголовках параграфов – лишь тропы, с помощью которых мы хотим привлечь внимание коллег к проблематике. Первые два раздела написаны в формате критического эссе. Цель заключается не только в том, чтобы дать обзор состояния сетевых исследований публичной политики, но и пригласить к научной дискуссии, которой, к сожалению, не хватает в нашем обществе. На самом деле здесь даже больше самоиронии, так как они представляют собой рефлексию нашего собственного опыта работы над исследованиями политических сетей и обсуждений в профессиональном сообществе.

Кроме того, в третьем и четвертом разделах статьи на основе метаанализа зарубежных исследований мы концептуализируем основные тенденции в развитии теории и методов сетевого подхода к изучению политики и повышению ее объяснительного потенциала в современных условиях. В результате проведенной работы мы формулируем перспективы сетевого подхода к анализу политики в целом и для исследования российской публичной политики и управления в частности.

Кризис жанра

Принято считать, что теория политических сетей прошла путь от метафорического описания поля публичной политики к концептуальному закреплению в виде эмпирически обоснованного набора положений о природе публичного управления и совокупности методов, применяемых для его исследования [Dowding, 1995; Rhodes, 2006; Сморгунов, Шерстобитов, 2014; Балаян, Тормин, 2017]. Действительно, в зарубежной науке теория политических сетей разработана и апробирована на множестве различных кейсов, которые охватывают как отдельные отрасли, так и уровни политического управления. Если на первом этапе развития подхода термин *сети* использовался в качестве своеобразного научного

тропа для обозначения горизонтального характера публичного взаимодействия политических акторов, то постепенно сложился набор методологических и методических подходов к выявлению и анализу политических сетей [Börzel, 1998; Thatcher, 1998]. На сегодняшний день в мировой политической науке сложились целые сообщества ученых, использующих возможности сетевого анализа¹.

В этом контексте первое, на что мы обращаем внимание в российских исследованиях, это все еще актуальная проблема терминологического разброса в понимании изучаемых объектов. Например, в рамках данной статьи мы фокусируемся на сетях, которые в англоязычной традиции принято называть *policy networks*. В российской научной литературе пока сложно говорить об устойчивом термине, который бы точно и однозначно воспроизводил смысловое содержание этого понятия. Например, в публикациях, где представлены результаты эмпирических исследований, под политическими сетями отечественные авторы подразумевают достаточно широкий спектр взаимосвязанных, но все же разных феноменов.

Во-первых, это межорганизационные сети государственных и негосударственных акторов, участвующих в процессах выработки публичной политики [Борисова, 2009; Михайлова, 2011; Шерстобитов, 2012]. Во-вторых, это социальные структуры, которые могут быть сетями властных элит [Журавлева, 2015] или эпистемическими сообществами в политике [Помигуев, 2020], а также сети, которые включают в себя и институты, и индивидов [Осипов, 2016; Никифоров, Шерстобитов, 2018]. В-третьих, следует выделить и ряд работ, где в качестве объектов рассматриваются гибридные категории метафорического сетевого пространства, сочетающие онлайн- и офлайн-структуры в публичной политике [Мирошниченко, 2011; Социальные сети в публичной практике..., 2012; Носиков, 2017]. Во многих вышеперечисленных случаях авторы часто подразумевают, что используемый ими термин в поли-

---

¹ Множество исследований по сетевой тематике проводится в рамках рабочих групп в профессиональных ассоциациях политологов (например, standing group on political networks ECPR), а на каждом крупном научном мероприятии, проводимом под эгидой Международной ассоциации политической науки (IPSA), Европейского консорциума политических исследований (ECPR), Международной ассоциации публичной политики (IPPA), Американской ассоциации политической науки (APSA) и других, всегда есть несколько секций (панелей), посвященных сетевым политическим исследованиям.

тической науке понимается однозначно и поэтому не дают конкретные определения политическим сетям или сетевой публичной политике. В результате сами понятия довольно сильно размыты в предметном поле.

Мы предполагаем, что различная трактовка кроется в сложностях перевода: если в английском языке есть термины *politics* и *policy*, то в русском языке в обоих случаях эквивалентом будет *политика*. Соответственно, и производные *political networks* и *policy networks* интерпретируются как *политические сети*, которые как объект исследования могут пониматься совершенно по-разному¹. Что интересно, многие исследователи обращают внимание на определения и типологию сетей, предложенные классиками подхода [Rhodes, Marsh, 1992, p. 13–15], но далеко не всегда критически рассматривают само корневое понятие. В итоге в отечественной научной литературе конкретный феномен, называемый *policy networks*, замещается более широким и многозначным термином *политические сети*, который в теории определяется как *political networks*. Все вышеперечисленные типы сетей так или иначе имеют отношение к публичной политике и управлению, однако мы предлагаем использовать термин *сети политики*, который позволит создать смысловую отстройку от более общего понятия *политические сети*. Мы сформулируем определение в следующем разделе, чтобы вписать его в логику развития концепций публичной политики и публичного управления в контексте современных политологических подходов.

Еще одна особенность развития теории сетей политики в отечественной политологии заключается в небольшой доле работ, опубликованных по результатам эмпирических исследований, по сравнению с общим числом публикаций, посвященных политическим сетям. В зарубежных журналах, наоборот, можно найти множество статей на основе исследований, которые ориентирова-

---

¹ Эта ситуация аналогична той, что можно наблюдать в связи с термином *публичная политика*, который является буквальным переводом понятия *public policy* и в российской политической науке понимается не только как *государственная политика*, но и как *политика, которая публична (открыта)*. При этом второе значение в обратном переводе на английский язык корректно обозначить как *(public) politics*, что значительно меняет семантику термина. В этом же ключе в политологическом дискурсе нередко используется без должной конкретизации понятие *сетевая публичная политика*.

ны на выявление сетей политики, анализ взаимосвязей с механизмами принятия решений, изучение влияния сетевой кооперации на саму публичную политику. Небольшая часть из них станет предметом рассмотрения в данной статье в рамках проведенного нами метаисследования. Отдельно стоит отметить и доминирование широкого спектра количественных методов сетевого политического анализа: от простых измерений, основанных на теории графов, до сложных статистических моделей.

Российский же опыт использования сетевого подхода в политологических исследованиях представляется довольно ограниченным. Отечественные политологи акцентируют свое внимание на теоретико-методологических основах концепции, ссылаясь на зарубежных авторов или критически переосмысляя различные аспекты концепции политических сетей. Если же и апеллируют к политической реальности, то чаще используют дескриптивный подход, априори полагаясь на сетевую природу выработки публичной политики, а выводы формулируют на основе феноменологического анализа вместо использования сетевого инструментария. То есть сети так и остаются метафорой, при этом довольно многозначной.

Мы намеренно не приводим ссылок в этой части, так как считаем, что ни приращения теории, ни верифицированного знания о российской публичной политике подавляющее большинство таких работ не дает. Естественно, мы понимаем, что любое обобщение опасно, поэтому подчеркиваем, что и в отечественной политической науке есть эмпирические исследования сетей политики. Но и для них характерны некоторые ограничения, речь о которых пойдет в следующем разделе. Однако представляется очень важным отметить, что вследствие обозначенной тенденции в российской политической науке теория политических сетей часто становится концепцией не мезо-, а, скорее, макроуровня. То есть в большей степени сетевой подход остается условной теоретической рамкой, метафорически обрамляющей тексты публикаций, но не выступающей методологической и методической основой для эмпирических исследований. Вместо реализации его перспективной оптики в работе с данными и сами термины, и методология используются для описания и обоснования довольно общего тезиса о сетевой природе современного общества и политики, и тем самым теряется онтологическое содержание теории политических

сетей. Именно поэтому, как нам представляется, среди 450 публикаций, полученных в результате поискового запроса, менее 30 содержали хоть какие-то элементы сетевого эмпирического исследования. Чем же объяснить такую разницу между отечественным и зарубежным опытом применения теории политических сетей?

Во-первых, на наш взгляд, данное расхождение российской и зарубежной практики политологических исследований обусловлено презумпцией о недостаточной институционализации сетей политики в России, т.е. отсутствии или неясности объекта анализа. В подобном ключе высказываются многие исследователи, которые подчеркивают методологический разрыв в использовании сетевой теории в изучении политики в консолидированных демократиях и транзитных или авторитарных режимах [Михайлова, 2010; Voix, Svolik, 2013; Сморгунов, Шерстобитов, 2014, с. 208–210; Соловьев, 2015]. Даже если мы принимаем за основу, что политические решения являются результатом множества переговоров и соглашений, которые имеют сетевую природу, в контексте современной российской политики это, по мнению ряда ученых, внутриэлитные сети, основанные на системе межличностных отношений или неопатримониальных связей [Ledeneva, 2013; Gel'man, 2016]. В следующем разделе мы обоснуем, почему данный тип стоит вывести за пределы категории сетей политики.

Но, вообще, в таких исходных посылах политических исследований мы находим некоторое противоречие. Означает ли вышесказанное, что в России отсутствуют сети политики? Если оттолкнуться от тезиса, что обязательным условием их появления является наличие делиберативных практик публичного управления [Pierre, Peters, 2000, p. 121–122], то в России существуют такие политические арены, где возможно функционирование сетей политики. Несмотря на общую логику вертикализации управленческой структуры, мы знаем, что есть ряд факторов, которые способствуют имплементации делиберативных институтов: вовлечение граждан в публичную политику на субнациональном и локальном уровнях [Павлова, 2018], фрейминг проблем, подходы к решению которых разделяют представители органов власти и негосударственного сектора [Bindman, Kulmala, Bogdanova, 2019], наличие рыночной и / или политической конкуренции в отдельных отраслях [Шерстобитов, 2009; Шерстобитов, Бельскова, 2019]. Даже в Китае исследователи обнаруживают сети политики, которые появляются вслед-

ствие того, что органы власти не могут обойтись без экспертной поддержки НКО в процессе разработки проектов решений [Teets, 2018]. Таким образом, склонность к теоретизированию вместо эмпирического анализа в отечественных сетевых политических исследованиях может быть преодолена посредством поиска и изучения реальных сетей политики, существование которых вполне вероятно.

Во-вторых, в этом отношении есть и еще одно препятствие: в российской практике существует целый набор методических ограничений, связанных, в первую очередь, со сбором данных. Чтобы собрать и систематизировать сетевые данные, построить сетевую карту, подготовить основу для измерений и тестирования теоретической модели, исследователю нужно провести анкетирование и серию интервью. Анализ только публичных форм сетевого взаимодействия (например, выявление акторов и определение существующих между ними сетевых отношений через совместное участие в рабочих группах, экспертных советах и т.д.) серьезно ограничивает исследовательский аппарат, так как в российских политико-управленческих контекстах многие интеракции слабо институционализированы. Личный опыт авторов показывает, что потенциальные респонденты далеко не всегда готовы реагировать на запросы ученых. При этом отмечается следующая тенденция: представители НКО и гражданских инициатив более открыты, респонденты от бизнеса менее доступны, а чиновники и политики практически закрыты для интервью и даже анкетирования. Получается, что возможности сетевого анализа в изучении российской публичной политики имеют вполне ощутимые пределы, что и подтверждается обзором приведенных в этом разделе российских работ.

Снова кризис жанра

Но не так все просто и в мировой практике исследования сетевого публичного управления и сетей политики. Как и в случае с отечественной политологией, здесь тоже наблюдается размытость терминологии, которая, на наш взгляд, обусловлена эволюцией концептов публичной политики и публичного управления. То есть, в отличие от российского опыта, где в качестве основных причин мы выделили трудности перевода и неявность объектов

анализа, здесь причины кроются в сложности институциональных контекстов эмпирических исследований, многообразии методических ракурсов и значительном расширении теоретических основ современного публичного управления.

Например, обращает на себя внимание тот факт, что сама публичная политика (*public policy*) все больше становится объектом и предметом анализа как совокупность политических решений, программ, регулирования. Если же исследовательский фокус направлен на то, как вырабатываются эти нормы, решения и регуляторные документы, ученые чаще используют понятие *governance* – публичное управление – более широкий и сложный феномен [Howlett, Cashore, 2014; Capano, Howlett, Ramesh, 2015]. При этом термин *policy networks* используется именно в контексте *governance*, так как уже закрепился в научном дискурсе. Реже, но все-таки встречается и понятие *governance networks*, которое при ближайшем рассмотрении оказывается тождественным сетям политики [Torfing, 2012]. Кроме того, Р. Роудс [Rhodes, 2016] отмечает, что публичная политика в современных демократических государствах в результате делиберации и дерегулирования может вырабатываться и имплементироваться без участия органов власти. Это происходит по причине сознательного «ухода» государства из некоторых сфер или в связи с тем, что появляются новые области, в которые государство еще не успело «прийти». Такая логика в теоретическом плане созвучна с концепцией управления общим Э. Остром [Ostrom, 1990], а сам подход нового публичного управления (*new public governance*) постулирует сети политики как свое имплицитное основание [Rhodes, 2016]. Мы считаем, что именно эта интерпретация и стала в настоящий момент консенсусной в политической науке.

Таким образом, возвращаясь к проблеме терминологии, обозначенной в предыдущем разделе, и отталкиваясь от сложившегося в современной политологии консенсуса, мы формулируем следующее определение. Сети политики – это форматы преимущественно горизонтального сотрудничества, в котором могут принимать участие органы власти, негосударственные институты гражданского общества и бизнеса и / или неинституционализированные объединения граждан в процессе реализации публичного управления. В этом определении мы хотим подчеркнуть, что (1) сети возникают как формат публичного управления – более широкого концепта по отношению к публичной политике; (2) кооперация и обмен ресур-

сами могут быть не только горизонтальными, но в некоторой (незначительной) степени и вертикальными; (3) участие органов власти в сетевом публичном управлении не обязательно.

Мы не включаем в этот тип социальные сети, хотя внутри-элитные межличностные взаимодействия, безусловно, дают на выходе политические решения. С точки зрения классических подходов к типологии политических сетей они сами по себе не являются сетями политики, так как представляют лишь часть публичной структуры [Knoke, 1993], классифицируются как политические сообщества [Miskel, Song, 2004] или в связи с особенностями системы отношений и влияния являются отдельным объектом сетевого политического анализа, как, например, элитные сети [Keller, 2016; Knoke, Kostiuhenko, 2017].

Однако политические сообщества (*policy communities*) как устойчивые формы коллективных действий с горизонтальными отношениями на основе общности интересов, безусловно, участвуют в сетевых интеракциях. В сетях политики между акторами образуются представительные связи, так как институциональные акторы делегируют конкретных индивидов – представителей организации. Следовательно, политические сообщества тоже могут рассматриваться как субъекты сетевого взаимодействия, отдельные индивиды которых устанавливают представительные связи с другими акторами сети.

Кроме того, следуя в русле неоинституционального подхода, мы считаем, что и неинституционализированные объединения граждан могут выступать самостоятельными акторами сетей политики, агрегирующими интересы, ресурсы и сетевые политические отношения (гражданские инициативы, локальные сообщества, коалиции и т.д.). Такое понимание уже устоялось в зарубежной научной литературе [Rhodes, Marsh, 1992; Marsh, Smith, 2001], но вполне обоснованно еще дискутируется в работах отечественных авторов [Глухова, Кольба, Соколов, 2018; Кольба, Кольба, 2019]. Вероятно, это связано с различиями политико-институциональных и режимных контекстов делиберативных демократий и транзитных или авторитарных государств, в которых субъектность неинституционализированных объединений граждан подвергается сомнению.

Но есть проблемы, на наш взгляд, и более существенные – им и посвящено наше метаисследование, результаты которого представлены в следующих разделах. Даже предварительное рас-

смотрение современных работ в области сетевых политических исследований обнаруживает наличие теоретических и методических сложностей. Несмотря на то что концепция сетей политики довольно хорошо разработана, она как теория мезоуровня все еще обладает довольно низкой объяснительной способностью [Lubell et al., 2012, p. 357]. Методический аппарат, направленный на выявление узлов, связей между ними, ресурсного обмена, в основе которого лежит математическая теория графов, дает широкие возможности для изучения самих сетевых структур, их динамики и зависимостей между различными индикаторами и поведением акторов на микроуровне. Но при этом возникает целый ряд вопросов относительно того, как взаимодействие акторов влияет на установление сетевых норм и правил, а также на политический курс и его результаты [Fowler et al., 2011].

Стоит отметить, что в западной политической науке пока еще не сформировался консенсус относительно универсальной концептуальной базы, которая наделила бы теорию политических сетей возможностью обоснованно увязывать разнообразные сетевые параметры и модели с конкретными механизмами, которые детерминируют реальную политику. В этом отношении стоит выделить перспективы методологического синтеза теории с моделями принятия политических решений: коалиций поддержки (*advocacy coalition framework*), пунктуационного равновесия (*punctuated equilibrium theory*) и политического предпринимательства (*policy entrepreneur model*) [Galey, Youngs, 2014].

Другая серьезная методологическая проблема в данном контексте является следствием первой: в условиях, когда исследователи не могут обоснованно связывать сетевые интеракции с конкретными политическими решениями и результатами публичной политики, есть вероятность, что научная новизна будет проявляться в развитии методов сетевого анализа [Lubell et al., 2012]. В связи с этим отмеченная выше особенность западных сетевых исследований, заключающаяся в совершенствовании методик в рамках математической теории графов, на наш взгляд, может быть отражением кризиса и трансформации позитивистских подходов в политической науке [Сморгунов, 2009]. Как следствие, наблюдается концентрация усилий на изучении самих сетей, а не результатов сетевого взаимодействия в политике.

Отдельное внимание уделяется компаративистским исследованиям сетей политики, которые посвящены либо сравнению

нескольких локальных сетей, близких друг к другу по институциональному окружению, либо лонгитюдному анализу одной и той же политической сети и изменениям ее структуры во времени. Основным методом подобных сравнительных и инферентных исследований является статистическое моделирование: процедуры квадратичного распределения, экспоненциальные модели случайных графов и стохастические актор-ориентированные модели. В этом отношении важно подчеркнуть еще одну особенность исследований сетей политики, которая заключается в проблеме репликации, которая в настоящий момент стала общим местом во всех социальных науках. Особенно это касается количественных исследований, в том числе и сетевых, претендующих на позитивистский взгляд в изучении политики. Представляется, что если результаты проведенного сетевого анализа и пробуют воспроизвести, то только на этапе рецензирования статей и на тех же сырых данных. Если в других науках и отраслях политологии репликация результатов – обычное дело, то в сетевых исследованиях – редкость, так как каждый автор или коллектив разрабатывает свою методику, исходя из особенностей объекта исследования.

Три дороги

Для того, чтобы выявить, каким образом обозначенные в предыдущем параграфе проблемы отражаются в современных исследованиях сетей политики, а также какие подходы к их решению предлагают ученые, мы провели качественный метаанализ работ, посвященных изучению различных сетей политики.

Методика метаисследования. Отбор источников для исследования осуществлялся с использованием экспертного подхода по алгоритму: (1) выбор научных баз данных (ScienceDirect, Google Scholar, JSTOR); (2) формулировка ключевых слов ("*policy networks*", "*political networks*", "*networks in politics*"); (3) поиск источников; (4) отбор источников; (5) сохранение в БД исследования. На этапе отбора обязательными критериями для включения в выборку было использование методов сетевого анализа и постановка исследовательских вопросов, направленных на изучение сетей политики. В результате поиска и отбора материалов для метаанализа была сформирована база из 37 англоязычных научных

статей, соответствующих заданным критериям и опубликованных за период с 2005 по 2020 г. В задачи не входило отобрать лучшие и наиболее цитируемые работы (хотя часть работ была опубликована в высокоцитируемых научных журналах), так как при дальнейшем качественном анализе предполагалась оценка исследовательских методов сбора и анализа данных, полноты структуры статьи, связи между поставленными задачами и выводами и т.д.

В качестве инструмента для структурирования, обработки данных и визуализации результатов было выбрано программное обеспечение Dedoose¹. Методика анализа построена на перекрестном сопоставлении дескрипторов и кодов. Дескрипторы используются для типологизации объектов анализа, а коды – для выявления качественных индикаторов. В большинстве случаев анализ аннотаций позволял связать объект с соответствующим дескриптором и основными разделами кода, а дальнейший анализ текста позволял точнее выделить характеристики исследований и связать их с разветвленной системой кодов (см. Приложение). При формировании выборки за статьей в первую очередь закреплялись дескрипторы «Тип сетей» и «Тип исследования». Затем в процессе работы, следуя логике построения статей, коды в текстах формировались и выделялись в следующем порядке: «Тип сетей», «Исследовательские вопросы», «Методология», «Методы сбора данных», «Методы анализа», «Инструменты», «Выводы». После завершения работы с кодами для анализа всех статей были использованы следующие аналитические инструменты, доступные в среде Dedoose: соотнесение «код-код» и «код-дескриптор», «присутствие кода», «совместное появление кодов», «корреляция дескрипторов».

В нашей методике мы не предлагаем гипотезы в их классическом понимании, однако, отталкиваясь от обзора литературы в предыдущих разделах, строим ряд предположений:

(п1) исследователи определяют сети политики в широком контексте в соответствии с логикой концепции нового публичного управления;

---

¹ Dedoose Version 8.0.35, web application for managing, analyzing, and presenting qualitative and mixed method research data. Los Angeles, CA : SocioCultural Research Consultants, LLC, 2018. – Mode of access: www.dedoose.com (accessed: 25.06.2011).

(п2) базовые исследовательские вопросы ориентированы на изучение сетевой структуры, процедур на микроуровне и организационных факторов;

(п3) выводы в большей степени лежат в плоскости объяснения природы самих сетей, их динамики, стратегий акторов, но не их результатов в публичной политике (*policy outcomes*);

(п4) новизна и вклад в теорию чаще заключаются в совершенствовании методов сетевого анализа, а не объяснении механизмов публичной политики или ее результатов;

(п5) для повышения объяснительного потенциала теории политических сетей авторы используют синтез сетевого анализа с моделями принятия политических решений.

Основные результаты проведенного анализа представлены в Приложении. В этом разделе мы сформулируем ключевые наблюдения, которые нам показались важными, а в следующем рассмотрим их более детально и концептуализируем выводы. Заключительным этапом анализа, уже после формирования всех основных элементов аналитического проекта в Dedoose, стала попытка разделить статьи по характеру научного вклада, вносимого рассматриваемыми исследованиями. Это потребовало более глубокого вторичного анализа материалов и соотношения зафиксированных в них кодов, что в итоге позволило выявить три основные исследовательские логики, которым следуют авторы: (1) исследование отдельных сетей и концентрация выводов на конкретных политиках; (2) развитие методик, заключающееся в разработке и апробации новых подходов к сетевому анализу на эмпирическом материале; (3) фокус на теории политических сетей и доработка ее положений через призму проведенного исследования.

В целом сложно представить развитие сетевого подхода без любого из этих трех исследовательских направлений. Так, при анализе работ с первой логикой в статьях фиксируются коды, указывающие на богатое «видовое» разнообразие сетей политики, характера связей, структуры («влияние характера узла на формирование сети», «устойчивые сети сотрудничества», «трансмunicipальная сеть», «связь структуры с фактором», «выявлена сетевая коммуникация и характер связей»). Анализ работ со второй исследовательской логикой позволил сформировать и наполнить группу кодов «методы сбора данных» и «методы анализа» (см. рис. 1).

Метод анализа	Метод сбора данных
Метод множественных потоков	База данных LittleSis
Шкалирование	Анализ документов
Модель социального влияния	Анализ медиа
Дескриптивная модель графа	Аффилированность с одной структурой
Экспоненциальная модель случайного графа	Глубинные интервью
Дополнительные методы:	Математическое моделирование
Логический подход	Выявление ключевых слов в базе данных
Изучение кейса	Метод снежного кома
Статистический анализ	Онлайн-опрос
Эксперимент	Этнография
Многомерное шкалирование	

Рис. 1.

Фрагменты итоговой матрицы кодов аналитического проекта в среде Dedoose

Изучая работы с третьей логикой, мы сформировали группу кодов «методология», а также код «возможности комбинирования сетевого и иных подходов». Код «возможности и ограничения сетевого анализа» фиксируется в работах со второй и третьей логикой.

Помимо самой фиксации трех исследовательских логик, интерес представляет их статичность. В проанализированных статьях авторы практически не выходят за рамки выбранной логики, а полученные при исследовании отдельной сети выводы носят частный характер и не всегда могут быть обобщены, что в свою очередь может негативно отразиться на развитии эвристического потенциала сетевого подхода. На слабую связь между исследовательскими стратегиями может указывать отсутствие работ (из числа анализируемых) с теоретико-методологической направленностью на синтез этих трех логик, работу с понятиями, соотношением новых выводов и положений с уже устоявшимися.

В следующем разделе мы постараемся, опираясь на полученные результаты метаанализа, более детально осветить то, какое отражение находит предмет наших рассуждений в научных работах о сетях политики, о формировании некоторого проблемного поля в рамках возможностей сетевого подхода в анализе и объяснении результатов политик в современном публичном управлении.

Врата великих возможностей

В проанализированных статьях характер объекта исследования во многом определяет логику исследований и сосредоточенность на анализе свойств отдельных сетей. В связи с этим был выделен дескриптор «тип сети», который в соответствии с обнаруженными в ходе метаанализа наблюдениями был разделен на «устойчивые» и «проблемные» сети. Первые представляют собой сформированный и регулярно самовоспроизводящийся порядок взаимодействия акторов политики – например, в системе здравоохранения в Европейском союзе [Greer, 2011] или телекоммуникационной отрасли в Испании [Jordana, Sancho, 2005]. Также в категорию устойчивых были добавлены теоретические модели, связанные, например, с моделированием электорального процесса [Henning et al., 2019] или применением модели множественных потоков (*multiple streams framework*) к процессу формирования политики [Fowler, 2018]. В свою очередь, проблемные сети освещали конъюнктуру, возникшую в процессе решения той или иной проблемы, например при поддержке из-за урагана «Сэнди» [Chatfield, Reddick, 2018], эпидемии лихорадки Эбола в Сьерра-Леоне [Georgalakis, 2020] или изменении климата [Di Gregorio et al., 2019].

По результатам метаанализа был зафиксирован приблизительно равный интерес к обоим типам с незначительным уклоном в сторону проблемных сетей (рис. 2). Для более полного понимания каждый из типов был разделен на коды «гражданские» и «смешанные» сети. В то время как узлами в гражданских сетях выступают институты гражданского общества, граждане или пользователи социальных сетей [Chatfield, Reddick, 2019; Ramcilovic-Suominen, Lovric, Mustalahti, 2019; Henry, 2011], смешанные сети представляют собой совокупность государственных институтов, связанных с ними частных организаций, а также различных групп интересов [Rudnick et al., 2019; Schaub, Metz, 2020; Smith et al., 2014]. Представленные коды дополняют рассматриваемое поле характеристик преобладания смешанных сетей политики над гражданскими. При этом стоит отметить слабую связь между тем или иным типом сети и методом сбора данных. В обоих случаях используется широкий спектр методов – от анализа медиа [Yi, Yang, Zhou, 2021; Wagner et al., 2020; Schaub, Metz, 2020] и документов [Rudnick et al., 2019; Ramcilovic-Suominen, Lovric, Mustalahti, 2019; Fowler, 2018; van Rijnsoever et al., 2015] до самого популярного метода – интер-

вью [Mikulskiene, Pitrenaite-Zileniene, 2013; Manolache et al., 2020; Malkamaki et al., 2021] и иных методов, например математического моделирования [Henry, 2011].

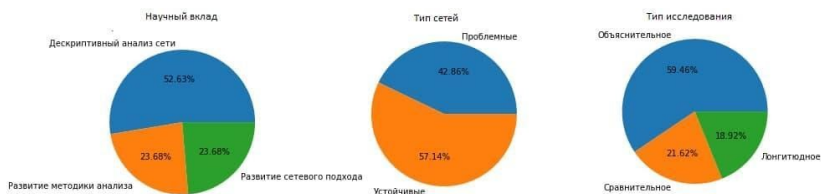

Рис. 2.
Распределение научных статей по дескрипторам

Анализ типов сетей представил значимые, но не исчерпывающие логику исследования результаты, в связи с чем был выделен еще один дескриптор – тип исследования. Определение кластеров в рамках дескрипторов было проведено на основании соотношения изучаемых сетей. Как оказалось, объяснительные исследования конкретной сети [Friedman et al., 2020; Greer, 2011; Bixler et al., 2020] преобладают над сравнительными [Di Gregorio et al., 2019; Henning et al., 2019] и лонгитюдными, сфокусированными на трансформации определенной сети [Aggarwal, Chakrabarti, Dev, 2020; Jordana, Sancho, 2005].

Особый интерес представляет анализ статей на наличие положений и выводов относительно того, как особенности сетевой структуры и сетевых отношений влияют на результаты политики (*policy outcomes*). С одной стороны, мы фиксируем, что лишь часть авторов вообще включали этот аспект в состав исследовательских вопросов, с другой стороны, были зафиксированы случаи, когда исследователи заявляли анализ результатов сетевой политики, однако в действительности предоставляли только детальный анализ сетевой структуры без оценки ее деятельности и результатов работы. Например, Пфорр [Pforr, 2006] при определении результатов политики в рамках сети в туристической сфере Австралии в выводах перечисляет результаты дескриптивного анализа сети. Аналогичные логики встречаются и в ряде других работ [Hogendoorn, Croxatto, Petersen, 2021; Ibsen, Ellersgaard, Larsen, 2021; Nguyen

Long, Krause, 2020]. В статьях, рассматривающих проблемные сети, также внимание уделяется в основном их формированию и в меньшей степени их роли в решении проблемы [Ramcilovic-Suominen, Lovric, Mustalahti, 2019; Schaub, Metz, 2020]. Это, в свою очередь, может подтверждать предположения о наличии проблем с объяснительной силой. Однако при этом вырисовываются достаточно четкие направления, в которых авторы предлагают в дальнейшем реализовывать объяснительный потенциал сетевой концепции: связь между особенностями структуры и результатами политики, выработка правил игры, степень и эффективность решения стоящих перед сетью задач, повышение эффективности принятия решений, управления и т.д.

Также представляется возможным провести некоторую классификацию исследовательских вопросов. Мы зафиксировали, что проводимый в большинстве работ анализ сознательно ограничен авторами изучением конкретной сети. Однако здесь необходимо отметить гетерогенность аспектов, на которые исследователи обращают внимание. В данной группе наиболее популярным выступает дескриптивный анализ сети [Sohn, Giffinger, 2015; Snir, Ravid, 2015; Rudnick et al., 2019], главная цель которого связана с нахождением самой сети и описанием характеристик взаимодействия в рамках последней. В то же время некоторые исследователи сконцентрированы на процедурном аспекте работы сети и анализе порядка протекающих в ней процессов [Henning et al., 2019; Georgalakis, 2020; Chatfield, Reddick, 2018]. Наконец, ряд работ затрагивает оценку факторов формирования сети, тем самым уделяя внимание не только взаимодействиям в сети, но и процессу ее возникновения [Schrama, 2018; Friedman et al., 2020; Snir, Ravid, 2015].

Как следствие, представленные формулировки исследовательских вопросов тесно связаны с кодами, определенными при анализе выводов, среди которых наиболее популярными выступают особенности структуры и связь структуры с фактором. Кроме того, ряд исследователей предпринимали попытки выйти за пределы описательного анализа и определить связь структуры с результатами взаимодействия внутри последней (*policy outcomes*): одним удалось зафиксировать определение правил игры в сетевых интеракциях [Wagner et al., 2020; Sohn, Giffinger, 2015; Snir, Ravid, 2015]; А. Сонг определил решение задачи, для

которой возникала сеть [Song et al., 2019]; и, наконец, Л. Лонг, Р. Крауз и Н. Малик предложили классические дескриптивные интерпретации влияния организации сети на ее эффективность (понятие *эффективность* в отдельной статье требовало уникальной концептуализации) [Nguyen Long, Krause, 2020; Malik, Spencer, Bui, 2020].

Таким образом, можно зафиксировать, что целый ряд исследовательских работ несмотря на внутреннюю гетерогенность акцентов, затрагивающих и статический, и динамические аспекты, так или иначе стремится к изучению непосредственно феномена сети.

Descriptor Matrix	Codes						
	Возможности комбинирования	Влияние иерархической	Влияние характера узла на	Policy outcomes	Изменение структуры	Процедурные	Факторы организации сети
Исследование сети		1	15	12	12	8	9
Развитие методики анализа	4		2	3		1	1
Развитие сетевого подхода	2		1	9	4	2	2

(а)

Descriptor Matrix	Codes				
	Выявление факторов	Возможности и ограничения	Выявлена сетевая коммуникация	Особенности структуры	Связь структуры с фактором
Исследование сети	4	3	1	11	9
Развитие методики анализа		4		5	3
Развитие сетевого подхода		1		3	4

(б)

Рис. 3.

Соотношение логик научного вклада с исследовательскими вопросами (а) и выводами (б)

Иной логике следовали авторы, фокус исследования которых связан с развитием методики сетевого анализа и его дополнением другими методами с целью увеличения объяснительного потенциала. Данный кластер представлен несколькими определяющими группами. Так, в некоторых ситуациях авторы стремились к поиску новых алгоритмов применения сетевой теории к проблемным полям политической науки путем совмещения подходов – например, М. Грегорио продемонстрировал исследовательский потенциал сочетания институционального подхода и теории сетей политики для изучения многоуровневого управления [Di Gregorio et al., 2019]; ряд работ раскрывал возможности синтеза методов сетевого

анализа для изучения сетей политики [Ingold, 2014], дискурсивных сетей [Malkamaki et al., 2021], устойчивых сетей сотрудничества [Yahia et al., 2021]. Безусловно, подобные попытки предпринимаются и в рамках иных логик – например, Л. Лонг и Р. Крауз фокусируются на структурных компонентах трансмуниципальных сетей [Nguyen Long, Krause, 2020].

Другим направлением в выделенной группе выступает комбинирование методов анализа, а также использование новых метрик. В подобной перспективе авторы предоставляют широкий спектр методических рекомендаций от разработки индексов [Sinclair, 2011] до применения этнографического анализа [Yahia et al., 2021] с участием инструментария сетевого подхода. При этом стоит отметить, что довольно часто в статьях используются дополнительные методы – от кейс-стади до статистических методов (например, регрессионного анализа). Однако в подобном ракурсе они направлены не столько на развитие методики анализа, сколько на увеличение объяснительной составляющей самого исследования, что является отдельным аспектом, подлежащим к рассмотрению. В контексте выделенной группы необходимо отметить, что предложение комбинации методов проходит в контексте тех или иных исследований и в связи с этим редко выступает в качестве основного исследовательского вопроса, однако выражается как в качестве главного вывода [Smith et al., 2014; Schaub, Metz, 2020; Di Gregorio et al., 2019], так и в форме факультативного вывода при демонстрации особенности структуры [Yahia et al., 2021; Ingold, 2014; Fowler, 2018].

Наконец, последней зафиксированной логикой выступает развитие сетевого подхода в плане его познавательного потенциала. Как и в случае с логикой развития методики, теоретический вклад выделяется как производный вывод и вместе с тем тесно связанный с определением факторов, которые влияют на формирование сети [Szwarcberg, 2012; Dchrama, 2018], ее функционирование [Greer, 2011] и выработку политик [Hogendoorn, Croxatto, Petersen, 2021]. Аналогично первым двум типам исследовательских логик в группе представлен исследовательский вопрос, затрагивающий особенности структуры [Creutzburg, Liebereherr, 2021; Bixler et al., 2020]. Однако в отличие от дескриптивного анализа, полученные выводы подвергаются генерализации и предлагают перспективу

изучения рассматриваемой проблематики, тем самым определяя векторы развития уже самой теории.

Отдельный интерес представляет попытка совмещения сетевой теории с иными моделями принятия решений – Х. Йи увеличивает объяснительный потенциал исследования, дополняя аналитическую модель положениями теорий социального капитала и коллективного действия [Yi, Yang, Zhou, 2021]; А. Генри и А. Малкамаки предлагают объяснение результатов сетевого политического взаимодействия с помощью модели коалиций поддержки [Henry, 2011; Malkamaki et al., 2021]. Представленное наблюдение не удалось отнести к конкретной логике – дискуссия в рамках смежных теорий приводится в исследованиях, как ориентированных непосредственно на изучение сетевого метода, так и в направленных на развитие теории сетей политики. Это может быть связано со стремлением авторов принять участие в существующей академической дискуссии, в чем и проявляется некоторая близость упомянутых логик.

В отношении наших предположений о кризисе позитивизма при проведении метаанализа именно попытки комбинирования различных методов сбора данных, анализа данных и методологических подходов, предложения новых моделей и индексов могут указывать, с одной стороны, на понимание научным сообществом сложившейся ситуации, а с другой – на активные попытки преодоления этого кризиса. В качестве таких попыток часть исследователей предлагают и апробируют методические новации, совмещая сетевой с другими подходами, получая на выходе новые познавательные матрицы – Multiple streams framework [Fowler, 2018], Social influence model [Ramcilovic-Suominen, Lovric, Mustalahti, 2019], Multidimensional scanning [Jordana, Sancho, 2005]. Другие идут по пути параллельного использования различных устоявшихся методов анализа (Сетевой анализ + кейс-стади / сетевой анализ + статистический анализ), а затем работают над совмещением и осмыслением полученных результатов [Negoita, 2014; Snir, Ravid, 2015; van Rijnsoever et al., 2015].

Как показывает анализ, зафиксированные кластеры крайне гетерогенны – они могут включать в себя различные типы исследовательских вопросов, выводов, а также разную степень теоретического освещения рассматриваемой проблематики. Более того, статьи из разных кластеров могут обладать общими подходами к

решению исследовательского вопроса, как, например, было показано на примере использования моделей принятия решений. Тем не менее объединение данных типов в группы в соответствии с оценкой научного вклада и места в академической дискуссии позволяет определить векторы развития исследований, связанных с изучением сетей политики.

Заключение

Вывод 1. В результате метаанализа были сформулированы три логики, которым следовали авторы исследований сетей политики – работы затрагивали либо **исследование отдельной сети** с акцентом на решении конкретного исследовательского вопроса в конкретном кейсе без последующего развития академической дискуссии, либо **развитие методики анализа** путем совмещения сетевого метода с иными количественными и качественными инструментами работы с данными. Третьей логикой выступает **развитие методологии**, включающей в себя вклад в совершенствование теории сетей и ее объяснительного потенциала.

Важным этапом анализа выступает их соотношение, в рамках которого было определено преобладание первой логики и слабая связь между логиками в целом, что, в свою очередь, может приводить к фрагментарности развития сетевого подхода к анализу публичной политики и управления. Отдельно стоит отметить, что в рассмотренных работах исследователи преимущественно определяют сети политики в соответствии с концепцией нового публичного управления (**п1**).

Вывод 2. Данные анализа скорее подтверждают предположение о коснувшемся сетевой теории кризисе позитивизма (**п3**). С одной стороны, в большей части проанализированных статей авторы обходят стороной объяснение результатов политики, уделяя основное влияние структуре и характеру связей в сетях. С другой стороны, выводы объяснительного характера фиксируются в основном в работах с первой исследовательской логикой (рис. 4), что указывает на частный характер выводов, которые без дополнительной концептуализации и обобщения обладают низкой объяснительной способностью вне рамок конкретного исследования, и подтверждает второе предположение нашего метаисследования (**п2**).

Descriptor Matrix	Codes				
	Как текущая структура влияет на	Задача решена, или решается	Выработаны правила игры	Повышение эффективности	
	Исследование сети	2	1	5	2
	Развитие методики анализа	1			
	Развитие сетевого подхода	3		2	

Рис. 4.
Соотношение трех логик научного вклада
с объяснениями результатов политики

Вывод 3. Сформированная в процессе метаанализа многоуровневая матрица кодов и дескрипторов позволила нам сравнивать и анализировать отдельные структурные элементы статей (сбор данных, анализ данных, методология, визуализация сети, выводы и др.), выявляя схожие черты и типовые проблемы. Среди таких проблем, помимо уже упомянутых, хотелось бы отметить терминологическую проблему, отсутствие в текстах статей важных составляющих исследования (не указаны методы сбора данных или источники данных, отсутствует описание процесса и способа анализа данных и т.д.), проблему отсутствия репликации проведенных исследований, что затрудняет верификацию выводов и формирование системы некоторой внутренней рефлексии и критической оценки внутри самого подхода. Однако при этом фиксируются и потенциальные точки роста, тем самым подтверждая наше предположение (п5): разнообразие методов сбора и анализа данных,

попытки их комбинирования, открытие исследователями новых баз данных и способов работы с ними, активная работа над методическим аппаратом и способами визуализации для отражения уникальных особенностей и факторов, влияющих на организацию и осуществление сетевой коммуникации в поле публичной политики. При этом стоит отметить, что многочисленные попытки, направленные на совершенствование метода сетевого анализа, часто выступают самоцелью, сознательно устранив из фокуса исследования приведение объяснительного механизма публичной политики и ее результатов, что соответствует четвертому предположению (п4).

A.S. Sherstobitov, V.A. Osipov, N.A. Zaripov*

**The issues and outlook of the network approach to policy analysis:
development of the theory and methods or the frustrated search
for the ‘golden calf’?¹**

Abstract. The paper is devoted to the critical reconstruction of the policy network theory in contemporary political science. The number of issues that are still lacking in consensus among researchers are found in Russian policy network studies: the broad understanding of the terminology, limitations to theoretical and methodological grounds in application to Russian area of research, dominance of theoretical articles rather than empirical studies. The authors develop the definition that resolves the opaque understanding of the *policy network* term in Russian language. They define it as the formats of predominantly horizontal collaboration involving public bodies, private business entities, NGOs and/or uninstitutionalized citizens’ communities that participate in public governance procedures. The limitations of the policy network methodology that is caused by the crisis trends in positivist approach are also argued in the paper.

The results of the meta-analysis of the policy network studies (N=37) are represented in the second part of the paper. The authors highlight three logics of the policy networks research: (1) the studies of the specific policy networks and focus on the concrete policies; (2) development of the methods of policy network analysis and their empirical tests; (3) focus on theoretical contribution to the policy network theory based on the empirical and comparative studies. Besides, the conceptualization of the

---

* **Sherstobitov Aleksandr**, independent researcher (St. Petersburg, Russia), e-mail: sherstobitovas@mail.ru; **Osipov Victor**, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russia), e-mail: vityaosipov@gmail.com; **Zaripov Nikita**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: nazaripov@edu.hse.ru

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project number 21–011–33041.

approaches that may help the researchers to overcome theoretical and methodological limitations of the policy network theory is given.

Keywords: network approach; political networks; policy networks; methodology; public policy; meta-analysis.

For citation: Sherstobitov A.S., Osipov V.A., Zaripov N.A. The issues and outlook of the network approach to policy analysis: development of the theory and methods or the frustrated search for the ‘golden calf’? *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 60–95. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.03>

References

- Aggarwal M., Chakrabarti A.S., Dev P. Breaking “bad” links: impact of companies act 2013 on the Indian Corporate Network. *Social networks*. 2020, Vol. 62, P. 12–23. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2020.01.001>
- Balayan A.A., Tomin L.V. Political networks: from metaphor to concept. *Public policy*. 2017, N 2, P. 112–125 (In Russ.)
- Bindman E., Kulmala M., Bogdanova E. NGOs and the policy-making process in Russia: The case of child welfare reform. *Governance*. 2019, Vol. 32, N 2, P. 207–222. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12366>
- Bixler R.P., Lieberknecht K., Atshan S., Zutz C.P., Richter S.M., Balaire J.A. Reframing urban governance for resilience implementation: The role of network closure and other insights from a network approach. *Cities*. 2020, Vol. 103, P. 102726. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102726>
- Boix C., Svolik M.W. The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships. *Journal of politics*. 2013, Vol. 75, N 2, P. 300–316. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381613000029>
- Borisova N.B. Institutional environment and participants of intersectoral interaction in the Perm Region. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2009, N 4(8), P. 40–47. (In Russ.)
- Börzel, T.A. Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks. *Public administration*. 1998, Vol. 76, N 2, P. 253–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
- Capano G., Howlett M., Ramesh M. Re-thinking governance in public policy: dynamics, strategy and capacities. In: Capano G., Howlett M., Ramesh M. (eds). *Varieties of governance. studies in the political economy of public policy*. London : Palgrave Macmillan, 2015, P. 3–24. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137477972_1
- Chatfield A.T., Reddick C.G. All hands on deck to tweet# sandy: networked governance of citizen coproduction in turbulent times. *Government information quarterly*. 2018, Vol. 35, N 2, P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.09.004>
- Creutzburg L., Lieberherr E. To log or not to log? Actor preferences and networks in Swiss forest policy. *Forest policy and economics*. 2021, Vol. 125, P. 102. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2021.102395>
- Di Gregorio M., Fatorelli L., Paavola J., Locatelli B., Pramova E., Nurrochmat D.R., May P.H., Brockhaus M., Sari I.M., Kusumadewi S.D. Multi-level governance and

- power in climate change policy networks. *Global environmental change*. 2019, Vol. 54, P. 64–77. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2018.10.003>
- Dowding K. Model or metaphor? A Critical review of the policy network approach. *Political studies*. 1995, Vol. 43, N 1, P. 136–158. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1995.tb01705.x>
- Fowler J.H., Heaney M.T., Nickerson D.W., Padgett J.F., Sinclair B. Causality in political networks. *American politics research*. 2011, Vol. 39, N 2, P. 437–480. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673x10396310>
- Fowler L. Problems, politics, and policy streams in policy implementation. *Governance*. 2018, Vol. 32, N 3, P. 403–420. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12382>
- Friedman R.S., Guerrero A.M., McAllister R.R.J., Rhodes J.R., Santika T., Budi-harta S., Indrawan T., Hutabarat J.A., Kusworo A., Yogaswara H., Meijaard E., John F.A. V. St., Struebig M.J., Willson K.A. Beyond the community in participatory forest management: a governance network perspective. *Land use policy*. 2020, Vol. 97, P. 104738. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2020.104738>
- Galey S., Youngs P. Moving towards an integrated theory of policy networks: a multi-theoretical approach for examining state-level policy change in US subsystems. Working Paper# 45. *Education Policy Center at Michigan State University*. 2014, 35 p.
- Gel'man V. The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia. *Post-Soviet affairs*. 2016, Vol. 32, N 5, P. 455–473. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2015.1071014>
- Georgalakis J. A disconnected policy network: The UK's response to the Sierra Leone Ebola epidemic. *Social science & medicine*. 2020, Vol. 250, P. 112851. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.112851>
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Urban conflict as object of research and political management: conceptualization problems. *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2018, N 4, P. 5–12. (In Russ.)
- Greer S.L. The weakness of strong policies and the strength of weak policies: Law, experimentalist governance, and supporting coalitions in European Union health care policy. *Regulation & governance*. 2011, Vol. 5, N 2, P. 187–203. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-5991.2011.01107.x>
- Henning C., Abman C., Hedtrich J., Ehrenfels J., Krampe E. What drives participatory policy processes: Grassroot activities, scientific knowledge or donor money? – A comparative policy network approach. *Social networks*. 2019, Vol. 58, P. 78–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.03.001>
- Henry A.D. Belief-oriented segregation in policy networks. *Procedia – social and behavioral sciences*. 2011, Vol. 22, P. 14–25. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.07.052>
- Hogendoorn D., Croxatto L.S., Petersen A.C. The shaping of anticipation: The networked development of inferential capacity in governing Southeast Asian deltas. *Earth system governance*. 2021, Vol. 7, P. 100089. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.esg.2020.100089>
- Howlett M., Cashore B. Conceptualizing Public Policy. In: Engeli I., Allison C.R. (eds). *Comparative policy studies. Research methods series*. London : Palgrave Macmillan, 2014, P. 17–33. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137314154_2

- Ibsen C.L., Ellersgaard C.H., Larsen A.G. Quiet politics, trade unions, and the political elite network: the case of Denmark. *Politics & Society*. 2021, Vol. 49, N 1, P. 43–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329220985748>
- Ingold K. How involved are they really? A comparative network analysis of the institutional drivers of local actor inclusion. *Land use policy*. 2014, Vol. 39, P. 376–387. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2014.01.013>
- Jordana J., Sancho D. Policy networks and market opening: telecommunications liberalization in Spain. *European journal of political research*. 2005, Vol. 44, N 4, P. 519–546. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00237.x>
- Keller F.B. Moving beyond factions: using social network analysis to uncover patronage networks among Chinese elites. *Journal of East Asian studies*. 2016, Vol. 16, N 1, P. 17–41. DOI: <https://doi.org/10.1017/jea.2015.3>
- Knoke D. Networks of elite structure and decision making. *Sociological methods and research*. 1993, Vol. 22, N 1, P. 23–45. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124193022001002>
- Knoke D., Kostiuhenko T. Power structures of policy networks. In: Victor N.J., Montgomery A.H., Lubell M. (eds). *The Oxford handbook of political networks*. New York : Oxford university press, 2017, P. 91–115.
- Kolba A.I., Kolba N.V. Urban conflicts as a factor of the local communities' civil-political activation. *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 160–179. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.08> (In Russ.)
- Ledeneva A. *Can Russia modernise?: Sistema, power networks and informal governance*. New York : Cambridge university press, 2013, 314 p.
- Lubell M.N., Scholz J., Berardo R., Robins G. Testing policy theory with statistical models of networks. *Policy studies journal*. 2012, Vol. 40, P. 351–374. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2012.00457.x>
- Malik N., Spencer D., Bui Q.N. Power in the US political economy: A network analysis. *Journal of the association for information science and technology*. 2021, Vol. 72, N 7, P. 811–823. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.24453>
- Malkamaki A., Yla-Antilla T., Brockhaus M., Toppinen A., Wagner P.M. Unity in diversity? When advocacy coalitions and policy beliefs grow trees in South Africa. *Land use policy*. 2021, Vol. 102, Article 105283. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105283>
- Manolache S., Nita A., Hartel T., Miu I.V., Ciocanea C.M., Rozyłowicz L. Governance networks around grasslands with contrasting management history. *Journal of environmental management*. 2020, Vol. 273, Article 111152. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.111152>
- Marsh D., Smith M. There is more than one way to do political science: on different ways to study policy networks. *Political studies*. 2001, Vol. 49, N 3, P. 528–541. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00325>
- Mikhailova O.V. Network mechanisms of state policy formation: the problem of compliance with the values of democracy. *Vlast*. 2010, N 11, P. 22–25. (In Russ.)
- Mikhailova O.V. Political networks: problem of efficiency and democracy of political alliances. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2011, N 3, P. 44–58. (In Russ.)
- Mikulskiene B., Pitrenaitė-Zilėnienė B. Management of participation practice: reconstruction of Lithuania's formal policy networks by means of social network analysis.

- Procedia – social and behavioral sciences*. 2013, Vol. 79, P. 127–140. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.05.061>
- Miroshnichenko I.V. Social networks incorporating in process of policy making. *Political expertise: POLITEX*. 2011, Vol. 7, N 4, P. 150–158. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V., Gnedash A.A., Ryabchenko N.A. *Social networks in the public practice of modern Russia: modernization potential*. Krasnodar : LLC “Prosveshcheniye-Yug”, 2012, 181 p. (In Russ.)
- Miskel C., Song M. Passing reading first: prominence and processes in an elite policy network. *Educational evaluation and policy analysis*. 2004, Vol. 26, N 2, P. 89–109. DOI: <https://doi.org/10.3102/01623737026002089>
- Negoita M. Globalization, state, and innovation: an appraisal of networked industrial policy. *Regulation & governance*. 2014, Vol. 8, N 3, P. 371–393. DOI: <https://doi.org/10.1111/rego.12033>
- Nguyen Long L.A., Krause R.M. Managing policy-making in the local climate governance landscape: The role of network administrative organizations and member cities. *Public administration*. 2021, Vol. 99, N 1, P. 23–39. DOI: <https://doi.org/10.1111/padm.12684>
- Nikiforov A.A., Sherstobitov A.S. Resource exchange and cooperation in networks of public initiatives in Russian cities (on the example of Chelyabinsk, Yekaterinburg and Novosibirsk). *Central Russian journal of social sciences*. 2018, Vol. 13, N 2, P. 99–114. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-2-99-114> (In Russ.)
- Nosikov A.A. Interfaces of interaction between political networks and political reality: the limits of possibilities. *Trends and management*. 2017, N 2, P. 1–8. (In Russ.)
- Osipov V.A. Heterarchy in a system of state and society cooperation on the example of social policy in Moscow: introduction of the concept and methodological aspects. *RUDN journal of political science*. 2016, N 1, P. 36–47. (In Russ.)
- Ostrom E. *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. New York : Cambridge university press, 1990, 280 p.
- Pavlova T.V. Deliberation as the constitution factor of modern politics field. *Political science (RU)*. 2018, N 2, P. 73–94. (In Russ.)
- Pförr C. Tourism policy in the making: An Australian network study. *Annals of tourism research*. 2006, Vol. 33, N 1, P. 87–108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2005.04.004>
- Pierre J., Peters B.G. *Governance, politics and the state*. Basingstoke : Macmillan, 2000, 231 p.
- Pomiguyev I.A. The role of youth political science organizations in the process of forming scientific networks. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 112–144. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05> (In Russ.)
- Ramcilovic-Suominen S., Lovric M., Mustalahti I. Mapping policy actor networks and their interests in the FLEGT Voluntary Partnership Agreement in Lao PDR. *World development*. 2019, Vol. 118, P. 128–148. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.02.011>
- Rhodes R.A.W. Policy network analysis. In: Moran M., Rein M., Goodin R.E. (eds). *The Oxford handbook of public policy*. Oxford : Oxford university press, 2006, P. 423–445.

- Rhodes R.A.W., Marsh D. Policy network in British politics. A critique of existing approaches. In: Marsh D., Rhodes R.A.W. (eds). *Policy network in British government*. Oxford : Clarendon, 1992, P. 1–26.
- Rhodes R.A.W. Recovering the craft of public administration. *Public administration review*. 2016, Vol. 76, N 4, P. 638–647. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.12504>
- Rudnick J., Niles M., Lubell M., Cramer L. A comparative analysis of governance and leadership in agricultural development policy networks. *World development*. 2019, Vol. 117, P. 112–126. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.12.015>
- Schaub S., Metz F.A. Comparing discourse and policy network approaches: Evidence from water policy on micropollutants. *Politics and governance*. 2020, Vol. 8, N 2. P. 184–199. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v8i2.2597>
- Schrama R. Swift, brokered and broad-based information exchange: how network structure facilitates stakeholders monitoring EU policy implementation. *Journal of public policy*. 2019, Vol. 39, N 4, P. 565–585. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0143814x1800017x>
- Sherstobitov A.S. Method of policy networks mapping in public policy analysis. *Vestnik of Saint Petersburg university. Series 6. Philosophy. Cultural studies. Political science*. 2012, N 4, P. 102–108. (In Russ.)
- Sherstobitov A.S. State and private actors in telecommunications industry in Russia: network or hierarchy? *Political expertise: POLITEX*. 2009, Vol. 5, N 4, P. 96–104. (In Russ.)
- Sherstobitov A.S., Belskova A.N. All inclusive? The possibilities of a network methodology for analyzing urban public policy (using the example of the tourism industry in Moscow and St. Petersburg). In: Soloviev A.I., Gaman-Golutvina O.V. *World order – a time of change: A collection of articles*. Moscow : Aspect Press, 2019, P. 274–293. (In Russ.)
- Sinclair P.A. The political networks of Mexico and measuring centralization. *Procedia – Social and behavioral sciences*. 2011, Vol. 10, P. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.01.005>
- Smith J.M., Halgin D.S., Kidwell-Lopez V., Labianca G., Brass D.J., Borgatti S.P. Power in politically charged networks. *Social networks*. 2014, Vol. 36, P. 162–176. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2013.04.007>
- Smorgunov L.V. Comparative political science in search for new methodological orientations: Would the ideas be significant for explanation of politics? *Polis. Political Studies*. 2009, N 1, P. 118–129. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. The network approach to policy making and governance. *POLIS. Political studies*. 2001, N 3, P. 103–112. (In Russ.)
- Smorgunov L.V., Sherstobitov A.S. *Political networks: theory and methods of analysis: textbook for university students*. Moscow : Aspect Press, 2014, 320 p. (In Russ.)
- Snir R., Ravid G. Global nanotechnology regulatory governance from a network analysis perspective. *Regulation & governance*. 2016, Vol. 10, N 4, P. 314–334. DOI: <https://doi.org/10.1111/rego.12093>
- Sohn C., Giffinger R. A policy network approach to cross-border metropolitan governance: the cases of Vienna and Bratislava. *European planning studies*. 2015, Vol. 23, N 6, P. 1187–1208. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2014.994089>

- Solovyov A.I. Government decisions: the conceptual space and dead ends of theorization. *Polis. Political studies*. 2015, N 3, P. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.08> (In Russ.)
- Song A.M., Temby O., Kim D., Cisneros A.S., Hickey G.M. Measuring, mapping and quantifying the effects of trust and informal communication on transboundary collaboration in the Great Lakes fisheries policy network. *Global environmental change*. 2019, Vol. 54, P. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2018.11.001>
- Szwarcberg M. Revisiting clientelism: A network analysis of problem-solving networks in Argentina. *Social networks*. 2012, Vol. 34, N 2, P. 230–240. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2011.12.003>
- Teets J. The power of policy networks in authoritarian regimes: changing environmental policy in China. *Governance*. 2018, Vol. 31, N 1, P. 125–141. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12280>
- Thatcher M. The Development of policy network analyses: from modest origins to overarching frameworks. *Journal of theoretical politics*. 1998, Vol. 10, N 4, P. 389–416. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>
- Torring J. Governance networks. In: Levi-Faur D. (ed.). *The Oxford handbook of governance*. Oxford : Oxford university press, 2012, P. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0007>
- Van Rijnsoever F.J., van den Berg J., Koch J., Hekkert M.P. Smart innovation policy: How network position and project composition affect the diversity of an emerging technology. *Research policy*. 2015, Vol. 44, N 5, P. 1094–1107. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2014.12.004>
- Wagner P.M., Yla-Anttila T., Gronow A., Ocelik P., Schmidt L., Delicado A. Information exchange networks at the climate science–policy interface: evidence from the Czech Republic, Finland, Ireland, and Portugal. *Governance*. 2020, Vol. 34, N 1, P. 211–228. DOI: <https://doi.org/10.1111/gove.12484>
- Yahia N.B., Eljaoued W., Saoud N.B. D., Colomo-Palacios R. Towards sustainable collaborative networks for smart cities co-governance. *International journal of information management*. 2019, Vol. 56, P. 102037. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.11.005>
- Yi H., Yang Y., Zhou C. The impact of collaboration network on water resource governance performance: evidence from China's Yangtze River Delta Region. *International journal of environmental research and public health*. 2021, Vol. 18, N 5, P. 2557. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18052557>
- Zeemering E.S. Local politicians' advice networks and the prospect of metropolitan civil society. *Journal of Urban Affairs*. 2021, Vol. 43, No. 1, P. 201–217. DOI: [10.1080/07352166.2019.1599293](https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1599293)
- Zhuravleva T.A. On the issue of the management of political and administrative networks. *Problem analysis and public administration projection*. 2015, Vol. 8, N 6, P. 63–68. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Балаян А.А., Томин Л.В. Политические сети. От метафоры к концепту // Публичная политика. – 2017. – № 2. – С. 112–125.
- Борисова Н.В. Институциональная среда и участники межсекторного взаимодействия в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. – 2009. – № 4 (8). – С. 40–47.
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – № 4. – С. 5–12.
- Журавлева Т.А. К вопросу об управлении политико-административными сетями // Проблемный анализ и государственно-управленческое консультирование. – 2015. – Т. 8, № 6. – С. 63–68.
- Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 160–179. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.08>
- Мирошниченко И.В. Инкорпорирование социальных сетей в процесс принятия политических решений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7, № 4. – С. 150–158.
- Социальные сети в публичной практике современной России: модернизационный потенциал / И.В. Мирошниченко [и др.]. – Краснодар : ООО «Просвещение-Юг». – 2012. – 181 с.
- Михайлова О.В. Политические сети: проблема эффективности и демократичности политических альянсов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2011. – № 3. – С. 44–58.
- Михайлова О.В. Сетевые механизмы формирования государственной политики: проблема соответствия ценностям демократии // Власть. – 2010. – № 11. – С. 22–25.
- Никифоров А.А., Шерстобитов А.С. Ресурсный обмен и кооперация в сетях общественных инициатив в российских городах (на примере Челябинска, Екатеринбурга и Новосибирска) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 99–114. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-2-99-114>
- Носиков А.А. Интерфейсы взаимодействия политических сетей и политической реальности: границы возможностей // Тренды и управление. – 2017. – № 2. – С. 1–8.
- Оситов В.А. Гетерархия в системе взаимодействия государства и общества на примере социальной политики в г. Москве: введение понятия и методологические аспекты применения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. – 2016. – № 1. – С. 36–47.
- Павлова Т.В. Делиберация как фактор конституирования поля современной политики // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 73–94.

- Помигуев И.А. Роль молодежных политологических организаций в процессе формирования научных сетей // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 112–144. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.05>
- Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
- Сморгунов Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 1. – С. 118–129.
- Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети: Теория и методы анализа: учебник для студентов вузов. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 320 с.
- Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 127–146. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.08>
- Шерстобитов А.С. Государственные и частные акторы в телекоммуникационной отрасли в России: сеть или иерархия? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2009. – Т. 5, № 4. – С. 96–104.
- Шерстобитов А.С. Моделирование политических сетей как метод анализа публичной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. – 2012. – № 4. – С. 102–108.
- Шерстобитов А.С., Бельскова А.Н. All inclusive? Возможности сетевой методологии анализа городской публичной политики (на примере туристической отрасли в Москве и Санкт-Петербурге) // Мировой порядок – время перемен : сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 274–293.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

---

¹ Sherstobitov A., Osipov V., Zaripov N. Replication Data for: The issues and outlook of the network approach to policy analysis: development of the theory and methods or the frustrated search for the ‘golden calf’? // Harvard Dataverse, V2. – 2021. – Mode of access: <https://doi.org/10.7910/DVN/ZP5KVI> (accessed: 01.09.2021)

ИДЕИ И ПРАКТИКА

А.А. НОСИКОВ*

СОПРЯЖЕНИЕ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИНТЕРФЕЙСЫ, ВЫЗОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЗАЙНЫ

Аннотация. Автор анализирует феномен сопряжения сетевого пространства и политической реальности, экстраполируя сетевой подход на общественно-политический процесс в целом. Выделяются четыре основных интерфейса (публичное пространство, институциональные выходы, акции прямого действия, радикальное действие) взаимодействия сетевого пространства и политической системы. Обосновывается значимость «феномена сопряжения» как детерминанты современного политического процесса, идентифицируются основные индикаторы сопряжения, предвещающие значительные изменения политического ландшафта. В заключение автор указывает как на риски сопряжения, новые вызовы для существующих политических институтов, так и на появление новых окон возможностей для модернизации общественно-политических институтов, на основе чего и происходит моделирование восьми политических дизайнов, вытекающих из условий сопряжения.

Ключевые слова: цифровизация; политические сети; сетевая публика; политическая коммуникация; политическое управление; гражданское общество; Интернет.

Для цитирования: Носиков А.А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности: интерфейсы, вызовы и политические дизайны // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 92–116. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.04>

---

* **Носиков Андрей Андреевич**, кандидат политических наук, независимый исследователь, e-mail: a.a.nosikov@gmail.com

© Носиков А.А., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.04

Экспозиция: постановка исследовательской проблемы

Предтечами теории политических сетей являются организационные теории. Изначально политические сети рассматривались как способ описания взаимодействий акторов в определенных подсистемах политики. В 70–80-х годах XX в. в Великобритании развивался концепт «политического сообщества» (*policy community*), согласно которому выработка и формирование политики происходят в сегментированных подсистемах: политические решения разрабатываются, принимаются и имплементируются множеством взаимопроникающих организаций [Richardson, Jordan, 1979, p. 43], которые и формируют политические сообщества [Ibid., p. 73], построенные на обменных отношениях, постоянной коммуникации между акторами, чувстве «сообщества», а также обладают набором общих интересов [Jordan, Richardson, 1987]. При этом политические сообщества имеют относительно четко определенные границы [Thatcher, 1998, p. 391]. Параллельно с этим в США разрабатывается концепция проблемных сетей (*issue networks*) [Heclo, 1978 a; Jordan, 1990], которые состоят из большого числа квалифицированных «политических активистов», являющихся выходцами из традиционных групп интересов, секторов правительства, а также из академических кругов или определенных профессиональных областей, независимыми экспертами [Heclo, 1978 b, p. 103]. В отличие от политических сообществ, состав участников проблемных сетей постоянно изменяется, а степень взаимных обязательств и степень взаимозависимости варьируется [Heclo, 1978 b, p. 102].

Уже на этом этапе можно наблюдать, как теория политических сетей успешно приспособляется к усложнению политической жизни и увеличению числа акторов общественно-политических процессов. И на протяжении 80–90-х годов XX – начала XXI в. политические сети рассматриваются, главным образом, как набор относительно стабильных взаимоотношений, которые имеют неиерархический и взаимозависимый характер и объединяют множество акторов, разделяющих общие интересы в политике, а также коммуницируют, обмениваются ресурсами, информацией для реализации этих общих интересов, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей [Börzel, 1998, p. 254].

Данная дефиниция справедлива и по сей день, однако основным изменением является увеличение числа акторов общественно-политических процессов, обусловленное технологическим прогрессом, позволившим посредством сети Интернет (главным образом посредством Web 2.0 сервисов и приложений) осуществлять политическую коммуникацию новыми способами, создавая условия для инициализации политических сетей обычным гражданам с минимальными издержками и в реальном времени. С распространением новых форм общественных коммуникаций посредством сети Интернет люди получили возможность создавать группы поддержки и политические союзы в интерактивном режиме, открывая для себя новые способы объединения для сопротивления властным институтам [Рейнгольд, 2006, с. 16–17] или же, наоборот, для выработки совместных решений путем сотворчества и сотрудничества. Таким образом, актуальные цифровые коммуникативные технологии детерминируют возникновение новых форм сосуществования и сопричастности сообществ, что потенциально способно кардинальным образом модифицировать существующую политическую реальность [Шваб, 2018, с. 75].

Следует выделить ряд основополагающих теорий, анализирующих политические сети в контексте расширяющихся возможностей политического участия посредством коммуникативного действия [Habermas, 1984] граждан. Во-первых, это концепция «глобальной деревни» М. Маклюэна [Маклюэн, 2004; Маклюэн, 2007], теория сетевого общества [Кастельс, 2016], концепция «умных толп» [Рейнгольд, 2006], теория мониторинной демократии Д. Кина [Кин, 2015].

Однако все эти исследования относятся к 2000–2010-м годам, когда сетевые коммуникации еще не столь плотно вошли в повседневную жизнь граждан, а процесс распространения сети Интернет лишь начинался: так, с декабря 2000 г. до сентября 2010 г. доля интернет-пользователей в мире увеличилась с 5,8 до 28,8% от популяции, тогда как в течение следующего десятилетия (2010–2020), к декабрю 2020 г., численность пользователей сети Интернет достигла 64% от общемировой популяции¹ (при этом в развитых и развивающихся странах данный показатель значительно

---

¹ Internet growth statistics // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/emarketing.htm/> (accessed: 22.04.2021).

выше, например в США – 89,8%¹, в РФ – 80,9%²). Кроме того, Web 2.0 как принцип проектирования и функционирования платформ, сервисов и приложений, предполагающий сетевые интеракции пользователей, которые посредством сетевой коммуникации наполняют сеть продуктами своего творчества (либо коллективного сотворчества)³, стал доминирующим лишь в минувшем десятилетии. Поэтому сейчас, в 2020-х, имеет смысл еще раз «сверить часы» и осмыслить процессы трансформации общественно-политических практик с учетом возросших технологических возможностей граждан для осуществления политических сетевых интеракций посредством цифровых информационно-коммуникативных технологий.

Стоит отметить, что концепция политического дизайна призвана выявить основополагающие закономерности и логику политического процесса, несмотря на всю хаотичность взаимодействий множества акторов и институтов в процессах выработки политики [Schneider, Ingram, 1997, p. 68–80]. Центральное место в концепте политического дизайна – это представление о том, что каждая политика содержит дизайн – структуру идей и инструментов, которая должна быть идентифицирована и проанализирована. Иными словами, политический дизайн – это система, состоящая из множества идентифицируемых элементов: целей, идей, целевых групп, акторов, инструментов, правил, институтов, обоснований, допущений и так далее [Fischer, Miller, 2006, p. 84]. Диверсификация, в свою очередь, способна снизить возможные риски в том случае, если какой-либо политический дизайн (или дизайны) перестанет отвечать изменившимся приоритетам или запросам, что, в условиях нелинейной динамики, может происходить достаточно часто и стремительно. При этом в условиях нелинейности утратившие свою актуальность политические дизайны через какое-то время могут стать снова актуальными.

---

¹ Internet Users and 2020 Population in North America // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats14.htm#north> (дата посещения: 22.04.2021).

² Internet in Europe // Internet World Stats. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm#europe> (accessed: 22.04.2021).

³ O'Reilly T. What is web 2.0. // O'Reilly Media, Inc. – Mode of access: <http://www.oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html> (accessed: 25.04.2021).

Сопряжение как детерминанта современного политического процесса: изменения политического ландшафта

Вследствие распространения относительно дешевых и доступных средств осуществления сетевой коммуникации возникает сетевое пространство – как совокупность современных информационно-коммуникативных технологий, в особенности Web 2.0-площадки, сервисов и приложений, за которыми стоит множество реальных пользователей [Носиков, 2020, с. 76–77]. С одной стороны, по аналогии с публичной сферой Ю. Хабермаса, простейшей и первоначальной моделью которой являлась общая для всех свободных граждан сфера древнегреческого полиса, а публичная коммуникация осуществлялась на рыночных площадях в форме публичных бесед, обсуждений и судов [Хабермас, 2016, с. 49–53], сетевое пространство представляет собой общее и открытое для всех граждан пространство для осуществления коммуникаций в реальном времени, независимо от каких-либо физических границ и с минимальными издержками. С другой стороны, сетевое пространство является инструментальным воплощением идей делиберативной демократии, основная идея которой заключается в интуитивном идеале демократической ассоциации, условия и сроки которой обосновываются публичными аргументами равных граждан [Cohen, 1989, p. 17–34].

Таким образом, сетевое пространство делает некоторые идеальные теоретические модели реальностью. Возникает идеальная публичная сфера, где отсутствуют физические границы, а осуществление политической коммуникации (и что самое важное – возможность для кооперации и формирования политических сетей) становится реализуемым в режиме реального времени и с минимальными издержками: формируются условия для взаимодействия обычных граждан, государственной, муниципальной власти, СМИ, политических партий, бизнеса, НКО, а также множества иных акторов в едином публичном пространстве, делающем возможным взаимодействие каждого с каждым. Вместе с этим возникает сетевая публика как часть гражданского общества, которая активно эксплуатирует телекоммуникационную сеть Интернет, в том числе Web 2.0-площадки, приложения и сервисы для осуществления политической коммуникации.

Сам же термин «сопряжение» имеет две трактовки. Первая – сущностная, раскрывает феномен сопряжения как процесс, характеризующийся взаимовлиянием и взаимозависимостью протекающих в областях сетевого пространства и политической реальности явлений. Вторая трактовка – метафорическая, отсылающая нас к произведениям А. Сапковского, где мифология мироздания выстраивалась вокруг так называемого «сопряжения сфер» (мира человеческого и мира фантастического), вследствие которого мир наводнили различные причудливые существа, с которыми людям приходилось учиться сосуществовать. На мой взгляд, эта метафора как нельзя лучше описывает сложившуюся ситуацию с точки зрения современного истеблишмента: практически во мгновение (поскольку для человеческой истории и глобального политического процесса минувшие 20–30 лет цифровой экспансии сопоставимы со шелчком пальцев) политическую реальность наводит невообразимое количество акторов, прямое участие которых в публичной политической жизни ранее невозможно было даже вообразить, а само публичное пространство, как было отмечено в предыдущей части статьи, становится единым и легкодоступным для любого и каждого.

Но сосредоточимся главным образом на сущностном подходе. Взаимовлияние и взаимозависимость сетевого пространства и политической реальности можно охарактеризовать рядом изменений политического ландшафта.

1. Увеличение численности акторов, вовлекающихся в общественно-политические процессы посредством единого доступного для всех цифрового публичного пространства. Происходит формирование сетевых гражданских союзов, коалиций, сетевых партий и т.д.: возникают новые сетевые структуры, преследующие свои политические интересы и влияющие на общественно-политическую повестку дня, используя инструменты цифровой коммуникации. Всё большее количество граждан вовлекаются в акты политической коммуникации посредством Web 2.0-площадок, сервисов и приложений. Примерами тому может служить возникновение таких явлений общественно-политической жизни, как сетевые гражданские союзы, движения (ФБК), мониторинговые акторы (Диссернет), киберпартии (Movimento 5 Stelle, Tea Party, Пиратская Партия России и другие), которые базируются на сете-

вой кооперации граждан посредством Web 2.0-сервисов и приложений.

2. Увеличение политической информации и политического предложения вследствие сотворчества сетевой публики, активно наполняющей публичное сетевое пространство продуктами своей политической деятельности. Развитие и распространение стандарта Web 2.0 приводит к коммуникационному изобию, трансформирующему архитектуру общества и политики: формируется технологически единая медиасистема, в которой продукты и процессы создаются, эволюционируют и распространяются на разнообразных платформах, способствуя поддержанию дифференциации политической информации и информационному плюрализму [Кастельс, 2016, с. 92].

3. Увеличение политической конкуренции и вариативности. По сути является следствием предыдущих двух пунктов. Сетевизация предполагает увеличение числа участников политических отношений, что, в свою очередь, приводит к значительному увеличению вариативности политической картины мира. Происходит общее расширение политического пространства. Вследствие вовлечения в общественно-политические процессы значительного количества новых сетевых акторов происходит рост политического предложения, что, в свою очередь, приводит к увеличению политической конкуренции и интенсификации политической жизни в целом.

4. Электоральное взаимовлияние. Здесь в качестве доказательной базы можно использовать как зарубежный опыт, указывающий на способность мобилизации значительных электоральных пластов посредством сетевого инструментария (президентские выборы в США, Brexit [Hall et al., 2018], и т.д.), так и отечественную практику. Так, в ходе своей диссертационной работы [Носиков, 2020, с. 77–78, 259–261] мной была обнаружена обратная корреляция между явкой на выборах в Государственную думу РФ в электоральном цикле 2016 г.¹ и числом активных пользователей Web 2.0

---

¹ Выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации седьмого созыва // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100067795849&region=0&prver=0&prone tvd=0> (дата посещения: 24.04.2021).

платформ, приложений и сервисов в регионах РФ¹: чем выше численность граждан, активно использующих Web 2.0-сервисы, приложения и площадки в субъекте РФ, тем ниже оказывалась явка. И наоборот: в тех субъектах РФ, где численность граждан, активно пользующихся инструментарием сетевой коммуникации, была ниже, явка оказывалась значительно выше.

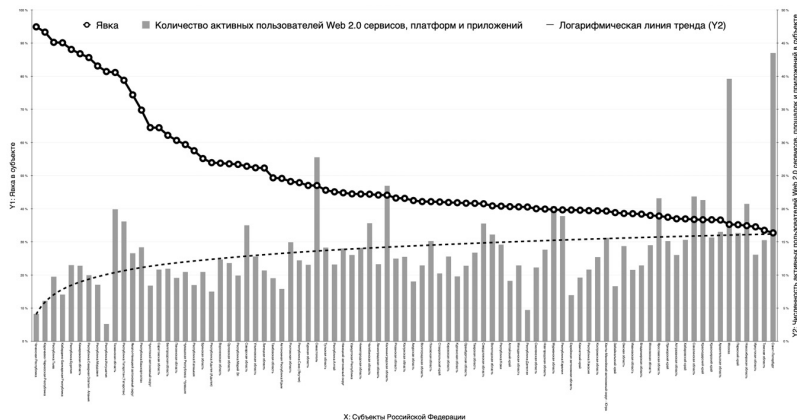

Рис. 1.

Обратная корреляция между явкой на выборах в Госдуму в электоральном цикле 2016 г. и числом активных пользователей Web 2.0-платформ, сервисов и приложений в субъектах РФ

При этом важно отметить, что данная обратная корреляция не будет прослеживаться в том случае, если мы будем сравнивать не совокупное количество активных пользователей Web 2.0-сервисов (VK, Instagram, Facebook, Twitter, LiveJournal, Мой Мир) в субъекте, а общее число домохозяйств в регионе, пользующихся сетью Интернет.

¹ По состоянию на сентябрь 2016. По данным Brand Analytics: Статистика социальных сетей // Brand Analytics. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/statistics/am> (дата посещения: 24.04.2021).

5. Сетевое пространство способствует **вовлечению в процессы политического участия «цифровых» поколений** – Y и Z. Как следствие, принципы плюрализма мнений, всеобщей публичности и кооперации, являющиеся основой Web 2.0-пространства и ставшие частью культурного кода для этих поколений и сетевой публичности в целом, переносятся из сетевого пространства в плоскость политической реальности¹.

6. **Становление сетевого пространства в качестве информационно-доминанты** в плоскости общественно-политических отношений. Интерактивная природа новых методов распространения информации изменила традиционную для массмедиа вещательную модель коммуникации (характеризуемую прежде всего линейностью, т.е. от коммуникатора, источника информации, к получателю информации, не имеющему возможности осуществить обратную связь) [Гатов, 2016, с. 208]. Принципы функционирования Web 2.0-платформ, сервисов и приложений уничтожили монополию мейнстрим-медиа на генерацию контента и его дистрибуцию, произошла замена дискретной модели распространения информации на потоковую, предполагающую возникновение информационных потоков по желанию потребителя [Гатов, 2016, с. 209]. По мере отдаления от редактируемых, курируемых средств массовой информации в сторону поисковиков и социальных медиа возрастает потенциальная вариативность картины мира [Цукерман, 2014].

Согласно актуальным социологическим данным² наблюдается поколенческое расхождение в уровнях потребления политической информации и источниках ее потребления: пожилое поколение

---

¹ Омельченко Е. Новые митингующие: управляемой и скучной толпы уже не будет // РБК. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/-2017/58d91ffc9a7947f2ae7eca1f (дата посещения: 25. 04. 2021); Гранина Н., Чеповская А. Что стоит за протестной активностью юных россиян // Лента. Ру. – 2017. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2017/03/28/protest/> (дата посещения: 25.04.2021); Тумакова И. Навальный и «непоротое поколение» // Фонтанка. ру. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2017/03/27/002/> (дата посещения: 25.04.2021).

² Источники новостей и доверие СМИ // Фонд Общественное Мнение. – Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170/> (дата посещения: 12.03.2021); Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Левада-центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/08/01/21088/> (дата посещения: 13.03.2021).

охотнее потребляет (и доверяет) новостную информацию посредством телевидения, тогда как молодежь предпочитает сетевые источники новостной и политической информации.

В любом случае, несмотря на возможные причины сложившейся ситуации, вследствие технологической экспансии явно вырисовывается поляризация двух противоположных политических картин мира: картина, формируемая телевидением, и картина, формируемая сетевым пространством. И в этот раз это не просто конфликт отцов и детей или поколенческие противоречия: «цифровая межа» разделяет тех, кто умеет пользоваться современными информационно-коммуникативными средствами (а также эксплуатировать их в целях кооперации), и тех, кто несведущ в этом [Рейнгольд, 2006, с. 8].

7. Деконструкция спирали молчания. Вследствие возросших возможностей сетевой кооперации граждан посредством сети Интернет также нивелируется феномен «спирали молчания», предоставляя расширенную возможность гражданину находить политических единомышленников посредством сетевого пространства.

Даже если прежде какие-либо политические взгляды или идеологические установки индивида считались маргинальными и были порицаемы в традиционном «досетевом» обществе, то сегодня, благодаря всеобщей сетевизации, индивид способен найти сторонников или же целые комьюнити, разделяющие его взгляды. Или же создать свое комьюнити и приступить к поиску последователей в Сети.

В качестве примера деконструкции спирали молчания можно привести эмпирически установленный ренессанс крайнего неонацизма посредством сетевого пространства в США [Berger, 2016, р. 3–5] и Германии [Glaser, 2014, р. 3], а также становление ИГИЛ¹ в качестве сетевой идеологической франшизы. Отмечая особые успехи ИГИЛ в области сетевой экспансии [Berger, Morgan, 2015], А. Hoffman и У. Schweitzer даже ввели специальный термин – «Киберджихад» (cyber jihad), обозначающий использование технических средств в сетевом пространстве с целью пропаганды радикального джихада против тех, кого его последователи называют врагами ислама [Hoffman, Schweitzer, 2015].

---

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

Интерфейсы, или Как сети способны взаимодействовать с политической системой

Если мы примемся рассматривать хоть сколько-нибудь значимые прецеденты массового вовлечения сетевой публики в конкретные политические кейсы, то увидим, что все эпизоды имеют чрезвычайно схожий паттерн взаимодействий с политической системой. По сути, речь идет об унификации интерфейсов взаимодействия сетевой публики и политической системы. Интерфейс в данной статье понимается наиболее широким образом – как совокупность методов и средств для обеспечения взаимодействий между системными элементами [Сергеев, Падерно, Назаренко, 2011, с. 9], с условием, что под системой в данном случае понимается политическая система.

Первый интерфейс – это публичное политическое пространство. Любая политическая сеть первоначально формируется вокруг совместных политических целей, задач, интересов. Также стимулом для образования новой политической сети может стать какой-либо продукт политической деятельности: идея, концепция или просто побуждающее к политическому действию событие-драйвер. В качестве примера формирования публичных политических сетей на базе Web 2.0-сервисов как реакции сетевой публики на какое-либо событие-драйвер можно привести становление сетевого движения против решения администрации Санкт-Петербурга о передаче Исаакиевского собора РПЦ. В качестве еще одного примера формирования политических сетей в Web 2.0-среде как реакции на какое-либо политическое событие можно привести протесты 2011–2013 гг. «За честные выборы!».

После формирования политической сети в Web 2.0-среде она начинает свое функционирование. Одними из основополагающих функций политических сетей в Web 2.0-среде является трансляция, тиражирование и распространение выгодного сетевой публике политического продукта посредством осуществления медийных интеракций с публичным пространством. Посредством сетевого информационного краудсорсинга, когда каждый из членов сети выступает в качестве ретранслятора для дальнейшей передачи политической информации далее, в остальные сегменты сетевого пространства, происходит распространение выгодного сети политического продукта (или рекрутинг новых членов сети,

или краудфандинг ресурсов). В конечном итоге посредством интерфейса публичного пространства сеть способна не только влиять на политическую повестку дня, привлекать ресурсы и расширяться, но и воздействовать на политическую культуру и политические ценности в долгосрочной перспективе. В случае если на данном этапе сети посредством интерфейса публичного политического пространства удастся преобразовать сетевые активности в трансформацию реальности в соответствии со своими интересами, цели сети могут считаться достигнутыми.

Примером реализации сетевого краудсорсинга и краудфандинга в качестве субинтерфейса публичного пространства может служить президентская кампания А. Навального в 2017 г.: при помощи отправления сигналов в публичное пространство через сетевые структуры происходил рекрутинг новых волонтеров для кампании в различных субъектах Российской Федерации, а также сбор средств на проведение кампании посредством электронных пожертвований.

Второй интерфейс – это институциональные выходы, под которыми в рамках данной статьи понимаются: правовые институты, институт выборов и все многообразие государственных и негосударственных институтов, возможности включения в рамках институциональных правил в систему разработки и принятия политико-административных решений (к примеру, советы при органах государственной и муниципальной власти, различные общественные, наблюдательные советы и др.), механизмы e-governance [Сморгунов, 2015]. При благополучной эксплуатации институциональных выходов как интерфейса для взаимодействия с политической системой политическая сеть в состоянии трансформировать политическую реальность в соответствии со своими политическими интересами, целями и задачами или даже полноценно инкорпорироваться в политическую систему. Например: итальянское сетевое «Движение пяти звезд» достаточно стремительно трансформировалось в полноценную политическую партию, получив значительное количество мандатов палаты депутатов и итальянского Сената¹, а также сохраняя за собой значительное число мэрских кресел, в том числе мэра Рима.

---

¹ Archivio storico delle elezioni // Ministero dell'Interno. – Mode of access: <http://elezionistorico.interno.it/index.php?tpel=C&dtel=24/02/2013&tpa=I&tp=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S> (accessed: 19.03.2021).

В качестве неудачного примера использования цифровыми политическими сетями интерфейса институционального выхода можно привести уже упомянутое выше сетевое движение «За честные выборы!» 2011 г. Еще в декабре 2011 г. представителями партий «Яблоко» и КПРФ было подано около 250 исков в районные суды по поводу нарушений на выборах 2011 г.¹ Также около тысячи жалоб было подано в прокуратуру, МВД и Следственный комитет РФ представителями КПРФ и партии «Правое дело»². КПРФ направила обращение в Верховный суд РФ, содержащее требование признать прошедшие выборы недействительными в связи с выявлением грубых нарушений³. Так как интерфейс институционального выхода не давал удовлетворяющих гражданское общество и политических акторов результатов, сетевая публика приступила к организации посредством Web 2.0-пространства акций прямого действия, что впоследствии приведет к самым масштабным гражданским протестным акциям в истории современной РФ.

Таким образом, *третий интерфейс* – это акции прямого действия. В условиях, когда политическая система оказывается восприимчивой к акциям прямого действия, происходит трансформация политической реальности. Если же трансформации политической реальности не происходит, то высоковероятно, что акция прямого действия оказалась недостаточно эффективной для достижения политических интересов сети. Возможно, численность участников акции прямого действия оказалась недостаточной, а медийный охват оказался низким, или же интересы сети не находят поддержки у широких общественных масс. В случае реализации данного сценария сеть снова возобновляет эксплуатацию интерфейса публичного пространства, продолжая трансляцию в публичное пространство своего политического продукта, параллельно расширяясь, привлекая ресурсы, увеличивая престиж сети и ее мобилизационный потенциал с целью проведения последующих акций прямого действия, когда характеристики сети улучшатся.

---

¹ Карасулова О. Пресса России: «Честные выборы» от Путина – Оппозиция проигрывает в судах // Русская служба BBC. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/12/111229_rus_press.shtml#1 (дата посещения: 25.04.2021).

² Там же.

³ Верховный суд принял к производству обращение от КПРФ по поводу выборов // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2008-06-04/4_kprf.html?id_user=Y (дата посещения: 25.04.2021).

Вместе с тем может возникнуть ситуация, когда политическая система систематически невосприимчива к акциям прямого действия (институциональные выходы неизменно неисправны либо вовсе отсутствуют, либо политическая система не реагирует на исходящие из публичного пространства сигналы и акции прямого действия по иным причинам). В этом случае происходит замыкание модели в цикле трансляции сетями своего политического продукта в публичное пространство, расширения, привлечения ресурсов, увеличения мобилизационного потенциала и последующих акций прямого действия. Данный сценарий может реализовываться, когда политическая система в принципе не приспособлена (под неприспособленностью в данном контексте понимается прежде всего низкое качество либо отсутствие институциональных механизмов взаимодействия общества с политической системой, общая низкая адаптивность институтов и органов государственной власти перед процессами цифровизации и сетевизации, пренебрежение методами публичного администрирования, недостаток политической ответственности власти перед обществом) к изменениям, детерминированным наступлением цифровизации и коммуникативного изобилия, таким как повышение вариативности и многообразия политической жизни общества, большему вовлечению гражданского общества в общественно-политическую жизнь посредством сетевых интеракций, увеличение политической конкуренции и так далее.

Таким образом, замыкание деятельности политических сетей в двух интерфейсах гипотетически способствует значительному увеличению политических рисков и возрастанию степени общей нестабильности политической системы и общества в целом (или же в некоторых случаях на локальных территориях), что подводит нас к выводам о необходимости наличия адекватных и исправных интерфейсов институционального выхода.

Самый наглядный и наиболее резонирующий кейс использования сетями всех интерфейсов представлен в работе В. Гонима (создателя и администратора Facebook-сообщества, ставшего местом формирования и координации будущей революции), описывающей и анализирующей феномен первой Facebook-революции 2011 г. в Египте.

Сперва граждане объединились в политическую сеть посредством Web 2.0-сервиса с целью публичного обсуждения положения

дел в их стране и публичной артикуляции своих политических требований (используется интерфейс публичного пространства) [Гоним, 2012, с. 82–94, 156].

Поскольку институциональной оппозиции в Египте не было, сетевой публикой была предпринята попытка выдвижения в качестве своего лидера и альтернативы действующему президенту Х. Мубараку М. эль-Барадеи. По прибытии в Египет эль-Барадеи был помещен под домашний арест египетскими властями¹ (неудачная попытка применения сетевой публикой интерфейса институционального выхода).

Наконец граждане посредством сети координируют мирные протестные акции прямого действия (интерфейс акций прямого действия) [Гоним, 2012, с. 95–106]. После каждой акции прямого действия сеть снова наращивала сторонников и потенциал, однако на каждую последующую акцию власти Египта отвечали насилием и эскалацией [Гоним, 2012, с. 234–278], что привело к переходу сетевой публики к четвертому интерфейсу (о теоретических причинах его возникновения будет более детально сказано далее) – интерфейсу насилия².

Также все три интерфейса были использованы и в иных, уже упомянутых выше, кейсах. Так, сетевое движение против решения администрации Санкт-Петербурга о передаче Исаакиевского собора в пользование РПЦ, после формирования в Web 2.0-среде и трансляции в публичное пространство своих требований, выдвигало делегатов (депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга) для переговоров с городской администрацией, подписывались и направлялись в адрес администрации многочисленные петиции и от имени профессионального сообщества, и от имени обычных горожан. И только после того, как публичная артикуляция требований и попытки разрешить вопрос посредством институциональных возможностей (заявка на проведение референдума по данному вопросу была отклонена властями) не принесли удовлетворяющего сетевую публику результата, она начала мобилизоваться для участия в протестных акциях прямого действия.

---

¹ Бывшего главу МАГАТЭ посадили под домашний арест // Lenta.ru – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2011/01/28/egypt3/> (дата посещения: 24.04.2021).

² В Каире идут бои между сторонниками и противниками Х. Мубарака // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/02/2011/5703e3019a79473c0df19d72> (дата посещения: 24.04.2021).

Аналогична ситуация и с антикоррупционными митингами 2017 г.: после выхода фильма-расследования, обвиняющего значимых российских чиновников в злоупотреблениях, сетевая публика сперва артикулировала свое возмущение в Web 2.0-среде посредством интерфейса публичного пространства, и только лишь после того, как Следственный комитет РФ отказался проводить проверку относительно изложенных в расследовании материалов (депутат Государственной думы от КПРФ В. Рашкин подал официальный запрос)¹, т.е. после того, как использование институционального выхода не дало результатов, сетевая публика приступила к использованию интерфейса акций прямого действия. Для этого граждане организовывались посредством более чем 100 сетевых сообществ на базе Web 2.0-сервисов². 26.03.2017 г. в 82 городах РФ состоялись различные акции прямого действия³. Самый многочисленный митинг состоялся в Москве, где, по разным оценкам, на улицы вышло от 7 до 25 тыс. человек, более тысячи задержано⁴. 12.06.2017 г. прошли очередные антикоррупционные протесты. Вследствие широкого общественного резонанса, обусловленного как отсутствием ответов от властей, так и масштабными задержаниями участников акций 26.03.2017 г., действующим в цифровой сетевой среде политическим сетям, используя интерфейс публичного пространства, удалось вовлечь новых сторонников. После того как новые сторонники были вовлечены посредством сетевых сообществ на базе Web 2.0-сервисов, политические сети вновь перешли к использованию интерфейса акций прямого действия.

---

¹ Генпрокуратура отказалась проверять фильм «Он вам не Димон» // BBC – Русская служба. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-40384085> (дата посещения: 25.04.2021).

² Единый день протеста против коррупции высших должностных лиц России – #26 марта // ВКонтакте. – Режим доступа: https://vk.com/wall-55284725_272730 (дата посещения: 25.04.2021).

³ Старшеклассники танцевали и смеялись среди полицейских кордонов // Коммерсантъ. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3254291> (дата посещения: 25.04.2021).

⁴ Сколько людей вышли на улицы 26 марта и сколько задержали? Карта протеста // Meduza. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/skolko-lyudey-vyshli-na-ulitsy-26-marta-i-skolko-zaderzhali-karta-protesta> (дата посещения: 25.04.2021).

12.06.2017 г. акции прошли уже в 154 городах РФ¹. Участие в акциях приняли от 50 тыс. до 98 тыс. граждан².

Ключевые вызовы и политические дизайны (заключение)

Чтобы более реалистично оценить риски и потенциальные позитивные изменения, вытекающие из условий сопряжения сетевого пространства и политической реальности, наиболее оптимальным является диверсифицированное моделирование возможных путей развития и политических дизайнов.

Первый из возможных политических **дизайнов** заключается в централизации и вертикализации системы государственного администрирования, как следствие защитной реакции государственной власти на экспансию и резкую интенсификацию сетевого политического участия гражданского общества.

При данных обстоятельствах политические и административные элиты воспринимают расширяющееся стремительными темпами сетевое пространство как враждебную среду. Наряду с этим сигналы и сообщения, исходящие от сетевой публики и транслируемые посредством интерфейса публичной среды, будут неминуемо восприниматься государственной властью как деструктивные, враждебные попытки дестабилизации, что в конечном итоге способно привести к внедрению авторитарных практик. В случае практической реализации данного политического дизайна возрастает вероятность возникновения цивилизационного и ценностного разрыва между властными институтами, оперирующими преимущественно архаичными методами вертикального управления, бюрократизации, централизации, избыточного контроля и общего недоверия к обществу, и гражданским обществом, самоорганизующимся и саморазвивающимся посредством инструментов сетевого взаимодействия. Исполнение данного сценария способно сформировать устойчивый конфликт между государст-

---

¹ 2 июня на улицы вышло больше людей, чем 26 марта. Карта протестов «Медузы» и «ОВД-Инфо». Самые полные данные // Meduza. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/06/13/skolko-lyudey-protestovali-12-iyunya-i-skolko-zaderzhali> (дата посещения: 25.04.2021).

² Там же.

венной властью и гражданским обществом, таким образом критически повышая политические риски для политической системы.

Второй дизайн – это подавление государственной властью сетевых политических активностей граждан посредством принятия законодательных актов, направленных на строгий контроль над сетевым пространством, а также формирование и введение ряда запретительных и надзорных мер. В рамках данного дизайна государственная власть, так же, как и в случае первого дизайна, воспринимает сетевое пространство в качестве дестабилизирующего и враждебного по отношению к государству и государственной власти фактора.

Стоит отметить, что данный путь представляется малоперспективным, поскольку путем кооперации и сотворчества сетевая публика выработает новые технологии и решения для обхода выработанных государственной властью запретительных мер и во избежание государственного надзора в сети. При этом посредством вирального распространения в сетевом пространстве данные технологии в относительно краткосрочной перспективе способны стать новым стандартом Интернета, после чего с большой долей вероятности цикл повторится вновь.

Помимо всего прочего, из этого дизайна вытекают достаточно серьезные в среднесрочной и долгосрочной перспективе риски для политической системы. Так как высокоуровневые технологии анонимизации (например, Tor) позволяют сохранять крайне высокий уровень анонимности, этот сегмент сетевого пространства является высокриминогенной средой. Таким образом, вводя слишком строгие запреты и надзорные меры, государство косвенно вынуждает граждан эмигрировать из обычного Интернета в высокриминогенную среду с высоким уровнем анонимности, также побуждая граждан к правовому нигилизму.

Кроме того, процесс такого вытеснения части активной и политизированной сетевой публики в высокоанонимные сегменты сети впоследствии может привести к формированию там сетей с более высоким порогом входа (имеется в виду технический аспект), что в свою очередь будет способствовать самореферентности таких сетей, а также их обособленности от остального публичного политического пространства. Обособленность данных сетей может привести к уменьшению вероятности для конструктивного внутрисетевого диалога внутри таких сообществ, а ограниченность

внешних коммуникаций в свою очередь будет негативно влиять на способность таких сетей к сетевому сотворчеству вследствие недостаточного притока новых акторов и идей. Однако вследствие высокой плотности таких сетей (повышенный порог входа обуславливает относительно небольшую численность, сниженную текучесть и пониженную публичность, что в свою очередь обуславливает высокую плотность сети) и вышеперечисленных факторов такие самореферентные политические сети являются благоприятной средой для формирования радикальных идей и настроений. Высокая плотность сетей, в свою очередь, способствует повышению мобилизационного потенциала. Таким образом, возникает опасность трансформации таких политических сетей в радикализированные сетевые ячейки.

Также крайней формой реализации данного политического дизайна может стать наступление сетевого авторитаризма, когда власть не только контролирует сеть на подконтрольной ей территории на инфраструктурном и техническом уровнях, но и фильтрует, цензурирует распространяемую в сети информацию с целью контроля над населением, а также осуществляет надзор за населением посредством сетевого инструментария.

Третий дизайн предусматривает создание и ресурсную поддержку государственной властью собственных политических сетей, которые могут инструментально эксплуатироваться государственной властью для трансляции в публичное пространство благоприятного и выгодного для власти политического продукта. В случае практической реализации данного политического дизайна представляются возможными две модели развития событий.

Первая модель предполагает, что инициализированные государственной властью политические сети в конечном итоге окажутся «симулякром» [Бодрийяр, 2013], а производимый и транслируемый ими в публичное сетевое пространство политический продукт окажется неконкурентоспособным в условиях возросшей сетевой политической конкуренции (или попросту малопривлекательным для сетевой публики). В случае воплощения в жизнь первой модели высока вероятность того, что государственная власть в конечном итоге окажется невосприимчива к сигналам и запросам, исходящим от других политических сетей и сетевой публики, при этом ориентируясь преимущественно на сигналы собственных сетей-симулякром. Последствия реализации данного

сценария носят катастрофический характер: в конечном итоге государственная власть рискует потерять контакт с реальностью и стать невосприимчивой к действительным запросам гражданского общества.

Вторая модель развития событий предполагает интенсификацию конкурентной борьбы между сетями гражданского общества и инициализированными государственной властью политическими сетями. В ходе реализации данной модели возможен переход к открытой конфронтации между сетями гражданского общества и инициализированными государственной властью политическими сетями. При этом такое противоборство способно разворачиваться как в ценностно-идеологической плоскости, так и в вопросах конструирования и реализации сценариев общественно-политического развития.

Четвертый политический дизайн предполагает взаимный контроль и участие сетевой публики и власти: умеренную политическую конкуренцию между государственной властью и сетевой публикой, в ходе которой государственная власть подвергается гражданскому контролю и надзору со стороны гражданского общества посредством цифрового инструментария. Данный политический дизайн имеет схожие черты с концепцией мониторинг демократии Д. Кина, заключающейся в контроле и надзоре гражданского общества за деятельностью государственных структур и политического истеблишмента посредством всевозможных внепарламентских механизмов контроля [Кин, 2015, с. 109]. При этом данные механизмы контроля и надзора предусматривают также широкое применение сетевого инструментария при активном использовании интерфейсов публичного пространства и институционального выхода.

Пятый политический дизайн предусматривает планомерную модернизацию практик и методов государственного управления с целью обеспечения адаптивности государства перед запросами сетевой публики и гражданского общества в целом посредством налаживания интерфейсов взаимодействия между сетевым пространством и государством. Данный политический дизайн позволяет конвертировать такие свойства политических сетей, как сотворчество, синергия, самоорганизация в политико-административные решения с высокой степенью общественной поддержки и повышенной степенью согласования интересов.

Основополагающей задачей данного дизайна выступает проектирование новых, а также контроль за работоспособностью существующих, альтернативных интерфейсу протеста, интерфейсов взаимодействия государства и сетевого пространства.

Шестой возможный **политический дизайн** – это внедрение практик data driven governance (соуправление, основанное на данных). Data driven governance является развитием концепта data driven policy making, предполагающим государственное управление, основанное на агрегации и машинном анализе больших данных, прежде всего статистических, которые впоследствии используются для определения существующих проблем и выработки путей развития. Но что будет, если заменить линейные статистические данные данными, считываемыми из динамичного и нелинейного сетевого пространства?

Седьмой дизайн предполагает, что политическая система станет на путь всеобъемлющего и беспрекословного следования сетевой логике. При реализации данного политического дизайна возможно два сценария развития событий. Первый сценарий – это переход общества к состоянию перманентной «войны всех против всех» [Гоббс, 1991]. Второй возможный сценарий, обусловленный данным политическим дизайном, – это возникновение признаков охлократии.

Восьмой политический дизайн является противоположностью пятого: институты не только не адаптируются к условиям сопряжения, но и деградируют в целом (понижается транспарентность институциональных практик, снижается доверие граждан к институтам, наблюдается гипербюрократизация и так далее), что приводит к неработоспособности функционирующих институциональных выходов. В этих условиях все описанные в части 3 интерфейса становятся практически неработоспособными с точки зрения их возможности влияния на функционирование политической системы. Таким образом, затрудняется инкорпорация запросов сетевой публики в политическую повестку дня, а также становится невозможным представительство сетевой публики в рамках функционирующих демократических институтов. В условиях неработоспособности институциональных выходов сначала может произойти интенсификация акций протестных действий. В случае если протестные акции также не приводят к изменению политической реальности или вовсе воспринимаются властью не как

ненасильственный способ выражения своих политических требований гражданами в условиях демократического государства, а как враждебные попытки дестабилизации (см. политический дизайн 1) с последующими репрессивными мерами по отношению к участникам акций прямых действий, то протест может действительно радикализироваться, не имея других способов влияния на политическую реальность. Таким образом, в условиях неработоспособности институциональных выходов и общей деградации демократических политических институтов может произойти формирование еще одного, **четвертого, интерфейса** между политической реальностью и сетевым пространством, **интерфейса радикальных действий**. Политический дизайн, включающий в себя использование интерфейса радикальных действий сетевой публикой, является крайней формой накопившихся в обществе противоречий, самым опасным и нежелательным дизайном, несущим наибольшие риски для всего общества.

Стоит отметить, что с практической точки зрения в наибольшей степени оптимальным решением представляется применение политических дизайнов, способствующих использованию политической системой таких свойств политических сетей, как соучастие, сотворчество и самоорганизация с целью обеспечения наибольшей результативности в процессах выработки и реализации различных путей и сценариев развития. Также стоит избегать тех путей развития, которые несут в себе значительные для функционирования общества, государства и политической системы в целом риски.

Следовательно, политические дизайны 8, 3, 2, 1 малоперспективны, поскольку несут в себе существенные издержки и риски. Седьмой политический дизайн также несет в себе фатальные риски, вследствие чего является малопривлекательным с точки зрения его практической реализации.

Можно заключить, что стратегия диверсифицированной реализации политических дизайнов 4, 5 и 6, в том числе их гибридизация, представляется наиболее удачным решением, одновременно использующим те свойства сетевого пространства, которые гипотетически способны принести позитивные изменения и защитить политическую систему от множественных рисков, детерминированных условиями сопряжения.

A.A. Nosikov*

**Connecting network space and political reality:
interfaces, challenges, and political designs**

Abstract. Extrapolating the network approach to the socio-political process as a whole, the article analyzes the phenomenon of connection of network space and political reality, characterized by the mutual influence and interdependence of the phenomena occurring in both areas. There are four main interfaces (public space, institutional outputs, direct action, radical action) of interaction between the network space and the political system. The author substantiates the significance of the phenomenon of connection as a determinant of the modern political process, identifies the main indicators of connection, anticipating significant changes in the political landscape. In conclusion, the author points out both the risks of connection, new challenges for today's political institutions, and the emergence of new windows of opportunities for the modernization of socio-political institutions. Nine political designs are modeled based on conjugation connection.

Keywords: digitalization; political networks; online public; political communication; governance; civil society; Internet.

For citation: Nosikov A.A. Connecting network space and political reality: interfaces, challenges, and political designs. *Political science (RU)*. 2019, N X, P. 92–116. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.04>

References

- Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Tula : Tula polygraphist, 2013, 204 p. (In Russ.)
- Berger J.M. *Nazis vs. ISIS on Twitter. A comparative study of White Nationalist and ISIS online social media networks*. GW Program on Extremism, 2016, 31 p. Mode of access: https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/downloads/Nazis%20v.%20ISIS.pdf?utm_source=fbia (accessed: 05.07.2021).
- Berger J.M., Morgan J. *The ISIS Twitter Census*. The Brookings Project on US relations with the Islamic World, Analysis Paper. Washington, D.C. : Brookings Institution, 2015, 65 p.
- Börzel T. Organizing Babylon on the different conceptions of policy networks. *Public administration*. 1998, Vol. 76, N 2, P. 253–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00100>
- Castells M. *Communication power*. Moscow : HSE, 2013, 564 p. (In Russ.)
- Cohen J. *Deliberation and democratic legitimacy*. In: Hamlin A., Pettit P. (eds). *The good Polity* Oxford : Blackwell, 1989, P. 17–34.
- Fischer F., Miller G.J. (ed.). *Handbook of public policy analysis: theory, politics, and methods*. Boca Raton, FL : CRC press, 2006, 668 p.

---

* Nosikov Andrey, independent researcher, e-mail: a.a.nosikov@gmail.com

- Gatov V. The future of journalism. In: Amzin A., Galustyan A., Gatov V. (eds). *How new media changed journalism 2012–2016*. Yekaterinburg : Humanitarian University, 2016, P. 206–268. (In Russ.)
- Ghonim W. *Revolution 2.0*. Saint Petersburg : Lenizdat, Team A, 2012, 352 p. (In Russ.)
- Glaser S. *Rechtsextremismus online – beobachten und nachhaltig bekämpfen*. Mainz : 2014, 20 p.
- Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Moscow : Ves' mir, 2016, 344 p. (In Russ.)
- Habermas J. *The theory of communicative action*. Beacon press, 1984, 512 p.
- Hall W., Tinati R., Jennings W. From Brexit to Trump: Social media's role in democracy. *Computer*. 2018, Vol. 51, N 1, P. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.1109/mc.2018.1151005>
- Heclo H. *A Government of strangers*. Washington D.C. : Brookings, 1978 b, 272 p.
- Heclo H. Issue networks and the executive establishment. *Public Adm. Concepts Cases*. 1978 a, Vol. 413, P. 46–57.
- Hobbes T. *Leviathan or Matter, form and power of the state, ecclesiastical and civil*. Moscow : Mysl', 1991, 731 p. (In Russ.)
- Hoffman A., Schweitzer Y. Cyber Jihad in the Service of the Islamic State (ISIS). *Strategic assessment*. 2015, Vol. 18, N 1, P. 71–81.
- Jordan A.G., Richardson J.J. *Government and pressure groups in Britain*. Oxford : Oxford university press, USA, 1987, 308 p.
- Jordan G. Sub-governments, policy communities and networks: refilling the old bottles? *Journal of theoretical politics*. 1990, Vol. 2, N 3, P. 319–338. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692890002003004>
- Keane J. *Democracy and media decadence*. Moscow : HSE, 2015, 312 p. (In Russ.)
- McLuhan M. *The Gutenberg galaxy*. Kiev : Nika-Center, 2004, 432 p. (In Russ.)
- McLuhan M. *Understanding media. The extensions of man*. Moscow : Hyperborea, 2007, 464 p. (In Russ.)
- Nosikov A. *Interfacing network environment and political reality in the modern Russian Federation*. PhD Thesis. Moscow : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2020, 262 p. (In Russ.)
- Rheingold H. *Smart mobs: the next social revolution*. Moscow : Fair-Press, 2006, 416 p. (In Russ.)
- Richardson J.J., Jordan A.G. *Governing under pressure: the policy process in a post-parliamentary democracy*. Oxford : Martin Robertson, 1979, 212 p.
- Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow : Exmo, 2018, 208 p. (In Russ.)
- Schneider A.L., Ingram H.M. *Policy design for democracy*. Laurence, USA : University press of Kansas, 1997, 256 p.
- Sergeev S., Paderno P., Nazarenko N. *An introduction to designing intelligent interfaces*. Saint Petersburg : ITMO University, 2011, 108 p. (In Russ.)
- Smorgunov L. Political networks, information technology and public administration: the transition from the concept of “e-Government” to “e-Governance”. In: *Information society technologies – Internet and Modern Society: Proceedings of the VIII All-Russian United Conference*. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2005, C. 8–11. (In Russ.)

- Thatcher M. The development of policy network analyses: From modest origins to overarching frameworks. *Journal of theoretical politics*. 1998, Vol. 10, N 4, P. 389–416. DOI: <https://doi.org/10.1177/0951692898010004002>
- Zuckerman E. *Rewire: digital cosmopolitans in the age of connection*. Moscow : AdMarginem Press, 2014, 320 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
- Гатов В. Будущее журналистики // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов [и др.]; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – С. 206–268.
- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1991. – 731 с.
- Гоним В. Революция 2.0. – СПб. : Издательская группа «Лениздат» ; «Команда А», 2012. – 352 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
- Кин Д. Демократия и декаданс медиа. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : Гиперборея, 2007. – 464 с.
- Носиков А.А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности в условиях современной Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. – М. : РАНХиГС, 2020. – 262 с.
- Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
- Сергеев С.Ф., Падерно П.И., Назаренко Н.А. Введение в проектирование интеллектуальных интерфейсов. – СПб. : ИТМО, 2011. – 108 с.
- Сморгунов Л.В. Политические сети, информационные технологии и публичное управление: переход от концепции «e-Government» к «e-Governance» // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VIII Всероссийской объединенной конференции. – СПб : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – С. 8–11.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. – М. : Весь мир, 2016. – 344 с.
- Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 320 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М. : Эксмо, 2018. – 208 с.

Т.А. ПОДШИБЯКИНА*

ДИФфуЗИОННЫЕ СЕТИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ¹

Аннотация. Сравнительный анализ выявил недостаточную репрезентацию теорий сетевой динамики по сравнению с теориями сетевой статики, исключение составляют «стратегическая реляционная теория сетевой динамики» К. Хэй и Д. Ричардса, акторно-сетевая теория Б. Латура и теория стохастических процессов, на основе которой строится большинство моделей сетевой динамики. В публикациях диффузионное направление, описывающее соответствующий вид сетей, менее представлено по сравнению с реляционистским и стохастическим подходами.

Объектом данного исследования являются диффузионные сети, рассматриваемые как коммуникативный элемент процесса диффузии политики, т.е. канал распространения политики от одного субъекта к другому. Предметом изучения выступают политические практики когнитивного контроля в диффузионных сетях. Методологическим основанием стала концепция динамики диффузионных сетей, позволяющая описать эффекты «когнитивных ограничений», возникающие в сети Интернет. В развитие данной темы предполагается продолжить исследование выявления технологий когнитивного контроля в диффузионных сетях, построенных на манипулировании когнитивными способностями участников сетевых отношений.

Эмпирическая часть исследования направлена на апробацию теоретических положений концепции динамики диффузионных сетей на примере практик сетевого контроля в виде политической когнитивной цензуры в ходе проведения

---

* Подшибякина Татьяна Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: tan5@bk.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддерживаемого грантом РФФИ 19-011-31284 «Стратегии когнитивной политической цензуры как эффект “новых медиа”: украинский кейс в сравнительной перспективе».

© Подшибякина Т.А., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.05

диджитал-кампаний. Для обоснования выводов используется анализ big data, осуществленный методом мониторинга сетевого онлайн-пространства при помощи ресурсов систем «Медиалогия» и YouScan. Результатом стала концептуализация понятия «когнитивного сетевого контроля» применительно к диффузионным сетям, описание основного динамического индикатора – скорости распространения политической информации в сетевых сообществах и выявление технологий когнитивного стратегического воздействия в диджитал-практиках.

Ключевые слова: политическая диффузия; диффузионные политические сети; новые медиа; когнитивный сетевой контроль; когнитивная политическая цензура; динамика.

Для цитирования: Подшибякина Т.А. Диффузионные политические сети: динамические аспекты сетевой теории и практики // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 117–134. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.05>

Введение

Сетевой подход, при всей своей популярности и востребованности в качестве аналитического инструмента исследования политических процессов, неравномерно представлен теориями среднего уровня. Не найдено «золотое сечение», гармонизирующее соотношение теорий, описывающих структурный характер сетей как относительно статичных и организованных форм, и теорий, раскрывающих динамические закономерности их развития. Давно назрела необходимость разработки динамических теорий политических сетей, к этому есть все предпосылки, уже накоплен, но пока является фрагментарным, определенный опыт исследования динамических аспектов сетевого взаимодействия, постепенно пополняется эмпирическая база. В настоящее время исследование динамической природы политических сетей реализуется в большей степени на примерах глобального и регионального политического процесса, а государственные политические сети представлены в основном статично.

Цель данного исследования заключается в описании динамических процессов в диффузионных сетях в контексте практик когнитивного сетевого контроля. Для этого понадобится уточнить само понятие «диффузионные сети», обосновать концепцию динамики диффузионных сетей в политической сфере и, опираясь на материалы эмпирического исследования, проанализировать ее когнитивный аспект.

Динамические аспекты сетевой теории: постановка проблемы

Проблема более глубокого теоретического осмысления сетевой динамики осознается как общенаучная, что во многом определяется междисциплинарным характером сетевых теорий. В рамках социологического подхода к исследованию социальных изменений вводится в научный оборот новое понятие «динамической социальности» [Иванов, 2021], разрабатываются теории потоковых структур, основанием выступает выдвинутая Р. Шилдсом идея «потоков как новой парадигмы» [Shields, 1997] и теория «пространства потоков» как материальной организации социальных практик М. Кастельса [Castells, 2000]. Наибольший интерес с точки зрения описания сетевой динамики, с позиций эпистемологии и эмпирического конструктивизма представляет акторно-сетевая теория Б. Латура, рассматривающая сети, в том числе социотехнические, например Интернет, в качестве самостоятельного актора, влияющего на иных сетевых акторов [Latour, 2005].

В политической науке динамические теории незаменимы в исследовании процессов политического управления и публичной политики [Сморгунов, 2019], их поиск ведется через апробирование сочетания различных методологических принципов: адаптации рационалистического подхода М. Вебера и его теории легитимности к анализу эмпирических проблем управления сетью [Netelenbos, 2020], соединения сетевых теорий с институциональными концепциями, такими, как концепции *governance*, отдающими предпочтение исследованию процесса взаимодействия между сетевыми акторами, однако наиболее часто сетевой подход используется в контексте реляционизма. Анализ процессов сетевого динамизма идет в нескольких направлениях: описания трансформации структуры самой сети, эволюции сети, под которой понимается усложнение ее структуры и рост разнообразия элементов [Lupeng, Chen, 2021], моделирования динамических процессов в сетях и описание динамических систем реляционного государственного управления [Bartels, Turnbull, 2020].

Из хорошо известных и детально проработанных теорий можно назвать «стратегическую реляционную теорию сетевой динамики» К. Хэя и Д. Ричардса, демонстрирующую возможности и потенциал сетевого динамического анализа. Опираясь на дискур-

сивный и стратегический подход, авторы обосновали теорию формирования, эволюции, трансформации и распада сетей, основанную на собственной парадигме сетевого взаимодействия как практики и как процесса [Hay, Richards, 2000, p. 25]. Одной из самых признанных теорий, определяющих суть парадигмы механизмов динамических изменений в социальной структуре, считается теория стохастических процессов, а наиболее распространенным приемом, используемым для описания динамики, является построение моделей. Первыми динамическую модель, основанную на теории стохастических процессов, как принято считать, создали П. Холланд и С. Лейнхардт, они подробно описали новый подход, основанный на цепях Бернулли и Маркова в своей фундаментальной работе «Динамическая модель социальных сетей» [Holland, Leinhardt, 1977], Д. Суитор, Б. Уэллман и Д. Морган развили их идеи и продолжили осмысление процессов изменения социальных сетей с течением времени на теоретическом и методологическом уровне [Suitor, Wellman, Morgan, 1997]. Д. Шефер и К. Маркум, обобщив многолетний опыт моделирования сетевой динамики, установили, что на практике чаще всего используются стохастически-акторно-ориентированные модели и динамические экспоненциальные модели [Schaefer, Marcum, 2017].

В настоящее время практически сложился понятийный аппарат сетевого динамического моделирования. Сеть определяется как набор акторов (представленных в виде вершин, узлов или узлов в графе) и отношений между ними (представленных ребрами, дугами или связями). Сетевая динамика описывается как «процесс, посредством которого особенности сетей изменяются во времени. Эти особенности состоят из основных единиц сетей: а именно вершин, ребер и соответствующих им ковариат. Сетевое динамическое моделирование стремится понять этот процесс изменения, с одной стороны, и предсказать будущие состояния сети – с другой» [Schaefer, Marcum, 2017, p. 254]. Отсутствие динамических сетевых теорий отчасти связано с недостатком исходных эмпирических исследований сетевой динамики, которые имеют свой круг проблем, и одной из самых важных является проблема измерения сетевой динамики, для этой цели наиболее часто используются стохастические актор-ориентированные модели (SAOM) [Snijders, 2017].

Кроме стохастического подхода к исследованию сетевой динамики применяются и альтернативные направления, менее представленные в публикациях [Schaefer, Marcum, 2017], к ним относят эпидемиологический [Cannarella, Spechler, 2014], диффузионный [Greenan, 2015], качественный [Jack, 2005] и детерминистский [Lane, 2000], описывающие соответствующие виды динамических сетей. В соответствии с целями данного исследования предлагается обратиться к малоизученному диффузионному направлению, наиболее проработанным элементом которого являются понятия диффузии и диффузионной сети, и оценить эвристический потенциал концепции динамики диффузионных сетей.

Концепция динамики диффузионных сетей

Диффузионизм в качестве методологии как нельзя лучше подходит для исследования динамических аспектов взаимодействия в самых различных видах сетей от политико-административных до сетей социальных медиа, его родовым признаком является диффузия (свободное распространение) политики, идей, паттернов, инноваций, фреймов. Исследователи, использующие диффузионный подход в сочетании с сетевым, чаще всего указывают на такую проблему, как несоответствие между процессом диффузии инноваций [Greenan, 2015], знаний [Luo et al., 2015], информации [Jiang, Chen, Liu, 2014] и статичностью самой сети. Определенные трудности вызывает также скрытый характер диффузионных сетей, включающих множество различных субъектов [Boehmke et al., 2020], и их недостаточная эмпирическая изученность [Desmarais, Harden, Boehmke, 2015].

Концепция диффузионных сетей возникла в результате междисциплинарного взаимопроникновения диффузионизма и сетевого подхода. Диффузионные сети – это сети свободного взаимодействия сетевых сообществ профессионалов, политиков, управленцев, ученых, консультантов, иных объединений сетевых пользователей [Desmarais, Harden, Boehmke, 2015]. Ключевое отличие данного вида сетей заключается в свободном, диффузионном характере коммуникации между акторами, политический характер диффузионным процессам придают политические инновации как объект заимствования, научения, подражания, свободно распространяе-

мые по каналам сетевой коммуникации. Понятие «диффузионных сетей» распространения политики или политических фреймов [Gilardi, Shipan, Wüest, 2016] отражено в работах таких авторов, как Б. Десмарайс, Д. Харден, Ф.Дж. Бемке, Ф. Жиларди, Ч. Шипан и Б. Вуэст, Г. Боуши.

В дискуссии по проблемам диффузионных сетей можно выделить несколько направлений, во-первых, определение сетевых акторов, способных повлиять на динамику диффузионной сети, во-вторых, описание индикаторов распространения в ней новаций (скорости, времени), в-третьих, выявление социальных факторов влияния на диффузионные сетевые процессы.

Акторами, способными повлиять на свободное диффузионное движение, называют политическую власть, сетевые сообщества, социальные (новые) медиа. Д. Пек и Н. Теодор обосновали еще один принципиально важный тезис, разделяемый сторонниками технократической модели диффузии: «Сама сеть становится площадкой для разработки политики и инноваций, а не просто механизмом для “отправки” заранее сформированных политических идеалов и инструментов» [Peck, Theodore, 2015]. Мнению ряда авторов о том, что именно сеть определяет, насколько быстро распространяются инновации [Valente, 1996] и оказывает влияние на участников коммуникации в процессе диффузии [Maggetti, 2014], противостоит более умеренный взгляд на сеть лишь как на элемент сетевой коммуникации [Plesner, 2009]. К инструментам, позволяющим сеть Интернет рассматривать как самостоятельного актора, относят «организационные соединители (веб-ссылки), координацию событий (календари событий), обмен информацией (YouTube и Facebook) и многофункциональные сетевые платформы, в которые встраиваются другие сети (например, ссылки в сообщениях Twitter и Facebook)» [Bennett, Segerberg, 2012].

В качестве индикаторов распространения новаций чаще всего рассматриваются скорость и время. Для измерения скорости диффузии используются различные каскадные концепции распространения, в частности, методология бинарных диффузионных каскадов построения вероятностной модели распространения заимствований через диффузионную сеть по годам [Desmarais, Harden, Boehmke, 2015], теория точечного равновесия с использованием модели диффузии Басса [Boushey, 2012]. Диффузионные процессы моделируются и как дискретные сети непрерывных временных процес-

сов, происходящих с разной скоростью, что позволяет определить границы диффузионных сетей и оценить скорость каскадной передачи [Rodriguez, Balduzzi, Schölkopf, 2011], учитывается также фактор масштаба диффузионных сетей, доказано его влияние на процессы сетевой динамики [Gilardi, Shipan, Wüest, 2018].

Социальные факторы, влияющие на процессы сетевой диффузии, разнообразны, перспективным представляется дополнение исследования «динамики явлений» изучением «динамики отношений», которые включают аффективные или когнитивные состояния [Borgatti et al., 2009]. Не так давно был обнаружен эффект «когнитивных ограничений», обусловленный необходимостью для пользователей прикладывать усилия, чтобы найти информацию или освоить ее большой объем, что может превысить когнитивные способности человека, т.е. способности к восприятию, осмыслению и репрезентации знаний на основе полученной информации и заставляет их прибегать к когнитивной эвристике, т.е. интуитивному, рационально не обоснованному выбору информации. Принято считать, что «понимание роли социальных сетей, когнитивных эвристик и предубеждений в индивидуальном и коллективном поведении остается открытой областью исследований» [Lerman, 2016, p. 21].

Индикатор скорости распространения с точки зрения когнитивного подхода имеет ряд отличительных характеристик, к которым относятся когнитивная ригидность (неспособность изменить картину мира в личном восприятии) и когнитивная неопределенность в отношении получаемой информации от СМИ или от лидеров мнений. Доказано, что когнитивные ограничения влияют на обмен цифровым контентом и на социальное поведение, ограничивая максимальный размер группы и сокращая обратную связь [Nodas, Lerman, 2014]. Политический аспект исследований диффузионных сетей представлен в основном темой политических протестов, пропаганды и мобилизации в предвыборной кампании [Bond et al., 2012]. Установлено, что наиболее влиятельными в распространении политической информации являются не новостные СМИ, а сайты социальных сетей (SNS) и блоги [Kim, Newth, Christen, 2013].

Концепция динамики диффузионных сетей обобщенно может быть сформулирована следующим образом: основной динамической характеристикой политических диффузионных сетей явля-

ется диффузионное, т.е. спонтанное, свободное распространение по ним политики и политической информации. Скорость распространения по диффузионным сетям выступает в качестве индикатора сетевой динамики и является достаточно информативным количественным показателем, применимым в эмпирических исследованиях.

В развитие данной концепции далее предполагается, опираясь на сегмент исследований когнитивных ограничений и используя в качестве основного индикатора скорость распространения информации, исследовать технологии сетевого когнитивного контроля над распространением знаний и информации политического свойства в диффузионных онлайн-сетях.

Диффузионная сетевая динамика: политические практики когнитивного сетевого контроля

Целью эмпирической части исследования является апробация теоретических положений концепции динамики политических диффузионных сетей для понимания возможностей управления процессом политической диффузии посредством когнитивного сетевого контроля, который будет операционализирован в понятие «стратегии когнитивной политической цензуры». Анализу подлежат кейс президентских выборов в Украине 2019 г., а именно практики диджитал-кампаний основных кандидатов на пост президента. Релевантным способом сбора больших данных являются автоматизированные мониторинговые системы, в данном случае были использованы возможности платформ «Медиалогия» (печатные СМИ) и YouScan (сетевые медиа), а визуализировать сетевые связи помогают ресурсы пакетов Gephi и Force Atlas 2.

В настоящее время власти Украины, с точки зрения российских наблюдателей, реализуют открытую цензуру, вводя санкции против нескольких российских медиагрупп и более десятка крупнейших телевизионных и радиокompаний России и Украины¹. Имея государственные ресурсы, это делать достаточно просто, но не

---

¹ Союз журналистов России выразил протест в связи с блокировкой на Украине ряда российских СМИ // РИА Новости. – 25.03.2021. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210325/blokirovka-1602797989.html> (дата посещения: 30.03.2021).

всегда эффективно, пути обхода цензуры в сетях через прокси-серверы хорошо известны. Гораздо интереснее наблюдать за попытками контролировать сетевое пространство политическими игроками, еще не обремененными властью, а находящимися в борьбе за нее. По мнению М. Федорова, руководителя диджитал-кампании В. Зеленского, ныне главы Министерства цифровой трансформации, именно диджитал-технологии помогли В. Зеленскому выиграть выборы за счет создания пула собственных медиа – самого большого Telegram-канала среди политиков, Instagram-сообщества и сетки собственных YouTube-каналов. К достижениям команды, работающей в социальных сетях, можно отнести создание за несколько месяцев в Интернете сетевого сообщества волонтеров «Зе! диджитал» численностью 600 тыс. человек, которые были мобилизованы через Telegram, Facebook и Instagram.

Эмпирический материал для данного исследования был собран в процессе работы над проектом по проблемам когнитивной политической цензуры как эффекта «новых медиа», в основу которого была положена концепция когнитивной политической цензуры С.П. Поцелуева, согласно которой «блокировка доступа к нежелательной информации (идеям) осуществляется через блокировку не текстов, а когнитивных способностей, позволяющих эти тексты воспринимать и осмысливать» [Potseluev, Konstantinov, Podshibyakina, 2020]. В результате им было выявлено три основные стратегии когнитивной политической цензуры: отвлечение, фальсификация, абсурдизация. В развитие этой идеи будет проведен сетевой анализ их применения в практике управления диффузионными процессами.

Стратегия отвлечения внимания. Следует различать обычные медийные технологии, применяемые в ходе избирательной кампании, направленные на поддержание определенного имиджа кандидата, и стратегии политической цензуры. С точки зрения темпорального критерия первые могут быть растянуты во времени, в отличие от вторых, которые всегда применяются целенаправленно и привязаны к времени цензурируемого события (рис. 1). Пример – коррупционный скандал в «Укроборонпроме», о котором было известно давно, но тема была брошена командой М. Федорова в качестве инфоповода только 26 февраля 2019 г.: 1331 публикация на пике.

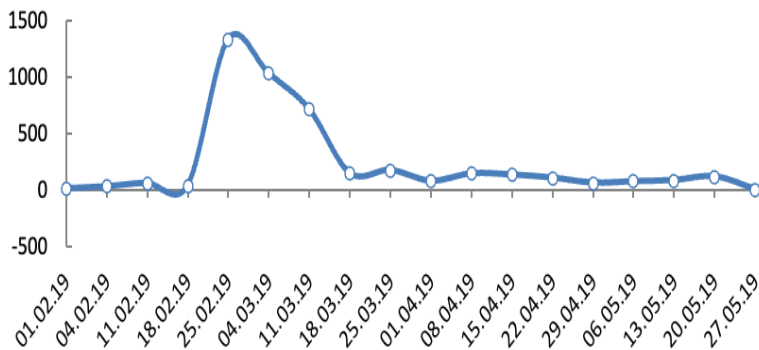

Рис. 1.

Коррупция в «Укроборонпроме» (YouScan, социальные медиа)

Стратегия фальсификации. Со слов М. Федорова известно, что «команда Зе» не использовала боты и фейки. Против В. Зеленского работало, по неподтвержденной информации, три фабрики ботов на территории Украины, Турции и России, для борьбы с производимыми ими фейками и вырабатывались стратегии цензуры как ответ на фейковую кампанию Порошенко. Сетевая атака диджитал-команды В. Зеленского (рис. 2) начала реализовываться 1 апреля 2019 г., она была задумана как стратегия нейтрализации негативной информации, накопленной против В. Зеленского накануне второго тура. Скорость распространения информации, разгоняемой армией интернет-волонтеров, была стремительной, активный интерес к острой теме удерживался до середины апреля (39 284 публикации).

Стратегия абсурдизации. С самого начала выборов в рамках стандартных технологий «встречи с избирателями» В. Зеленскому начали предъявляться обвинения в наркомании, кампания набирала обороты по мере приближения второго тура, нужен был какой-то нестандартный ход для нейтрализации этой информации. И В. Зеленский, фактически обвинив Порошенко в употреблении наркотиков, предлагает ему пройти медицинскую экспертизу. Обвинение было нелепым, ранее в информационном пространстве подобной информации не обнаруживалось ни на уровне слухов и сплетен, ни на уровне политических дебатов. Интерес к этой теме продержался в СМИ три дня, дос-

тигнув пика почти в 2500 публикаций, и все же не сравним с волной более чем в 100 тыс. публикаций в онлайн-сетях, продолжавшейся до середины апреля (рис. 3). Визуализация сетевой активности позволяет наглядно представить ее динамику по датам (рис. 4), распределение по географическим кластерам (рис. 5) и тональности (рис. 6).

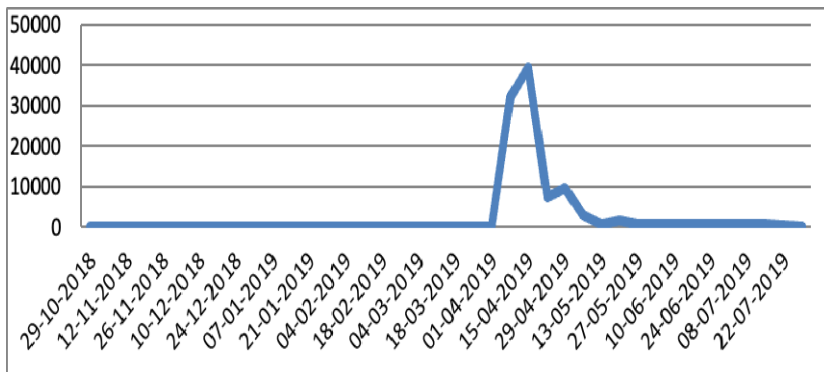

Рис. 2.

**«Библиотека черного пиара им. П.А. Порошенко»
(YouScan, социальные медиа)**

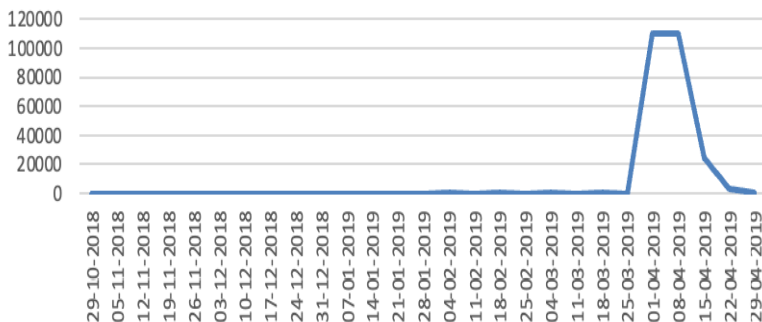

Рис. 3.

**Требование В. Зеленского к П. Порошенко пройти
медицинскую экспертизу (YouScan, социальные медиа)**

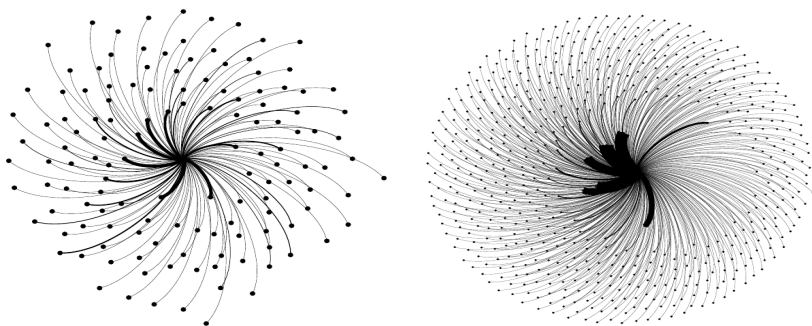

Рис. 4.
Динамика (1 и 5 апреля)

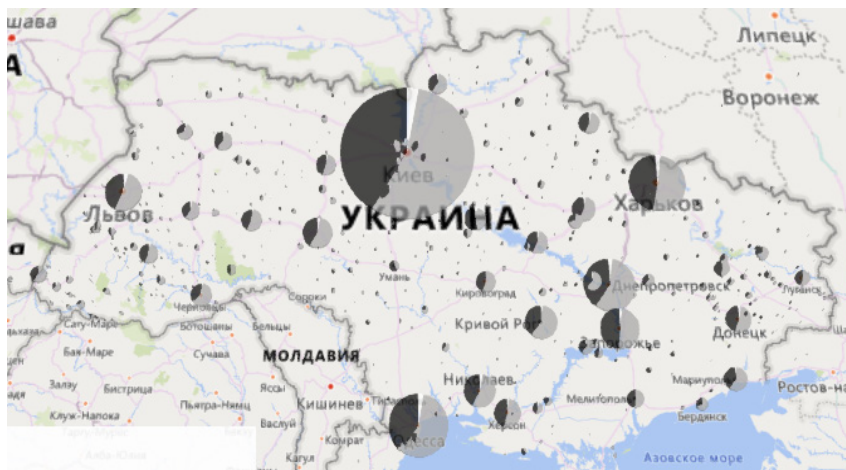

Рис. 5.
Географические кластеры (5 апреля)

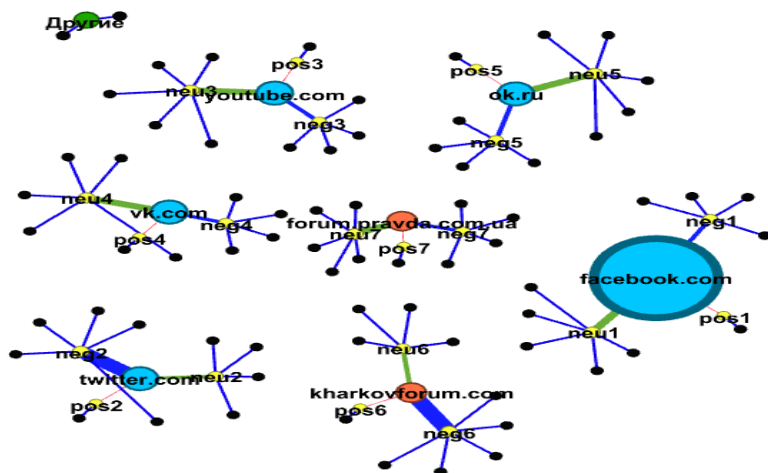

Рис. 6.
Тональность публикаций (5 апреля 2019 г.)¹

¹ Вершины: в социальных сетях (голубые), на форумах (оранжевые). Ребра: негативные (синие), позитивные (красные), нейтральные (зеленые).

Свободное диффузионное движение в сетях. Иллюстрацией свободного процесса в онлайн-сетях может служить обсуждение темы пожара в Доме профсоюзов в Одессе в 2014 г. в период выборов. На графике (рис. 7) видно, что эту трагедию не забыли, однако всплеск интереса к ней приходится не на начало мая, дату годовщины события, а на начало апреля – канун второго тура выборов, и дату начала скандала вокруг «Укроборонпрома» – 26 февраля 2019 г. Никто из политических оппонентов не разыгрывал эту карту хотя бы потому, что саму трагедию не связывают с именем Порошенко, «возмущение» социальных сетей, спровоцированное данным инфоповодом, видимо, было направлено против официальной власти как таковой. Активность по источникам распределяется так: facebook.com 11896, ok.ru 719, vk.com 476, twitter.com 70, livejournal.com 54, youtube.com 40, blogspot.com 31, другие 846.

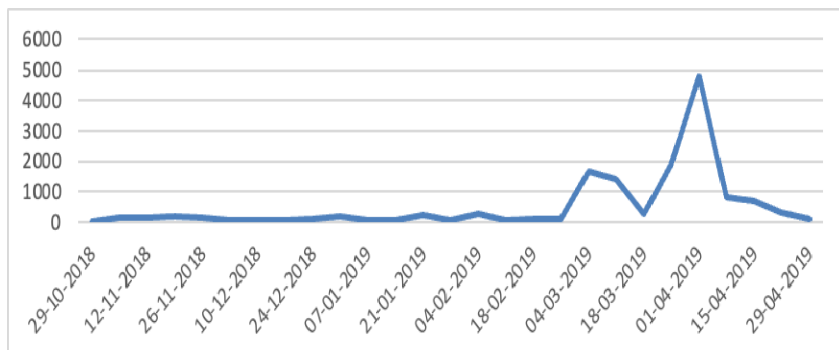

Рис. 7.

Одесса. Дом профсоюзов (YouScan, 2 мая 2014 г.)

Заключение

Когнитивный сетевой контроль – это стратегическое воздействие политических акторов на коммуникативные каналы распространения знаний и информации, а также оказание влияния на когнитивные возможности их репрезентации в диффузионных сетях. Функции когнитивного контроля могут реализовываться не только действующей властью, но и оппозиционными политическими игроками в диджитал-кампаниях в онлайн-сетях. Когнитивный сетевой контроль над распространением знаний и информации в сетях диффузионного типа, в данном случае в онлайн-сетях, в значительной степени определяет характер сетевой динамики. Замедление скорости распространения процессов в диффузионных сетях указывает на наличие искусственно создаваемых препятствий со стороны политических акторов, а ускорение свидетельствует о применении стратегий влияния с их стороны. Скорость распространения политической информации, рассматриваемая в качестве индикатора, позволяет обнаружить и зафиксировать применение приемов когнитивного контроля, что подтверждается данными сетевого анализа и контент-анализа социальных медиа. Анализ практического кейса позволил описать стратегии, используемые политическими акторами для реализации когнитивного контроля, базирующиеся на использовании эффекта когнитивных ограниче-

ний распространения знаний и информации в онлайн-сетях. Технологии управления процессом политической диффузии в онлайн-сетях заключаются в создании искусственных препятствий или искусственных стимулов для свободных диффузионных процессов.

Т.А. Podshibyakina*

Diffusion networks: dynamic aspects of network theory and practice¹

Abstract. Comparative analysis revealed insufficient representation of the theories of network dynamics in comparison with the theories of network statics, with the exception of the “strategic relational theory of network dynamics” by K. Hay and D. Richards, the actor-network theory of B. Latour and the theory of stochastic processes, on the basis of which most models of network dynamics are built. In comparison with the relational and stochastic approaches, the diffusion direction describing the corresponding type of networks is less represented in the publications.

The object of this study is diffusion networks, considered as a communicative element of the process of policy diffusion, that is, a channel for policy dissemination from one policy subject to another. The subject of the study is the political practices of cognitive control in diffusion networks. The methodological basis was the concept of the dynamics of diffusion networks, which allows us to describe the effects of “cognitive limitations” that arise in the Internet. In the development of this topic, it is planned to continue the research in the direction of identifying technologies of cognitive control in diffusion networks based on the manipulation of the cognitive abilities of participants in network relations.

The empirical part of the study is aimed at testing the theoretical provisions of the concept of the dynamics of diffusion networks on the example of the practices of network control in the form of political cognitive censorship in the course of digital campaigns. To substantiate the conclusions, we use the big data analysis carried out by monitoring the online network space using the resources of the “Medialogia” and “YouScan” systems. The result was the conceptualization of the concept of “cognitive network control” in relation to diffusion networks, the description of the main dynamic indicator – the speed of dissemination of political information in network communities, and the identification of technologies for cognitive strategic influence in digital practices.

Keywords: political diffusion; diffusive political networks; new media; cognitive network control; cognitive political censorship; dynamics.

---

* Podshibyakina Tatyana, Southern federal university (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: tan5@bk.ru

¹ The article was prepared as part of a project supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research 19-011-31284 “Strategies of cognitive political censorship as an effect of “new media”: the Ukrainian case in comparative perspective”.

For citation: Podshibyakina T.A. Diffusion political networks: dynamic aspects of network theory and practice. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 117–134. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.05>

References

- Bartels K., Turnbull N. Relational public administration: a synthesis and heuristic classification of relational approaches. *Public management review*. 2020, Vol. 22, N 9, P. 1324–1346. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1632921>
- Boehmke F.J. Brockway M., Desmarais B.A., Harden J.J., LaCombe S., Linder F., Wallach H. SPID: A new database for inferring public policy innovativeness and diffusion networks. *Policy studies journal*. 2020, Vol. 48, N 2, P. 517–545. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12357>
- Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action: digital media and the personalization of contentious politics. *Information, communication & society*. 2012, Vol. 15, N 5, P. 739–768. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>
- Bond R., Fariss C., Jones J., Kramer A., Marlow C., Settle J., Fowler J. A 61-million-person experiment in social influence and political mobilization. *Nature*. 2012, Vol. 489, P. 295–298. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature11421>
- Borgatti S.P., Mehra A., Brass D.J., Labianca G. Network analysis in the social sciences. *Science*. 2009, Vol. 323, N 5916, P. 892–895. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1165821>
- Boushey G. Punctuated equilibrium theory and the diffusion of innovations. *Policy studies journal*. 2012, Vol. 40, N 1, P. 127–146. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2011.00437.x>
- Cannarella J., Spechler J.A. *Epidemiological modeling of online social network dynamics*. arXiv preprint arXiv:1401.4208. 2014. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1401.4208> (accessed: 02.07.2021)
- Castells M. *The rise of the network society*. Oxford : Blackwell publishers, 1996, 656 p.
- Desmarais B.A., Harden J.J., Boehmke F.J. Persistent policy pathways: inferring diffusion networks in the American states. *American political science review*. 2015, Vol. 109, N 2, P. 392–406. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055415000040>
- Gilardi F., Shipan C.R., Wüst B. *Policy diffusion: the issue-definition stage*. University of Zurich and University of Michigan, 2018. Mode of access: <https://fabriziogilardi.org/resources/papers/policy-diffusion-issue-definition.pdf> (accessed: 28.07.2020)
- Gilardi F., Shipan C.R., Wüst B. *The diffusion of policy frames: evidence from a structural topic model*. *American political science association. Annual meeting, Philadelphia, 1 September 2016–4 September 2016*. 2016. Mode of access: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/143864/> (accessed: 28.08.2020).
- Greenan C.C. Diffusion of innovations in dynamic networks. *Journal of the Royal statistical society. Series A (statistics in society)*. 2015, Vol. 178, N 1, P. 147–166. DOI: <https://doi.org/10.1111/rssa.12054>

- Hay C., Richards D. The tangled web of Westminster and Whitehall: the discourse, strategy and practice of networking within the British core executive. *Public administration*. 2000, Vol. 78, N 1, P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00190>
- Hodas N., Lerman K. The simple rules of social contagion. *Scientific reports*. 2014, Vol. 4, N 4343. DOI: <https://doi.org/10.1038/srep04343>
- Holland P.W., Leinhardt S. A dynamic model for social networks. *Journal of mathematical sociology*. 1977, Vol. 5, N 1, P. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/0022250x.1977.9989862>
- Ivanov D.V. New approach to assessment of social development. *Sociological studies*. 2021, N 1, P. 50–62. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010462-1> (In Russ.)
- Jack S.L. The role, use and activation of strong and weak network ties: a qualitative analysis. *Journal of management studies*. 2005, Vol. 42, N 6, P. 1233–1259. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2005.00540.x>
- Jiang C., Chen Y., Liu K.J.R. Evolutionary dynamics of information diffusion over social networks. *IEEE transactions on signal processing*. 2014, Vol. 62, N 17, P. 4573–4586. DOI: <https://doi.org/10.1109/tsp.2014.2339799>
- Kim M., Newth D., Christen P. Modeling dynamics of diffusion across heterogeneous social networks: news diffusion in social media. *Entropy*. 2013, Vol. 15, N 10, P. 4215–4242. DOI: <https://doi.org/10.3390/e15104215>
- Lane D.C. Should system dynamics be described as a ‘hard’ or ‘deterministic’ systems approach? *Systems research and behavioral science: the official journal of the international federation for systems research*. 2000, Vol. 17, N 1, P. 3–22. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1099-1743\(200001/02\)17:1%3C3::aid-sres344%3E3.0.co;2-7](https://doi.org/10.1002/(sici)1099-1743(200001/02)17:1%3C3::aid-sres344%3E3.0.co;2-7)
- Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. *Clarendon lectures in management studies*. New York : Oxford university press, 2005, 301 p.
- Lerman K. Information is not a virus, and other consequences of human cognitive limits. *Future Internet*. 2016, Vol. 8, N 2, P. 21. DOI: <https://doi.org/10.3390/fi8020021>
- Luo S., Du Y., Liu P., Xuan Z., Wang Y. A study on coevolutionary dynamics of knowledge diffusion and social network structure. *Expert systems with applications*. 2015, Vol. 42, N 7, P. 3619–3633. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2014.12.038>
- Lupeng Z., Chen W. How do innovation network structures affect knowledge sharing? A simulation analysis of complex networks. *Complexity*. 2021, Vol. 21, P. 17. DOI: <https://doi.org/10.1155/2021/5107630>
- Maggetti M. The rewards of cooperation: the effects of membership in European regulatory networks. *European journal of political research*. 2014, Vol. 53, N 3, P. 480–499. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12042>
- Netelenbos B. Bringing back Max Weber into network governance research. *Critical policy studies*. 2020, Vol. 14, N 1, P. 67–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/19460171.2018.1523738>
- Peck J., Theodore N. *Fast policy: experimental statecraft at the thresholds of neoliberalism*. U.S.: University of Minnesota press, 2015. Mode of access: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/UWSAU/detail.action?docID=205050> (accessed: 28.08.2020)

- Plesner U. An actor-network perspective on changing work practices: Communication technologies as actants in newswork. *Journalism*. 2009, Vol. 10, N 5, P. 604–626. DOI: <https://doi.org/10.1177/1464884909106535>
- Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of cognitive political censorship as an effect «new media». *Dilemas contemporaneas: educacion, politica y valores*. 2020, Vol. 7, N 2, P. 91. DOI: <https://doi.org/10.46377/dilemas.v33i1.2186>
- Rodriguez M.G., Balduzzi D., Schölkopf B. Uncovering the temporal dynamics of diffusion networks. *arXiv preprint arXiv:1105.0697*. 2011. Mode of access: <https://arxiv.org/abs/1105.0697> (accessed: 02.07.2021)
- Schaefer, D.R., Marcum, C.S. Modeling network dynamics. In: *The Oxford handbook of social networks*. 2017, P. 254–287.
- Shields R. Flow as a new paradigm. *Space and culture*. 1997, Vol. 1, N 1, P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1177/120633129700100101>
- Snijders T.A.B. Stochastic actor-oriented models for network dynamics. *Annual review of statistics and its application*. 2017, Vol. 4, P. 343–363. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-statistics-060116-054035>
- Smorgunov L.V. Network theory of politics and management. In: Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds). *Modern political theory. Methodology*. Moscow : Aspect Press, 2017, P. 233–261. (In Russ.)
- Suitor J.J., Wellman B., Morgan D.L. It's about time: how, why, and when networks change. *Social networks*. 1997, Vol. 19, N 1, P. 1–7. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0378-8733\(96\)00287-0](https://doi.org/10.1016/s0378-8733(96)00287-0)
- Valente T.W. Network models of the diffusion of innovations. *Computational and mathematical organization theory*. 1996, Vol. 2, N 2, P. 163–164. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf00240425>

Литература на русском языке

- Иванов Д.В. Новый подход к оценке социального развития // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 50–62. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250010462-1>
- Сморгунов Л.В. Сетевая теория политики и управления // Современная политическая теория. Методология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 233–261.

КОНТЕКСТ

**Н.А. РЯБЧЕНКО, А.А. ГНЕДАШ,
О.П. МАЛЫШЕВА, В.В. КАТЕРМИНА***

**УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ КОНТЕНТОМ
В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ
ГОСУДАРСТВ: КАК TWITTER НЕ ПОЗВОЛИЛ
Д. ТРАМПУ ВЫИГРАТЬ ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ
в 2020 г.?¹**

Аннотация. Сетевое общество пронизано процессами, порождаемыми в многочисленных горизонтальных структурах публичной сферы в онлайн-пространстве. Авторами было проведено эмпирическое исследование посредст-

---

* **Рябченко Наталья Анатольевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: ptnatali@mail.ru; **Гнедаш Анна Александровна**, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: anna_gnedash@inbox.ru; **Малышева Ольга Петровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: malisheva_83@mail.ru; **Катермина Вероника Викторовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: katermina_v@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20–012–00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022).

© Рябченко Н.А., Гнедаш А.А.,

Малышева О.П., Катермина В.В., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.06

вом инструментария сетевого анализа и визуализации полученных данных в виде социальных графов для того, чтобы понять, почему Д. Трамп, используя стратегию политической коммуникации в Twitter, позволившую ему выиграть в 2016 г., проиграл президентскую гонку в 2020 г. Кто и каким образом трансформировал политический контент, создаваемый командой Д. Трампа; кто стал инфлюенсером, разрушившим и изменившим дискурсивное поле, создаваемое в поддержку избрания Д. Трампа на второй срок? Эмпирическими данными (сплошная выборка сетевых данных составила 2 млн сообщений) для построения и анализа дискурсивных полей стали сообщения, публикуемые пользователями, сторонниками, противниками и командой Д. Трампа в социальной сети Twitter за период с 1 марта по 30 октября 2020 г. Проведенное исследование показало, что вторая предвыборная кампания Д. Трампа в 2020 г. также была основана на сетевом популизме, однако «негативный информационный фон» (пандемия COVID-19, движение Black Lives Matter / «Жизни черных важны») расщепил формируемые командой и сторонниками Д. Трампа дискурсивные поля, что в итоге привело к его блокировке в онлайн-пространстве и стало одной из причин проигрыша на выборах. Технологии первой предвыборной кампании Д. Трампа, приведшие его к посту президента США, фактически стали оружием в руках его оппонентов во второй предвыборной кампании.

Ключевые слова: политический контент; сетевой подход; онлайн-пространство; сетевые данные; Twitter; Д. Трамп; выборы в США; предвыборная кампания; проект Линкольна.

Для цитирования: Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г. / Н.А. Рябченко, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева, В.В. Катермина // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 135–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>

Введение, актуальность и постановка исследовательских вопросов

Исследование современных социально-политических явлений невозможно проводить без анализа процессов, протекающих онлайн, и без понимания степени взаимовлияния офлайн-пространства и онлайн-пространства. Предвыборная кампания Дональда Трампа на пост президента США в 2016 г. заставила аналитиков, политтехнологов, журналистов, политиков, гражданских активистов пересмотреть свое отношение к сетевым технологиям, развивающимся в онлайн-пространстве, и заново оценить уровень их влияния на социально-политические системы в мире [Smith, Hanley, 2018; Tracey, 2017]. В этот период Д. Трамп использовал Интернет (и особенно социальные сети Twitter и Facebook) в качестве основных коммуникативных

площадок с избирателями. В отличие от событий «арабской весны» и «революции зонтиков»¹, именно онлайн-пространство в 2016 г. стало основным полем реализации политических практик, а не просто элементом (и каналом) коммуникации участников политических акций. Первая предвыборная кампания Д. Трампа показала, что возможно накапливать политический капитал в онлайн-пространстве и конвертировать его в офлайн-пространство (преимущество онлайн становится преимуществом офлайн).

Коммуникационная стратегия Д. Трампа на этапе предвыборной кампании в 2016 г. сводилась к игнорированию классических каналов коммуникации (например, телевидения) и использованию коммуникационных алгоритмов социальных сетей. Применение этих алгоритмов заключалось в том, что политик делал различные неординарные заявления на спорные темы, тем самым обеспечивая себе топовые позиции в поисковой выдаче новостных лент социальных сетей. Это позволило ему избежать прямого взаимодействия с представителями классической журналистики² и сохранить за собой инициативу создания информационных поводов [Lacatus, 2020; Рябченко, Малышева, Гнедаш, 2019]. В сложившейся ситуации традиционным СМИ оставалось только реагировать на заявления политика без возможности задавать вопросы³. В 2016 г., по данным аналитического агентства Gallup, уровень доверия к прессе в США упал до критического минимума в 32%; также в своих исследованиях Gallup одной из причин падения доверия к традиционным СМИ называет предвыборную кампанию Д. Трампа в онлайн-пространстве⁴.

---

¹ Hong Kong 'umbrella movement' marks first anniversary and vows to fight on // The Guardian. – 28.09.2015. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/28/hong-kong-umbrella-movement-first-anniversary-democracy> (accessed: 09.05.2021).

² Did social media ruin election 2016? // NPR. – 8.11.2016. – Mode of access: <https://www.npr.org/2016/11/08/500686320/did-social-media-ruin-election-2016> (accessed: 09.05.2021).

³ Here's how Facebook actually won Trump the presidency // Wired. – 15.11.2016. – Mode of access: <https://www.wired.com/2016/11/facebook-won-trump-election-not-just-fake-news/> (accessed: 09.05.2021).

⁴ Americans' trust in mass media sinks to new low // Gallup. – 14.09.2016. – Mode of access: <https://news.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx> (accessed: 09.05.2021).

Современная действительность, обусловившая появление новых дискурсивных стратегий, моделей и приемов оперирования языком, в том числе для манипулирования информацией с целью достижения прогнозируемых результатов, позволила выйти огромному количеству дискурсов, среди которых и политический, в онлайн-пространство. Технологические возможности интернет-пространства расширили возможности пользователей в плане создания многослойного / многопланового / многокомпонентного контента – мультимодального контента. Мультимодальный контент, или поликодовый текст, представляет собой комбинацию собственно текста и аудио, видео, эмодзи, фото, GIF. За счет усиленной образности прагматический потенциал влияния такого контента гораздо выше тестовой или аудиовизуальной информации, размещаемой в книгах или печатных СМИ, на радио или телевидении, взятых отдельно друг от друга, так как поликодовое сообщение может апеллировать к разнообразному опыту и ценностным установкам. В такой смысловой многослойности заключается ценность мультимодального контента – каждый пользователь интерпретирует его в пределах заложенной концептосферы, однако согласно своему опыту и особенностям восприятия. Более того, одно и то же сообщение в социальных сетях (в отличие, например, от ТВ, радио и прессы) помимо заложенного смыслового концепта наделяется персонализированным механизмом доставки, что позволяет при наличии достаточно развитой системы управления контентом вести диалог в режиме реального времени с каждым пользователем Интернета так, словно это дружеская беседа единомышленников. В результате грамотно спланированной системы управления политическим контентом кандидату в президенты Д. Трампу удалось доставить контент каждому потенциальному избирателю практически персонально [Соловей, 2017; Enli, 2017]. При этом за счет мультимодальности контента и персонализированности его доставки каждый потенциальный избиратель получал тот контент, который он искал, и тот контент, который его интересовал. Продуцируемый контент был не только разноплановым по содержанию¹ и зачастую носил откровенно популистский характер [Lacatus, 2020], но и оказывался по-разному эмоционально окрашен.

---

¹ Donald Trump: How the media created the president // BBC News. – 14.11.2016. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-37952249> (accessed: 30.04.2021).

Сетевое общество пронизано процессами, порождаемыми в многочисленных горизонтальных структурах публичной сферы в онлайн-пространстве. Эти процессы приводят к трансформациям социально-политических систем, и являясь глобальными маркерами изменений, затрагивают абсолютно все сферы жизнедеятельности человека вне зависимости от географического местоположения и социального статуса. В связи с этим возникает несколько исследовательских вопросов: почему, используя уже доказавшую свою эффективность стратегию политической коммуникации с пользователями в социальных сетях, команда Д. Трампа потеряла контроль над создаваемым политическим контентом? Кто стал тем инфлюенсером, чей контент разрушил и трансформировал асинхронное дискурсивное поле, формируемое командой Д. Трампа в социальной сети Twitter? Каким образом и за счет каких тактик произошло смещение мнений и настроений пользователей Twitter (как части сетевого электората) от поддержки в сторону порицания и критики действующего президента США и кандидата Д. Трампа в 2020 г.?

Теоретический обзор исследований онлайн-пространства, социальных сетей и политического дискурса

Основой научных исследований в области формирования и развития сетевых аспектов онлайн-пространства стали, прежде всего, социально-философские теории зарубежных специалистов: Д. Белла, М. Кастельса, Э. Тоффлера и др. Большинство авторов отмечают, что информационная сфера становится не просто локальным сегментом общественной жизни, а материей, пронизывающей все социально-политическое пространство, при этом информация становится важнейшим ресурсом власти и управления. Ведущий социолог М. Кастельс рассматривает развитие онлайн социальных сетей и публичной сферы в качестве основного потенциала трансформации социальных движений [Castells, Cardoso, 2005].

С появлением Интернета сетевые коммуникации стали объектом внимания исследователей по всему миру: Д. Граббер, Р. Девис, Р. Дейберт, С. Каннингэм, Д. Мервин, Б. Ньюмен, В. Нойман, А. Портер, О. Яррен в своих работах описывают различные аспекты сетевой коммуникации. Исследование и политоло-

гический анализ онлайн-пространства как поля публичной политики как в глобальных, так и в национальных контекстах являются формирующимся научным направлением, обладающим несомненным эвристическим и онтологическим потенциалом. С каждым годом все большее распространение получают исследования, связанные с анализом возможностей онлайн-пространства для развития публичной сферы [Mützel, 2009; Breiger, 2004; Рябченко, 2016].

К настоящему времени среди политологического сообщества (как зарубежных, так и российских исследователей) сложился устойчивый интерес к проблематике сетевых исследований в рамках взаимодействия бизнеса, образования и науки, общественных сетей в обществе знаний, сетевых структур в публичном управлении и публичной политике и т.д. [Управление публичной политикой..., 2015; Сморгунов, 2001; Градосельская, 1999; Шерстобитов, 2013; Модели и практики управления политическим контентом..., 2020]. Любой процесс в онлайн-пространстве потенциально может нести как конструктивную, так и деструктивную составляющую по отношению к общим тенденциям развития общества и его культурно-ценностным установкам [Соколов, Веревкин, 2012; Морозова, Мирошниченко, 2010; Гнедаш, Рябченко, 2014].

В первом приближении исследования политического контента связаны с лингвистическим поворотом в науке и теорией дискурса, в том числе политического дискурса. В широком понимании вся совокупность коммуникативных практик в политическом контексте представляет собой политический дискурс, и определение политического дискурса может охватывать вопросы власти, конфликта, контроля или доминирования [Ryabchenko, Katermina, Malysheva, 2019]. Исследования дискурса (Р.Т. Лакофф, С. МакКоннелл-Джин, Р. Водак, П. Дж. Джи, Н. Ферклоу, М. Мейер) являются сравнительно давними, дискуссионными по своей природе и связаны с постмодернистским поворотом в науке. Среди многообразия интерпретаций и подходов к изучению дискурса нет ни одного единственно «верного», что обусловлено выбранными исследовательской концепцией и объектом, а также субъективной позицией исследователя. Многие исследователи [Карасик, 2018; Ворошилова, 2006; Региональный политический дискурс..., 2019] полагают, что язык, общество, политическое мышление, политическое действие и языковая форма находятся в тесном единстве, тем самым признавая политический дискурс объектом междисципли-

плинарных исследований. Изучением политического дискурса занимались политологи, психологи (А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия), философы (Э. Тоффлер, М. Фуко), социологи (А.Г. Здравомыслов, С.Г. Кара-Мурза), экономисты, специалисты по теории коммуникации, лингвисты (А.Н. Баранов, А.В. Олянич, П. Экерт, Т.А. Харлей, С. МакКоннелл-Джин, Р.Дж. Уоттс). Интерес к исследованиям политического дискурса обусловлен как потребностями лингвистической и политологической теории, так и социальным заказом: отсутствием предсказывающих моделей и методов анализа политических текстов и текстов СМИ для мониторинга изменений в сфере общественного сознания, а также попытками освободить политическую коммуникацию от манипулятивных особенностей. Политический дискурс позволяет оказывать желательное влияние на аудиторию и достигать определенных политических целей [Политический контент социальных движений..., 2018].

Интерес к изучению политического дискурса привел к появлению нового направления в языкознании – политической лингвистики. Исследование политического текста представляет собой сложную, но интересную проблему, поскольку благодаря злободневности и изменчивости политической ситуации язык политики весьма динамичен [Рябченко, Малышева, 2020; Образы государств..., 2008; van Dijk, 1997]. По мнению Е.И. Шейгал, политическая лингвистика носит междисциплинарный характер, поскольку в ней интегрируются достижения таких наук, как лингвистика текста, социолингвистика, стилистика, психология, риторика [Шейгал, 2000].

Политический дискурс является статусно-ориентированным (институциональным) видом коммуникации в том смысле, что, когда мы говорим или пишем, мы позиционируем себя как определенную личность в определенных обстоятельствах, вовлеченную в определенный вид деятельности. Он может быть обозначен как определенный вид институциональной коммуникации, осуществляемой в ситуации, ограниченной сферой политического, имеющий прагматическо-лингвистические особенности, свой метаязык, вербальные и психологические механизмы воздействия и единые цели, доминирующей из которых является манипуляция сознанием масс, стратегически важных для лиц, осуществляющих направленное воздействие [Шестопал, 2007; Йоргенсен, Филлипс, 2004]. Поскольку контроль над политическим дискурсом является залогом контроля над обществом, манипуляция сознанием, осуществляе-

мая в рамках сферы политического, включается в область политического дискурса и является одним из его видов. Общественное предназначение политического дискурса как институционального (общественно ориентированного) вида коммуникации – оказание направленного суггестивного действия на аудиторию, манипуляция общественным мнением [Трахтенберг, 2006].

Горизонтальный характер взаимоотношений в информационном обществе и формирование сетевых коммуникаций, благодаря развитию социальных платформ Интернета, позволяют трансформировать пространство политического дискурса, видоизменяя его концептосферу, терминологию и формат взаимодействий участников дискурса в дискурсивном пространстве [Касаткин, Романенко, 2019]. Важно понимать, что учет особенностей функционирования «технологичного» политического дискурса является залогом успешного функционирования в социальной и политической сферах.

Современные работы зарубежных авторов посвящены исследованиям социальных сетей и анализу политического дискурса в контексте избирательных кампаний, в первую очередь на примере предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г. и 2020 г. и во вторую – лингводискурсивному анализу его эпатажно-шокирующих постов в Twitter в ходе его президентского срока [Abramowitz, 2018; Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019; Hart, 2020]. Николь Эрнст и соавторы сравнивают популистские коммуникационные стратегии в Twitter и Facebook, используемые широким спектром левых, центральных и правых политических деятелей в шести западных демократиях. Они отмечают, что популизм проявляется в фрагментарном виде и в основном используется политическими субъектами (как правыми, так и левыми) чаще всего на платформе Facebook [Ernst et al., 2017]. Корпусные исследования политического дискурса на материалах предвыборных выступлений Хиллари Клинтон и Дональда Трампа в 2016 г. сквозь исследовательскую оптику сетевой лингвистики проводили О.О. Борискина и соавторы; в результате были выявлены риторические способы воздействия на электоральные группы [Борискина, Шилихина, 2017]. Популизм как дискурсивный нарратив предвыборных кампаний Д. Трампа и Б. Сандерса в 2016 г. исследует Эми Сконачны [Skonieczny, 2018]. Феномен «трампизма» и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику США в цифровую эпоху подробно

исследован как зарубежными [Peterson, 2018], так и российскими авторами [Феномен Трампа, 2020; Соколышник, 2021].

Новейшие методы сетевого анализа политических сообществ в социальных сетях применяют коллективы российских исследователей:

– О.В. Попова и соавторы для исследования идеологических профилей в русскоязычном сегменте интернет-пространства [Попова, Суслов, 2021];

– Е.В. Бродовская и коллеги для выявления дифференциации установок молодежи РФ («идеалисты», «прагматики» и «традиционалисты») в отношении к онлайн-формам политического и гражданского участия в зависимости от типа стратегии профессиональной адаптации [Гражданские и политические онлайн-практики..., 2019];

– Т.Б. Бадмацыренов и др. для изучения того, как участники онлайн-сообществ, принадлежащие к различным политическим идеологиям, формируют в своей интернет-среде устойчивые «эхо-камеры», жестко фильтруя получаемую информацию, замыкаясь и воспроизводя атрибуты только своей политической идеологии и не допуская посторонних [Бадмацыренов, Цыденов, Хандаров, 2021].

Представленные ниже результаты исследования продолжают описанные исследовательские традиции, развивают академическое знание о политическом дискурсе в онлайн-пространстве и его влиянии на поведение человека и групп людей в офлайн, а также отражают собственный вклад в теорию / знание об управлении политическим контентом в онлайн-пространстве современных стран.

Политический контент, асинхронные дискурсивные поля, лингвистические паттерны: теоретико-методологические основания исследования

В большинстве зарубежных исследований, посвященных сетевому анализу, делается упор на исследование либо самих социальных сетей как центров притяжения пользователей, либо на лидеров мнения в этих социальных сетях и, соответственно, исследование политического контента и процессов, продуцируемых ими, определяется выбором социальной сети и / или инфлюенсера (лидера мнения). В представленном исследовании первичен

социально-политический контент и только потом – социальные сети и лидеры мнений, которые его продуцируют и распространяют. Такой подход позволил авторам исследования построить модель формирования политического контента и оценить потенциал его влияния на трансформацию социально-политических процессов как онлайн, так и офлайн. В частности, благодаря такому подходу авторский коллектив проанализировал и разработал модель социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве, применяемой Д. Трампом в ходе предвыборной кампании в 2016 и 2020 гг., объясняющей успех первой предвыборной кампании и неудачу второй кампании. Модель социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве основывалась на анализе политического контента как сетевых данных, генерируемых как самим Д. Трампом, так и его сторонниками и противниками, а также на анализе дискурсивных полей и лингвистических паттернов, продуцирующихся этим контентом. Под сетевыми данными мы понимаем: асинхронные, неструктурированные вербальные (текстовая информация, а также представленная в аудио- и видеоформате речь), и невербальные языковые данные (эмодзи, символы, графики, аудио / звуковой ряд и видео / картинка), которые могут быть организованы по сетевому принципу (и визуализированы в виде социального графа), жизненный цикл которых не контролируется создателем – источником данных; данные, подверженные трансформации и моделированию с конструктивной или деструктивной целью; данные, формирующие дискурсивные поля в онлайн-пространстве [Рябченко, Малышева, 2020].

Политический контент, функционируя в онлайн-пространстве в форме сетевых данных, образует асинхронные дискурсивные поля. Дискурсивное поле – непрерывная информационная среда, имеющая сетевую архитектуру, состоящая из дискретных сообщений, посредством которых взаимодействуют акторы социально-политической сферы. Асинхронность дискурсивного поля обусловлена возможностью извлечения и использования сетевых данных независимо от их хронологической принадлежности. Асинхронное дискурсивное поле включает в себя сеть асинхронных дискурсов¹, вектор развития которых определяется социально-

---

¹ Дискурс – комплексный конструкт и более широкое, по сравнению с другими, например «текст» или «нарратив», понятие. Для дискурса принципи-

политическими акторами (онлайн-пользователями), принимающими участие в дискурсе и прямо или опосредованно влияющими на его развитие [Исследование лингвистической модели..., 2020]. Степень влияния, которое оказывают участники онлайн-коммуникации (акторы интернет-дискурса), определяется их ролью – «лидер мнения», «сенсор», «реализатор», «читатель», «репутационный игрок». Лидеры мнения создают контент; сенсоры, основываясь на доверии, которое они оказывают пользователям, которых считают «лидерами мнения», тиражируют контент, модифицируя и дополняя его, что в конечном счете приводит к искажениям и дезинформации. Реализаторы являются распространителями дискурса, не привносящими личностные оценки. Обычное поведение таких пользователей – это репост. И таким образом, реализаторы вовлекают в определенное дискурсивное поле максимально возможное количество участников. Читатели – пассивные участники дискурса, «конечные потребители» информации, и при этом – основная масса всех участников дискурса и впоследствии социального действия в офлайн. В качестве репутационных игроков в онлайн – сетевых сообществах выступают представители бизнеса и власти. Чаще всего они входят в сетевое сообщество в тот момент, когда популярность сообщества достаточно высока¹.

Характер взаимодействия дискурсов (пересечение, поглощение или слияние) задают вектор развития всего дискурсивного поля, детерминируя возможность пересечения, поглощения или слияния данного поля с другими полями. Дискурсы функционируют в рамках дискурсивного поля посредством определенных спланированных или хаотичных дискурсивных стратегий (позиционирования, кооперации и конфликта и тактик), раскрывающихся посредством реализации тактик (реагирования, аполлогизации, установления авторитета; интеграции, формирования эмоционального настроя;

альным является лингвистический и экстралингвистический контекст. Помимо заложенных смыслов и формы репрезентации (семантика, лексика, синтаксис), дискурс всегда предполагает ответную реакцию получателя (прагматика), т.е. некое взаимодействие с получателем (реципиентом) данного сообщения.

¹ Подробнее о типах пользователей и авторской классификации см.: *Рябенко Н.А., Гнедаш А.А.* Типы пользователей онлайн – социальных сетей: теоретико-методологические основания для классификации // Всероссийская объединенная конференция «Интернет и современное общество». – 2014. – Режим доступа: <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/261/256> (дата посещения: 09.05.2021).

дискредитации и оппозиционирования) [Малышева, 2009]. Дискурсы порождают лингвистические паттерны социально-политического действия, обладающие высоким прагматическим потенциалом¹, вектор реализации которого не зависит от интенций говорящего, так как в силу особенностей сетевых данных сообщение, как и направление дискурса, отправитель сообщения не подлежит контролю. Любой участник дискурса попадает под действие силового поля, что влияет на когнитивный аспект принятия решений – «дискурсивные поля оказывают мощное влияние на организацию потребления тех, кто в них оказался» [Ильин, 2007].

Лингвистический паттерн определяется авторами статьи как многомерный социально-когнитивный конструкт с высоким прагматическим потенциалом, способный вызывать социальное действие конструктивного или деструктивного потенциала; формирующийся в сознании индивида в результате потребления определенного триггерного объекта, которым может являться индивидуальный визуальный, аудиальный, графический, языковой символ, образ или их совокупность, являющийся символьной репрезентацией определенного феномена или события. Дискурсивные поля накапливают в онлайн-пространстве потенциал социального действия. Случайный пользователь, находящийся под воздействием другого дискурсивного поля, потребляя определенный лингвистический паттерн, интерпретирует его в соответствии со своими фоновыми знаниями, концептуально-когнитивными фреймами, схемами и стратегиями принятия решений, может неверно истолковывать, что будет иметь непрогнозируемые деструктивные последствия. При этом сознание пользователя детерминировано силовым полем дискурсивного поля, под воздействием которого он находится. Так, например, в ходе первой предвыборной кампании Д. Трампа было создано дискурсивное поле «Пиццагейт» (Pizza Gate²) с целью дискредитировать кандидата от Демократичес-

---

¹ Прагматический потенциал – способность текста вызывать определенную эмоциональную реакцию у реципиента и побуждать к действиям [Комиссаров, 1990].

² Пиццагейт – теория заговора, согласно которой политическая элита США и, в частности, влиятельные сторонники Х. Клинтон, а также она сама, вовлечены в бизнес по сексуальной эксплуатации детей через пиццерию Comet Ping Pong. Подробные результаты кейс-стади «#alijuppé», «PizzaGate», «FalseRumourOnChildkidnappers» и др. примеров представлены в монографии [Политический контент социальных движений..., 2018].

кой партии Х. Клинтон. Все участники дискурсивного поля «Пиццагейт», получая новый контент, якобы доказывающий связь Х. Клинтон с порочащей ее группой людей, принимали его как основание не голосовать за данного кандидата, поскольку контент не содержал откровенный призыв к активным действиям в защиту детей, а лишь помогал выделить кандидатуру Д. Трампа как кандидата с идеальной репутацией. Однако 28-летний Эдгар Мэддисон Уелч из Северной Каролины, будучи спонтанно включенным в данное дискурсивное поле, был настолько впечатлен фейкньюс, в основном распространяемыми движением All-Right, что открыл огонь в пиццерии Comet Ping Pong в попытке совершить правосудие и освободить удерживаемых там детей.

Дискурсивные поля в онлайн-пространстве, являющиеся асинхронными в силу асинхронного жизненного цикла сетевых данных, порождают лингвистические паттерны, содержащие определенный потенциал социального действия, реализация которого порождает конфликты / проблемы в социально-политической сфере [Политический контент социальных движений..., 2018].

Эмпирическое исследование политического контента в Twitter в период избирательной кампании 2020 г. в США

Наша исследовательская группа в период с 1 марта по 30 октября 2020 г. собрала и сформировала для последующего анализа 3 дата-сета сетевых данных, которые составили эмпирическую базу исследования. Мы выбрали три ключевые точки для анализа хода предвыборной кампании и описания коммуникативной модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве, применяемой Д. Трампом, его сторонниками и противниками. Первая ключевая точка связана с распространением коронавирусной эпидемии в марте 2020 г. – дата-сет «Март 2020». Вторая точка связана с активностью движения Black Lives Matter в июле 2020 г. – дата-сет «Июль 2020». Третья контрольная точка связана с окончанием предвыборной кампании в октябре 2020 г. – дата-сет «Октябрь 2020». Все дата-сеты состоят из сетевых данных, полученных методом сплошной выгрузки сообщений, публикуемых пользователями социальной сети Twitter и содержащих ключевое слово «trump», через программный интерфейс приложения Twitter

(API Twitter) за соответствующие периоды – март, июль и октябрь 2020 г. Выборка сетевых данных составила 2 млн сообщений, представлена в виде cvs-файлов и в gexf-файлов (Graph Exchange XML Format – формат, позволяющий анализировать данные как социальный граф). Сетевые данные, входящие в полученную эмпирическую базу, содержат следующие массивы данных:

- сообщения, публикуемые пользователями указанных сетей;
- динамика ответов (ретвитов) на публикуемые сообщения;
- данные о пользователях, публикующих эти сообщения,

с фиксацией их взаимодействия для анализа их активности как социального графа;

- используемые пользователями хештеги для маркирования и классификации информации в социальных сетях;

- часто употребляемые слова и словосочетания, с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу модели политической коммуникации в отношении Д. Трампа.

Эти эмпирические данные позволили описать модель социально-политической коммуникации как многослойную динамическую сеть, функционирующую в нелинейном пространстве – Интернет. Каждый слой многослойной динамической сети (слой пользователей, слой сообщений, слой часто употребляемых слов, слой хештегов, слой эмодзи) является частью глобального или локального дискурсивного поля и способен сгенерировать новые дискурсивные поля и новые лингвистические паттерны.

На рис. 1 в виде социальных графов представлены результаты анализа слоя «Пользователи» модели социально-политической коммуникации, применяемой Д. Трампом, его сторонниками и противниками в ходе второй предвыборной кампании в трех контрольных точках.

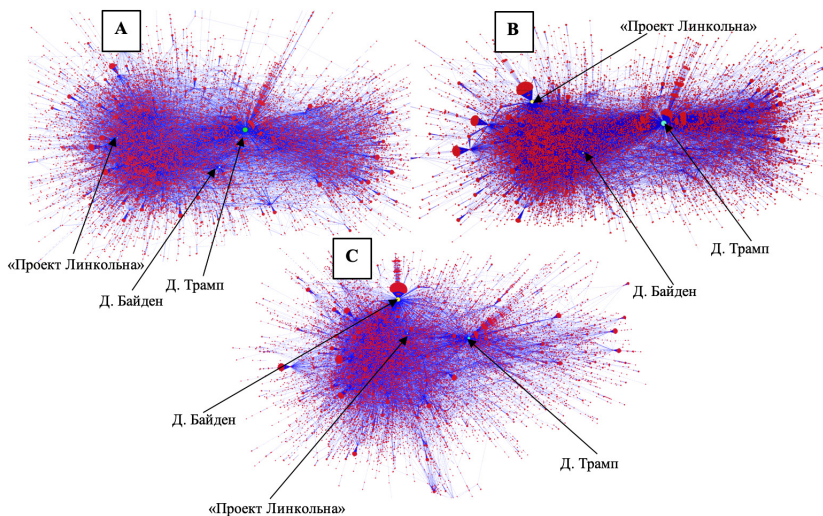

Рис. 1.

**Дискурсивное поле «Д. Трамп»:
слой «Пользователи» – три контрольные точки**

В ходе ведения предвыборной кампании слой «Пользователи» сильно изменялся, правая часть каждого из социальных графов, визуализирующих пользователей, включенных в дискурсивное поле «Д. Трамп», содержит пользователей, поддерживающих Д. Трампа. Левая часть каждого социального графа образована противниками Д. Трампа. В марте (рис. 1, часть А) безусловным лидером мнения¹ в дискурсивном поле «Д. Трамп» является непосредственно сам Д. Трамп (аккаунт @realdonaldtrump, pagerank=0,0272; аккаунт @joe Biden pagerank=0,0042; аккаунт @projectlincoln pagerank=0,000128), однако в июле 2020 г. в этом дискурсивном поле появляется новый лидер – аккаунт @projectlincoln (аккаунт @realdonaldtrump, pagerank=0,0478; аккаунт @joe Biden pagerank=0,0048; аккаунт @projectlincoln pagerank=0,0361),

¹ Лидеры мнения (инфлюенсеры) определялись нами через показатель Page Rank. Page Rank – это способ оценки степени «важности» узла социальной сети или страницы в сети Интернет.

принадлежащий американскому комитету политических действий «Проект Линкольна» (The Lincoln Project)¹.

«Проект Линкольна» был создан в 2019 г. бывшими представителями Республиканской партии США, основная цель работы комитета в 2020 г. состояла в предотвращении переизбрания Д. Трампа. Описывая миссию проекта в своем аккаунте на платформе YouTube, представители «Проекта Линкольна» выделяют две цели: победа над Д. Трампом у урн голосования и борьба с «трампизмом», которая продолжается до сих пор. В апреле 2020 г. комитет заявил о своей поддержке кандидата Д. Байдена в президенты США от Демократической партии². Деятельность «Проекта Линкольна» основывалась на создании и распространении вирусного политического контента. Необходимо отметить, что при распространении создаваемого ими политического контента особо подчеркивался тот факт, что политический контент «Проекта Линкольна» не санкционируется никаким кандидатом или комитетом кандидатов. Этим дисклеймером заканчиваются все видеоролики, размещаемые «Проектом Линкольна» в онлайн-пространстве³.

При относительно небольшом количестве подписчиков в социальных сетях (Facebook – 1,1 млн, Twitter – 2,7 млн, YouTube – 755 тыс., Instagram – 1 млн) грамотно спланированная информационная кампания (создать «инфлюенсер-контент», который бы работал против переизбрания Д. Трампа) привела к тому, что политический капитал, накопленный проектом в онлайн-пространстве, был конвертирован в политический капитал одного из кандидатов в президенты США – Д. Байдена. Подтверждение этого мы видим на рис. 1 (аккаунт @realdonaldtrump, pagerank=0,0120; аккаунт @joebiden pagerank=0,0332; аккаунт @projectlincoln pagerank=0,0028). «Проект Линкольна», и в первую очередь создаваемый им политический контент после публикации серии видео в мае – июле 2021 г. о Д. Трампе, стал одним из инфлюенсеров дискурсивного поля «Д. Трамп» в июле 2021 г. (рис. 1, часть В). По сути, «Проект

---

¹ The Lincoln Project. – Mode of access: <https://lincolnproject.us> (accessed: 24.03.2021).

² Biden vs. Trump: General election battle is now set // AP News. – 9.04.2020. – Mode of access: <https://apnews.com/article/ff4d5bcb568f02e76af1a8945167c8b5> (accessed: 24.03.2021).

³ The Lincoln Project. – Mode of access: <https://www.youtube.com/channel/UCpYCxV51bykhMY-wSUozQRg> (accessed: 09.05.2021).

Линкольна» повторил технологию, примененную Д. Трампом в отношении Х. Клинтон в 2016 г., запустившую информационную кампанию PizzaGate [Рябенко, Малышева, 2020].

В ноябре мы видим (рис. 1, часть С) в дискурсивном поле «Д. Трамп» в качестве основного инфлюенсера не Д. Трампа (как это было все время начиная с 2016 г.), а Д. Байдена. Как произошел процесс передачи политического потенциала? С точки зрения сетевого анализа Д. Трамп является достаточно крупным хабом¹ онлайн-пространства как поля политических коммуникаций, функционирующего как глобальная многослойная сеть и моделируемого как глобальный социальный граф. Вирусный контент, создаваемый «Проектом Линкольна», является сетевыми данными и сформирован по требованиям и под специфику популярных социальных сетей. Поскольку хабы онлайн-пространства формируются не только тем контентом, который они создают, но и контентом, который создают союзники и противники хабов, это может разрушать и трансформировать дискурсивные поля хабов и в конечном счете привести хаб (крупный / главенствующий узел сети) к потере статуса хаба.

Это и произошло с дискурсивным полем «Д. Трамп». Как мы видим на рис. 1, в марте 2020 г. дискурсивное поле было поляризованным относительно центрального хаба, представленного аккаунтом Д. Трампа – @realdonaldtrump; в правой части находятся пользователи – сторонники Д. Трампа; в левой части – пользователи – противники Д. Трампа.

В июле 2020 г. правая часть постепенно начинает размываться (Д. Трамп теряет фокус внимания пользователей), поскольку в левой части появляется новый хаб, продуцирующий большое количество вирусного контента против Д. Трампа и переключающий на себя фокус внимания пользователей.

В октябре 2020 г. часть дискурсивного поля с пользователями, поддерживающими Д. Трампа, полностью размыва (рис. 1, часть С). Однако необходимо отметить, что в дискурсивном поле «Д. Трамп», как в марте, так и в октябре, мы можем наблюдать

---

¹ Хаб – термин, относящийся к теории сложных сетей, описывающих функционирование социального мира. Хаб – пользователь, аккаунт, сообщение, узел в сложной сети, имеющий максимальное количество связей, поэтому другие элементы (узлы) сложной сети предпочитают соединяться с ним (устанавливать связь).

отчетливые, устойчивые скопления пользователей, находящиеся в непосредственной близости к аккаунту Д. Трампа и входящие в его эго-сеть (получена путем применения фильтра Ego Network; имеет коэффициент связанности 1) (рис. 2). Наличие этих скоплений доказывает существование феномена «трампизм» – политическое движение, основанное на политической идеологии, социальных эмоциях, наборе механизмов для приобретения и удержания власти, инициированное Д. Трампом.

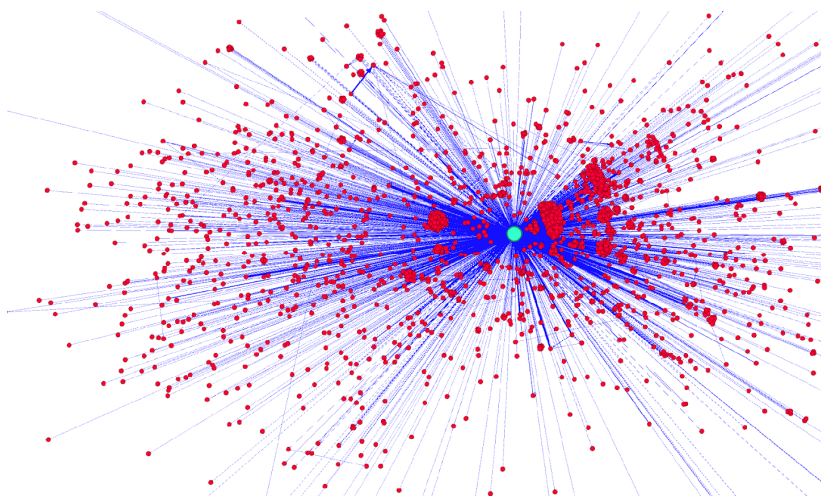

Рис. 2.
Эго-сеть Д. Трампа в октябре 2020 г.

Эти скопления – аккаунты людей, являющихся фанатичными последователями Д. Трампа; именно они в январе 2021 г. брали штурмом Капитолий после заявлений Д. Трампа о фальсификации выборов¹. В результате этих противоправных действий пять человек погибли, среди них один полицейский из охраны Капитолия,

---

¹ US Capitol secured, 4 dead after rioters stormed the halls of Congress to block Biden's win // CNN. – 7.01.2021. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2021/01/06/politics/us-capitol-lockdown/index.html> (accessed: 24.03.2021).

десятки получили тяжелые ранения¹. После захвата Капитолия 7 января 2021 г. Twitter заблокировал личный аккаунт Д. Трампа на 12 часов, потребовав удалить три твита, нарушающих политику компании; однако после отказа выполнить требования социальной сети аккаунт Д. Трампа был заблокирован бессрочно (в момент блокировки на страницу были подписаны 88 млн пользователей). Нужно отметить, что после блокировки личного аккаунта Д. Трамп воспользовался официальным аккаунтом президента США в Twitter для продолжения ведения информационной кампании; официальный аккаунт не был заблокирован, но опубликованные сообщения были удалены. После 20 января 2021 г. владельцем данного аккаунта стал новый президент США – Д. Байден.

Выводы

Исследование предвыборной кампании Д. Трампа 2016 г. показало, что результат коммуникативных стратегий, направленных на достижение превосходства в онлайн-пространстве посредством продвижения в социальных медиа, может в большинстве случаев конвертироваться в политическое превосходство в offline-пространстве² [Рябенко, Малышева, Гнедаш, 2019]. Коммуникативная стратегия первой предвыборной кампании базировалась на создании бинарных дискурсивных полей, основанных на манипулировании политическим контентом, посвященным обсуждению темы сравнения «коррупцированной и извращенной элиты Вашингтона» и «честного и благородного американского народа». Формирование подобных дискурсивных полей в онлайн-пространстве позволило Д. Трампу сформировать прямую связь с избирателями в обход всех информационных посредников (другие политики, СМИ) в первом избирательном цикле. Это сформировало у электората мнение о Д. Трампе как о человеке способном «сделать Америку

---

¹ Capitol Police say cop, reportedly hit with fire extinguisher during Hill mob, dies of his injuries // Chicago Tribune. – 8.07.2021. – Mode of access: <https://www.chicagotribune.com/nation-world/ct-nw-capitol-police-officer-dies-20210108-f5sy2jrnj5d7jibygzcgiatnny-story.html> (accessed: 24.03.2021).

² Результаты исследования предвыборной кампании Д. Трампа в 2016 г. подробно описаны в указанной работе, для выводов по современному исследованию мы опираемся на один из результатов нашего предыдущего исследования.

великой снова» («MAGE / Make America Great Again») и помогло ему стать президентом. Вторая предвыборная кампания Д. Трампа в 2020 г. также была основана на сетевом популизме, однако «негативный информационный фон» (пандемия COVID-19, движение Black Lives Matter / «Жизни черных важны») расщепил формируемые им дискурсивные поля, что в итоге привело к его блокировке в онлайн-пространстве и проигрышу на выборах. Технологии первой предвыборной кампании Д. Трампа, приведшие его к посту президента США, фактически стали оружием в руках его оппонентов во второй предвыборной кампании. Существенная доля вирусного политического контента, созданного «Проектом Линкольна», базировалась на обезличивании противоречий в высказываниях Д. Трампа и нивелировании результатов применения стратегии «Информационного дисбаланса», с успехом применяемой в первой предвыборной кампании.

Данные кейсы показывают, что идеи и практики сетевого популизма достаточно эффективны для мобилизации «ядерного» электората. Однако в условиях цифровизации избирательных циклов и формирования нового цифрового поколения избирателей их использование приводит к тому, что контент, который накапливается в онлайн-пространстве, может стать оружием политической борьбы и обратиться против своего создателя. Сетевой популизм рождает прецедентный контент, который перестает принадлежать создателю и наделяется новыми интерпретациями, претерпевая трансформации в дискурсивных полях.

Онлайн-пространство способно не только стать полем реализации задач предвыборных кампаний, но и перевести предиктивную аналитику политических процессов на новый уровень при условии использования технологии Data Science (межотраслевая сфера и научная парадигма о жизненном цикле Больших данных, представленных и обработанных в цифровой форме) и с учетом предложенной теории асинхронных дискурсивных полей, на что и будут направлены дальнейшие исследования коллектива авторов.

N.A. Ryabchenko, A.A. Gnedash, O.P. Malysheva, V.V. Katermina*
**Managing political content in the online space of modern states:
how twitter prevented D. Trump from winning
the 2020 presidential election?¹**

Abstract. The networked society is permeated with processes generated within numerous horizontal structures of the public sphere in the online space. An empirical study based on network analysis and graph visualization methodology allowed us to understand why D. Trump, using the same political communication strategy on Twitter that allowed him to win in 2015, lost the 2020 US Presidential Election. Who and how transformed the political content created by D. Trump's team; who became the influencer that changed and destroyed the discourse field originally created to support D. Trump in the second term campaign? The empirical data (a continuous sample of network data amounted to 2 million messages), which we used to construct and analyze the discourse fields, comprises the messages published by ordinary users, supporters, opponents and D. Trump's team on Twitter within the period from March 1, 2020 to October 30, 2020. The study showed that D. Trump's second election campaign in 2020 was also based on network populism. However, the "negative information background" (Covid-19, Black Lives Matter) split the discursive fields he formed, which eventually resulted in ban from online platforms and election defeat. The technologies D. Trump used in his first election campaign, and which led him to the US presidency, actually became a potent weapon in the hands of his opponents in the second election campaign.

Keywords: political content; network approach; online space; networked data; Twitter; D. Trump; US presidential election; election campaign; the Lincoln Project.

For citation: Ryabchenko N.A., Gnedash A.A., Malysheva O.P., Katermina V.V. Managing political content in the online space of modern states: how twitter prevented D. Trump from winning the 2020 presidential election? *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 135–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>

---

* **Ryabchenko Natalia**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: rrrnatali@mail.ru; **Gnedash Anna**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: anna_gnedash@inbox.ru; **Malysheva Olga**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: malisheva_83@mail.ru; **Katermina Veronika**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: katermina_v@mail.ru

¹ The research is financially supported by The Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 20-012-00033 entitled "Linguistic models of sociopolitical communication in online space: discursive fields, patterns and hybrid methodology of network data analysis" (2020–2022).

References

- Abramowitz A. *The great alignment race, party transformation, and the rise of Donald Trump*. New Haven ; London : Yale university press, 2018, 216 p.
- Badmatsyrenov T.B., Tsydenov A.B., Khandarov F.V. "Third space", "echo-cameras" and online-communities: reproduction of political ideologies in social media. *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 183–204. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.08> (In Russ.)
- Brabazon T., Readhead S., Chivaura R. *Trump studies: An intellectual guide to why citizens vote against their interests*. Bingley, UK : Emerald publishing limited, 2019, 224 p.
- Breiger R.L. Analysis of social networks. In: Hardy M., Bryman A. (eds). *Handbook of data analysis*. London : Sage, 2004, P. 505–526.
- Brodovskaya Ye.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrna R.V., Azarov A.A. Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018). *Political science (RU)*. 2019, N 2, P. 180–197. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09> (In Russ.)
- Boriskina O.O., Shilikhina K.M. Corpus methods in the political discussion in linguistics. *Political Science (RU)*. 2017, N 2, P. 30–24. (In Russ.)
- Castells M., Cardoso G. *The network society: from knowledge to policy*. Washington, DC : Johns Hopkins center for transatlantic relations, 2005, 434 p.
- Enli G. Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election. *European journal of communication*. 2017, Vol. 32, N 1, P. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323116682802>
- Ernst N., Engesser S., Büchel F., Blassnig S., Esser F. Extreme parties and populism: an analysis of Facebook and Twitter across six countries. *Information, communication & Society*. 2017, N 20 (9), P. 1347–1364.
- Hart R. *Trump and us. What He says and why people listen*. Cambridge : Cambridge university press, 2020, 280 p.
- Gnedash A.A., Ryabchenko N.A. Constructive and destructive socio-political practices in the online space of modern Russia: «fails», «cases», «mechanics». *Human. Community. Management*. 2014, N 2, P. 40–54. (In Russ.)
- Gradoselskaya G.V. Social networks: sharing of private transfers. *Sociological journal*. 1999, N 1–2. (In Russ.)
- Ilyin V. Consumption as a discourse. *Journal of sociology and social anthropology*. 2007, Vol. X, Special issue, P. 3–26. (In Russ.)
- Jørgensen M.V., Phillips L.J. Discourse analysis as theory and method. Kharkov : Humanitarian center, 2004, 352 p. (In Russ.)
- Karasik V.I. Creatives in network discourse. *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*. 2018, N 5, P. 29–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-29-44> (In Russ.)
- Kasatkin P.I., Romanenko A.V. The rhetoric of the political leaders of Russia and the U.S.: a comparative analysis. *Polis. Political studies*. 2019, N 5, P. 167–180. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.12> (In Russ.)
- Katermina V.V., Ryabchenko N.A., Lipiridi S. Kh., Gnedash A.A., Malysheva O.P. The study of linguistic model of political communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020. *Political linguistics*. 2020, N 5 (83), P. 87–107. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-05-09> (In Russ.)

- Komissarov V.N. *Translation theory (Linguistic aspects)*. Moscow : Higher school, 1990, 253 p. (In Russ.)
- Kuznetsov A.V. (ed.). *The Trump phenomenon*. Moscow : INION RAN, 2020, 642 p. DOI: <https://doi.org/10.31249/phtr/2020.00.00> (In Russ.)
- Lacatus C. Populism and President Trump's approach to foreign policy: an analysis of tweets and rally speeches Politics. *Politics*. 2020, Vol. 41, N 1, P. 31–47. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/0263395720935380>
- Malysheva O.P. Communication strategies and tactics in public speeches (based on speeches of American and British political leaders). *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named by A.I. Herzen*. 2009, N 96, P. 206–209. (In Russ.)
- Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. Network societies in emergency situations: types of actor behavior. *Human. Community. Management*. 2010, N 4, P. 16–24. (In Russ.)
- Mützel S. Networks as culturally constituted processes: a comparison of relational sociology and actor-network theory. *Current sociology*. 2009, Vol. 57, N 6, P. 871–887. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392109342223>
- Peterson J. Present at the destruction? The liberal order in the Trump era. *The international spectator*. 2018, Vol. 53, N 1, P. 28–44. DOI: <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1421295>
- Popova O.V., Suslov S.I. Network analysis of political internet communities: from formalized to «unobserved» groups. *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 160–182. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.07> (In Russ.)
- Ryabchenko N.A. Toponymy of network landscape on the online space. *Human. Community. Management*. 2016, Vol. 17, N 4, P. 98–115. (In Russ.)
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Malysheva O.P. Political content of social movements in the online space of modern states: analytical methodology and research practice. *South-Russian journal of social sciences*. 2018, N 3, P. 139–162. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162> (In Russ.)
- Ryabchenko N.A., Malysheva O.P. Characteristics of modern political communication in the online space. *Questions of cognitive linguistics*. 2020, N 3, P. 101–113. (In Russ.)
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A. (eds). *The models and practices of political content management in modern states' online space in the "the Post-Truth" Era*: monograph. Moscow : FLINTA, 2020, 340 p. (In Russ.)
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Gnedash A.A., Wolfovich B.G. Regional political discourse: theoretical model, research methodology, practices of political content management in the online space of RF subjects. *Political linguistics*. 2019, N 5 (77), P. 114–131. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl19-05-12> (In Russ.)
- Ryabchenko N.A., Katermina V.V., Malysheva O.P. Political content management: new linguistic units and social practices. *Church, communication and culture: scientific journal*. 2019, Vol. 4, N 3, P. 305–322. DOI: <https://doi.org/10.1080/23753234.2019.1664916>
- Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Presidential campaign in post-truth era: innovative digital technologies of political content management in social networks politics. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 92–106. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07> (In Russ.)
- Sheigal E.I. *Semiotics of political discourse*. Volgograd : Peremena, 2000, 368 p. (In Russ.)

- Sherstobitov A.S. «Network publicity» as a new factor of political mobilization in modern Russia: an instance of network analysis. *Bulletin of SPBU. Series 6*. 2013, N 3, P. 99–105. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *Images of states, nations and leaders*. Moscow : Aspect press, 2008, 288 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology*. Moscow : Aspect press, 2007, 432 p. (In Russ.)
- Skonieczny A. Emotions and political narratives: populism, Trump and trade. *Politics and governance*. 2018, Vol. 6, N 4, P. 62–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.17645/pag.v6i4.1574>
- Smith D.N., Hanley E. The anger games: who voted for Donald Trump in the 2016 election, and why? *Critical sociology*. 2018, Vol. 44, N 2, P. 195–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920517740615>
- Smorgunov L.V. (ed.). *Governance of public policy: collective monograph*. Moscow : Aspect press, 2015, 320 p. (In Russ.)
- Smorgunov L.V. The network approach to policy making and governance. *Polis. Political studies*. 2001, N 3, P. 103–113. (In Russ.)
- Sokolov A.V., Verevkin A.I. Protests in the subjects of Russian Federation: exemplified by Kaliningrad region. *Sociology of power*. 2012, N 2, P. 145–151. (In Russ.)
- Sokolshchik L.M. American conservatism and the challenge of contemporary populism: theoretical and ideological aspects. *Polis. Political studies*. 2021, N 1, P. 78–93. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.06> (In Russ.)
- Solovey V.D. Digital mythology and Donald Trump electoral campaign. *Polis. Political studies*. 2017, N 5, P. 122–132. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.09> (In Russ.)
- Trahtenberg A.D. Discourse analysis of the mass media as an ideological instrument. *Bulletin of RUDN University. Political studies series*. 2006, N 8, P. 85–94. (In Russ.)
- Tracey S. Trust, Trump, and the turnout: a marketers point of view. *American behavioral scientist*. 2017, Vol. 61, N 5, P. 526–532. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764217701218>
- van Dijk T.A. *Discourse as structure and process*. London : SAGE, 1997, 356 p.
- Voroshilova M.B. Creolized text: aspects of study. *Political linguistics*. 2006, N 20, P. 180–189. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бадмацыренов Т.Б., Цыденов А.Б., Хандаров Ф.В. «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 183–204. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.08>
- Борискина О.О., Шилихина К.М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 30–24.
- Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 180–189.
- Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Конструктивные и деструктивные социально-политические практики в online-пространстве современной России: «фейлы», «кейсы», «механики» // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 2. – С. 40–54.

- Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. – 1999. – № 1–2.
- Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) / *Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров* // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>
- Ильин В.* Потребление как дискурс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X, Специальный выпуск. – С. 3–26.
- Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети Twitter в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г. / *В.В. Катермина, Н.А. Рябченко, С.Х. Липириди, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева* // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5 (83). – С. 87–107. – DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-05-09>
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2004. – 352 с.
- Карасик В.И.* Креативы в сетевом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 29–44. – DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2310-712X-2018-5-29-44>
- Касаткин П.И., Романенко А.В.* Риторика политических лидеров России и США: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 5. – С. 167–180. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.12>
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
- Малышева О.П.* Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 96. – С. 206–209.
- Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды: монография / *Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева*. – М. : ФЛИНТА, 2020. – 340 с.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: типы поведения акторов // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 4. – С. 16–24.
- Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2008. – 288 с.
- Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика / *Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, О.П. Малышева* // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – № 3. – С. 139–162. – DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Попова О.В., Суслов С.И.* Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.07>
- Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / *Н.А. Рябченко, В.В. Катермина, А.А. Гнедаш, Б.Г. Вульфович* //

- Политическая лингвистика. – 2019. – № 5 (77). – С. 114–131. – DOI: <https://doi.org/10.26170/pl19-05-12>
- Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А.* Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 92–106. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Рябченко Н.А.* Топонимика сетевого ландшафта online-пространства // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17, № 4. – С. 98–115.
- Рябченко Н.А., Малышева О.П.* Характеристики современной политической коммуникации в online-пространстве // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 101–113.
- Сморгунов Л.В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
- Соколов А.В., Вережкин А.И.* Протестные выступления в субъектах Российской Федерации: пример Калининградской области // Социология власти. – 2012. – № 2. – С. 145–151.
- Соколышник Л.М.* Американский консерватизм и вызов популизма: теоретический и идеологический аспекты // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 78–93. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.06>
- Соловей В.Д.* Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 122–132. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.09>
- Трахтенберг А.Д.* Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2006. – № 8. – С. 85–94.
- Управление публичной политикой: коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 320 с.
- Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. – М. : РАН. ИНИОН, 2020. – 642 с. – DOI: <https://doi.org/10.31249/phtr/2020.00.00>
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.
- Шерстобитов А.С.* «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 2013. – № 3. – С. 99–105.
- Шестопал Е.Б.* Политическая психология. – М. : Издательство «Аспект Пресс», 2007. – 432 с.

М.И. РОГОВ*

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЕТИ (2010–2020)

Аннотация. В статье раскрывается сетевой подход к изучению городов, в частности обосновано, каким образом города встраиваются в глобальные экономические сети посредством корпоративных сетей крупнейших мультинациональных компаний. Выявлена специфика интеграции российских городов в глобальные экономические сети, в том числе в контексте эволюции меж- и внутрирегионального неравенства за период с начала 1990-х годов до 2020 г. Фокус данного исследования направлен на анализ последствий экономического кризиса 2014–2016 гг. для интеграции российских городов в глобальные экономические сети. В статье обсуждаются изменения в поведении мультинациональных компаний в России после введения экономических санкций в 2014 г. и особенности российского рынка для иностранных компаний.

Эмпирическая часть статьи выполнена в стратегии кейс-стади и посвящена Калуге – одному из наиболее успешных городов России в области привлечения иностранных компаний. На основе ряда интервью с представителями иностранных компаний автомобилестроительного кластера выявлены основные факторы экономического успеха города, а также возможности и барьеры для деятельности бизнес-субъектов. В частности, определено, что удачное экономико-географическое положение и личные гарантии от областного губернатора в безопасности ведения бизнеса являются важнейшими и достаточными условиями для успешной интеграции Калуги в глобальные экономические сети. Также удалось

---

* **Рогов Михаил Иосифович**, PhD, научный сотрудник, Факультет географии и геоинформационных технологий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: Mikhail.i.rogov@gmail.com

© Рогов М.И., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.07

определить, что местные социальные связи не играют ключевой роли в получении экономической помощи от государства в период кризиса (имеются в виду кризисы 2014–2016 гг. и 2020 г. – по настоящее время).

Ключевые слова: город; глобализация; региональная политика; транснациональные компании; экономические сети; управление городом.

Для цитирования: Рогов М.И. Интеграция российских городов в глобальные экономические сети (2010–2020) // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 161–184. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.07>

Введение

Россия является страной с высоким уровнем урбанизации (74,7% жителей проживают в городах¹), следовательно, большая часть экономики сконцентрирована в городах или крупных городских регионах. В связи с этим города являются основными бенефициарами экономического роста, с одной стороны, и наиболее чувствительными к рецессиям – с другой. Будучи интегрированы в международные экономические отношения, города являются основными «проводниками» глобализации, являясь домом для крупных транснациональных компаний или их филиалов, или дочерних компаний. Таким образом, города становятся частью глобальной экономической сети, образованной на основе взаимодействия крупнейших мировых корпораций, располагающихся в городах.

В фокусе данного исследования находятся глобальные иностранные мультинациональные компании, работающие в России. Головные офисы рассматриваемых компаний находятся за границей, таким образом, их стратегия во многом определяется из-за рубежа. В условиях экономического кризиса и международных санкций деятельность таких компаний становится более зависимой, с одной стороны, от решений головного офиса и высшего руководства компаний, а с другой – от способности руководства российского филиала договариваться с местной городской администрацией или федеральным руководством в области гарантий стабильности или экономических преференций. Таким образом, гипотеза данного исследования состоит в том, что договороспособность и социальные связи (формальные и неформальные) выходят на пер-

---

¹ Федеральная служба государственной статистики // Росстат. – 2020. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата посещения: 13.07.2021).

вый план в вопросах выживаемости международных компаний в период экономической неопределенности.

В данной работе ставится задача проанализировать поведение транснациональных компаний в России за период 2010–2020 гг., а также выявить возможности и ограничения, с которыми столкнулись иностранные компании в период экономического кризиса 2014–2016 гг. В качестве города для проведения полевого исследования выбрана Калуга как один из наиболее успешных городов по привлечению и удержанию транснациональных корпораций. Эмпирическая база исследования основана на анализе открытых источников по экономической политике в Калужской области, а также ряда проведенных интервью с представителями международных производственных компаний, расположенных в Калуге.

Сетевой подход к изучению городов

В зависимости от целей исследований существует множество разных определений города и способов его делимитации. В данной работе мы рассматриваем города как географические образования, создающиеся в результате общего (универсального) процесса концентрации людей и деятельности [Pumain, 2018]. Городская общественность не только сосуществует и взаимодействует на местном уровне, но и развивает междугородние обмены, главным образом с целью сохранения и расширения своего материального благополучия и социальных связей. Вместе с тем города, будучи центрами промышленности и инноваций, конкурируют друг с другом за ресурсы, инвестиции, человеческий капитал, таким образом, развивая межгородские обмены. Эти двухуровневые городские процессы способствуют появлению социальных и экономических инноваций и их распространению на окружающие или связанные с городом пространства. Следы этих двух процессов, которые привели к появлению систем городов, можно рассмотреть в соответствующих позициях и ролях городов либо в качестве центральных мест, коренящихся в местных экономических сетях [Christaller, 1966], либо в качестве узловых центров на маршрутах междугородних торговых сетей.

Создающаяся на основе межгородских обменов сеть городов связывает все города мира либо напрямую, либо опосредованно

через другие города. В такой сети города одного государства создают естественные кластеры в этой сети, так как между ними больше взаимодействия в силу географической и институциональной близости. Таким образом, сети городов (*networks of cities / inter-city networks*) представляют собой устойчивые связи между городами, основанные на обмене ресурсами (материальными, информационными, человеческими, финансовыми). Кроме этого, внутри городов существует множество различных сетей, как материальных (например, сеть общественного транспорта, сеть водоснабжения и другие, которые называются *urban networks*), так и нематериальных (например, корпоративные сети внутри одного города, называемые *intra-city networks*).

Сетевой подход позволяет рассматривать глобализацию как процесс интеграции городов или крупных городских регионов [Rozenblat, 2020] в международные экономические межгородские сети. Для построения сети городов (как внутри одной страны, так и глобальной сети, включающей города разных стран мира) необходимо, чтобы узлы сети (т.е. города) были делимитированы по схожей методологии, позволяющей также сравнивать города друг с другом. В ряде исследований [Rozenblat, 2010; Rozenblat, 2018] используется определение крупных городских регионов (Large Urban Regions – LUR), разработанных по единой методологии для большинства стран мира [Rozenblat, 2020]. Для России делимитировано 120 крупных городских регионов [Rogov, Rozenblat, 2020], основанных на существующих административных границах муниципалитетов. В сущности, крупный городской регион в данном случае – это группа муниципалитетов, связанных экономически, миграционно (внутрирегиональная миграция, маятниковая миграция), транспортно и административно. Для России принимались во внимание границы субъектов Федерации (за исключением городов федерального значения), за которые границы крупного городского региона не выходили. В данном исследовании понятия «крупный городской регион» и «город» используются как синонимы. Предполагается, что одну из ключевых ролей в глобализации городского региона играет транспортная инфраструктура, в частности наличие аэропорта. Это можно отчетливо увидеть в Калуге: с приходом международных компаний старый заброшенный с советских времен аэропорт снова заработал, став международным.

Города в глобальных сетях

Все города мира экономически прямо или косвенно связаны друг с другом, в частности через транснациональные фирмы. В среднем две трети от общего числа связей всех многонациональных фирм в мире приходится на национальные связи: связи между городами одной страны [Rozenblat, 2020]. Однако внешние (международные) связи, несмотря на их небольшую долю, представляют собой ценный стимул для инноваций, преобразований и адаптации городской экономики к кризисам. Видение мира как глобальной сети городов помогает преодолеть ограничение замкнутости в национальных границах, анализируя последствия различных экономических потрясений и помогая понять эволюцию относительного положения города как в национальном, так и в транснациональном масштабе.

Города в корпоративных сетях владения. Ключевая роль в интеграции городов в мировую экономику признается за корпоративными сетями владения (corporate ownership linkages) [Taylor, 2004; Rozenblat, 2010; Rozenblat, Zaidi, Bellwald, 2017]. В данном подходе рассматриваются транснациональные компании в качестве основных акторов, связывающие глобально – прямо или косвенно – все города мира, которые все в большей степени стимулируют местную и национальную экономику [McCann, Acs, 2011]. Транснациональные компании (как местные, так и зарубежные) являются движущей силой глобализации городов, превращая их в важнейшие экономические узлы как для частных, так и для государственных интересов. С одной стороны, правительства заинтересованы во вкладе городов в национальную экономику, а с другой – компании заинтересованы в получении доступа к ресурсам структурированных и администрируемых территорий, что способствует их собственной глобальной экспансии.

Интегрируясь в глобальные сети, города становятся более мощными («powerful») [Allen, 1999], но при этом в большей степени подвержены влиянию международных экономических или политических потрясений, таких как современные инновации, мировые финансовые кризисы, войны или санкции. Головные офисы многонациональных фирм чаще всего расположены в городах, находящихся на вершине городской иерархии [Cohen, 1981; Friedman, 1986; Rozenblat, Pumain, 1993], что показывает предпочтение фирм

располагать главные центры принятия решений вблизи мест скопления политической и финансовой власти.

Являясь центральными узлами глобальных экономических сетей, города имеют различные отраслевые траектории, способствующие так называемой «множественной глобализации» [Krätke, 2014]: интенсивное взаимодействие с другими городами зависит от их специализации деятельности [Rozenblat, Zaidi, Bellwald, 2017]. Форма и степень интеграции города в глобальную экономику оказывает фундаментальное влияние на его внутреннюю структуру и уровень развития [Friedmann, 1986], создавая многоуровневую (локальную / глобальную) динамику городов [Bathelt, Gluckler, 2011]. Многочисленные многоуровневые потоки (финансовые, коммерческие, промышленные и т.д.), проходящие через город, меняют понимание устойчивости и резилиентности города, делая их также зависимыми от взаимодействий на разных уровнях [Rogov, Rozenblat, 2018].

Например, различные фирмы внутри города, взаимодействуя друг с другом посредством субподряда, стратегических альянсов, совместных предприятий или собственности, создают внутригородские межфирменные сети (intra-city networks). Взаимодействие акторов – как коллективных (фирмы, например), так и индивидуальных – внутри города иллюстрирует процессы, происходящие на микроуровне, которые характеризуются прежде всего географической близостью и встроенностью в местные социальные сети. Эти же фирмы могут взаимодействовать с корпорациями в других городах или иметь там свои представительства, создавая таким образом межгородские сети (inter-city networks). Такие межгородские корпоративные сети на макроуровне дают два важных преимущества фирмам: во-первых, доступ к разнообразным рынкам; во-вторых, доступ к специализированным кластерам с квалифицированными работниками, что приводит к специфической внутригородской динамике на мезоуровне. Таким образом, специфические сетевые процессы, происходящие на микро- и макроуровнях, приводят к возникновению особенных свойств и характеристик городов, отдельно выделяемых на мезоуровне. Одно из таких свойств – агломерационная экономика, характеризующаяся мультипликативными и кумулятивными эффектами сетей. Следовательно, города – это гораздо больше, чем пространственная концентрация. Процессы экономических агломераций, формируемые

накоплением, притяжением и отбором, снижают транзакционные издержки и увеличивают транзакционные преимущества [Zajac, Olsen, 1993] за счет возникновения структурных сетей и вероятности случайной выгоды новых связей [Powell, 1990]. Таким образом, города можно определить как своего рода преобразователь сетей, чьи стратегии разрабатываются в сетях микроуровня и распространяются на глобальный масштаб, когда происходят слияния и альянсы между сетями многонациональных фирм (Rozenblat, 2010).

Сила и привлекательность городов в глобальных экономических сетях. Глобализация, основанная на сетях между городами, касается не только глобальных городов [Friedmann, 1986; Sassen, 2001]. GaWC (2020)¹, исследуя местоположение 175 ведущих фирм, предоставляющих передовые производственные услуги в 707 городах по всему миру, включил в рейтинг только четыре города России: Москва – «Альфа», Санкт-Петербург – «Бета», Казань и Новосибирск – «достаточность». Однако каждый город прямо или косвенно имеет так называемую реляционную власть (*relational power*): города имеют ее в той мере, в какой функционируют в качестве командных / исполнительных пунктов и, таким образом, участвуют в сетях с другими городами, работающими в мировой экономике [Alderson, Beckfield, 2004]. В этих сетях в соответствии с различными специализациями некоторые города достигают определенной степени глобализации, аккумулируя экономическую власть и стимулируя глобализацию как по всему миру, так и внутри страны, где они расположены, выступая в качестве ворот (оба entry and exit gates) для международного бизнеса. Благодаря своим позициям в сетях, города либо являются централизованными местами экономического контроля (*power of cities*), либо привлекают места для внешне контролируемых сетей, таким образом становясь зависимыми от них (*attractiveness of cities*). Alderson и Beckfield [Alderson, Beckfield, 2007] обнаружили сильную взаимосвязь между позициями городов в глобальных сетях и позицией их соответствующих стран в модели ядра – периферии, определенной Валлерштейном в 1974 г. В своем исследовании 3692 городов мира, в которых расположены филиалы фирм Global 500, включенных в список Fortune (2000), Москва дважды входила

---

¹ Database 2020 // GaWC. – 2020 – Mode of access: <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2020t.html> (accessed: 13.07.2021).

в топ-50 городов: на 45-м месте по индексу близости (*index of closeness*) (означающему формирование «звезды» с другими городами) и на 46-м месте по индексу степени посредничества (*index of betweenness centrality*) (означающему обязательный путь для связи с другими городами). Это согласуется с результатом классификации городов мира по корпоративным сетям владения многонациональных фирм, выявляя некоторые очень сплоченные подкластеры, в которых российская группа городов оказывается изолированной и центрированной вокруг Москвы, являющейся основным связующим звеном с другими городами мира [Rozenblat, Zaidi, Bellwald, 2017].

Имея различную степень прямой или косвенной интернационализации, многие российские города сегодня являются домом для большого количества транснациональных корпораций: либо их головных офисов, либо дочерних компаний как отечественного, так и иностранного происхождения. Возникает вопрос, насколько российские города изменили свои позиции в корпоративных сетях владения многонациональных фирм за последние десять лет (2010–2019).

Трансформация городов в глобальных сетях. Интеграцию городов одной страны в глобальные сети нужно рассматривать в взаимосвязи друг с другом, поскольку города глубоко интегрированы в собственные национальные городские сети [Rozenblat, 2018; 2020]. Фактически, не являясь автономными независимыми образованиями, на развитие и эволюцию города в значительной степени влияют другие города и поселки, с которыми он взаимодействует наиболее интенсивно [Pred, 1977]. Город занимает определенное положение в сети городов, которое со временем меняется в результате сотрудничества и конкуренции за ресурсы с другими городами, что объясняется *эволюционной теорией городских систем / evolutionary theory of urban systems* [Pumain, 2000; 2006]. Так, города рассматриваются как «*системы внутри систем городов*» [Bergu, 1964], где человеческая деятельность организована иерархически на трех вложенных уровнях: *микро* (поведение коллективных и индивидуальных городских акторов); *мезо* (город как коллективное образование); и *макро* (сети городов) [Pumain, 2006; Rozenblat, 2010]. Большинство исследований эволюции городских сетей касаются изучения их роста, как, например, в китайских городах [Pan et al., 2017] или «глобальных» городах [Rozenblat, 2020].

Однако в российском случае наблюдается обратный процесс сжатия сети городов (количество взаимодействий между городами) как на национальном уровне (обмены между городами России), так и на международном (обмены российских городов с другими городами мира), хотя количество иностранных городов в сети увеличилось [Rogov, Rozenblat, 2021].

Глобальный или национальный экономический кризис, как правило, сказывается как на положении отдельных городов в сети городов, так и на всей сети. Некоторые города могут сохранять свои относительные позиции в сетях или даже усиливать их, несмотря на экономические потрясения, что можно объяснить специфической динамикой многоуровневой резилиентности городов [Rogov, Rozenblat, 2018]. С точки зрения макроуровня экономическая резилиентность городов может означать, что города сохраняют или улучшают свои позиции в глобальной сети во время или после экономического шока, и структура сетей адаптируется к новым условиям количественно и качественно: например, разнообразие связей городов, их международный масштаб и их специализация [Rogov, Rozenblat, 2021]. Однако фокус данного исследования не на трансформации всей системы городов (что уже было сделано в [Rogov, Rozenblat, 2021]), а на анализе адаптации одного города с целью выявить изменения в поведении экономических агентов в условиях кризиса.

Специфика интеграции российских городов в глобальные экономические сети

Российские города начали активно встраиваться в мировые экономические связи с начала 1990-х годов. Большой межрегиональный рост неравенства российских городов после распада СССР предопределил их интеграционный путь в глобальные экономические процессы: интернационализация России началась с Москвы наряду с крупнейшими и наиболее развитыми городами [Makaryšev, 2000]. Москва пережила специфический процесс *метрополизации* [Gritsai, 1997], характеризующийся все большей обособленностью от национальной городской сети и растущей международной направленностью, взяв на себя роль посредника

между российскими регионами и развитыми западными странами [Brade, Rudolph, 2004; Rozenblat, Zaidi, Bellwald, 2017].

В 2000-е годы, наоборот, наметилась новая тенденция к смягчению межрегионального неравенства, и из-за огромной федеральной финансовой поддержки регионов рецессия 2008–2009 гг. не изменила эту тенденцию. Однако внутрирегиональное неравенство продолжало расти из-за сохраняющегося неравенства между центром и периферией, а также из-за того, что последствия перераспределительной политики были гораздо слабее [Зубаревич, 2019].

Экономический кризис 2014–2016 гг. создал в середине 2010-х годов новую тенденцию слабого роста неравенства между регионами в доходах на душу населения, средней заработной плате и уровне бедности [Зубаревич, 2019]. Однако внутрирегиональное неравенство по доходам менялось в антифазе: Зубаревич показала, что неравенство внутри регионов, усиливающееся в период экономического роста 2000-х годов, начало уменьшаться во время кризиса 2014–2016 гг. [Зубаревич, 2015; 2019] из-за сжатия основных городских центров.

Влияние экономического кризиса 2014–2016 гг. на российскую экономику широко обсуждалось в научной литературе, особенно среди макроэкономистов [Gurvich, Prilepskiy, 2015; Лякин, 2018]. Однако исследования на корпоративном уровне как для российских фирм [Golikova, Kuznetsov, 2017], так и для иностранных мультинациональных корпораций в России [Gurkov et al., 2018] скудны и сосредоточены в основном на изучении корпоративных стратегий и тактик в период экономического спада.

Эволюция внутригородских связей: микроуровень городских процессов

Рассматривая мультинациональные компании, необходимо иметь в виду, что, с одной стороны, они являются местными городскими акторами, способствуя развитию города, в котором они находятся; с другой стороны, мультинациональные компании являются глобальными игроками, находясь в патрон-клиентских отношениях со своими дочерними предприятиями или филиалами. В фокусе данного исследования находятся иностранные мультинациональные компании, работающие в России. Калуга выбрана в

качестве основного исследуемого города (case city) в силу своей высокой интернационализации и обилия как российских крупных компаний, так и международных.

Головные офисы рассматриваемых компаний находятся за границей, и, таким образом, их стратегия во многом определяется из-за рубежа. В условиях экономического кризиса и международных санкций деятельность таких компаний становится более зависимой, с одной стороны, от решений головного офиса и высшего руководства компаний, а с другой – от способности руководства российского филиала договариваться с местной городской администрацией или федеральным руководством в области гарантий стабильности или экономических преференций. Таким образом, договороспособность и социальные связи (формальные и неформальные) выходят на первый план в вопросах выживаемости международных компаний в период экономической неопределенности, что является предметом данного исследования.

Методология исследования

В рамках полевого исследования были проведены полуструктурированные интервью с представителями транснациональных компаний, расположенных в Калуге и имеющих там свое производство. В фокусе исследования находятся производственные компании автомобильного кластера, являющиеся дочерними предприятиями компаний, головные офисы которых зарегистрированы в странах Европейского союза. Все рассматриваемые компании входят в базу данных ORBIS-BvD, включающую 3 тыс. крупнейших корпоративных сетей мира, что позволяет утверждать, что рассматриваемые компании создают глобальные связи между городами.

Среди респондентов были руководящие сотрудники компаний, принимающие стратегические решения (средний и высший менеджмент). Такая выборка респондентов обусловлена необходимостью понять, с одной стороны, действия компании в период экономического кризиса, а с другой – структуру и роль социальных связей, узлами которых являются руководители компаний. Респонденты были как русскоязычные, так и экспаты из стран происхождения компаний.

Интервью состояло из четырех связанных блоков:

1) характеристика деловых отношений и роль социальных связей в бизнес-сообществе Калуги;

2) специфика Калуги: отличие Калуги от других городов России для ведения бизнеса, в частности для зарубежных производственных компаний;

3) эволюция социальных отношений между представителями международных компаний и городской администрацией в 2010–2020 гг.: характеристика взаимодействий в период стабильности и экономического кризиса;

4) корпоративное управление российским филиалом иностранной компании: стабильность и кризис.

Таким образом, ответы респондентов на вопросы в рамках указанных четырех блоков позволили лучше понять роль и специфику локальных социальных связей бизнес-сообщества в Калуге, с одной стороны, и особенности многоуровневого корпоративного управления, отражающего встроенность Калуги в глобальные экономические связи, – с другой.

Обсуждение результатов

Специфика автомобильного кластера в России. Специфика российского автомобильного рынка для иностранных инвесторов существенно изменилась за последние 10 лет, особенно после 2014 г. Однако, как отмечают респонденты, большинство компаний в отрасли пришли в Россию до экономического кризиса 2014–2016 гг., и, таким образом, столкнулись с необходимостью либо адаптироваться к новым условиям, либо уходить с рынка. Большинство иностранных компаний автопрома в России остались и, по словам нескольких топ-менеджеров, уходить не собираются ни из-за кризиса, ни из-за международных санкций, однако некоторые компании все же ушли с российского рынка. В 2015 г. компания General Motors (GM) ушла из России – завод в Санкт-Петербурге закрыт, продажа автомобилей под брендом Opel прекращена, под брендом Chevrolet остаются только люксовые автомобили. В 2019 г. вслед за GM Россию фактически покидает Ford. Прекращается производство и импорт легковых автомобилей, остается лишь выпуск легкого коммерческого Transit. Тем не менее российский ры-

нок по-прежнему интересен глобальному автопрому: открываются заводы по выпуску легковых автомобилей марок Mercedes-Benz и Naval.

Один из респондентов характеризует специфику российского рынка следующим образом:

Два основных фактора, влияющих на doing business in Russia, это макроэкономика и политика. С 2014 г. политический фактор, на мой взгляд, доминирует. Но даже он, при всей его негативной динамике, не приводит к тому, что большинство компаний с серьезным присутствием в России и серьезными инвестициями принимают решение о сворачивании деятельности в России, о закрытии заводов, и так далее. Этот фактор, скорее, вызывает очень сильное беспокойство, и он, возможно, удерживает какие-то компании от расширения деятельности, увеличения инвестиций, развития экспорта продукции, производимой уже в России.

В целом, резюмируя ответы респондентов о характеристике российского рынка, можно выделить два типа факторов, влияющих на деятельность иностранных компаний в России: 1) *Hard*, включающие макроэкономическую и политическую динамику, и 2) *Soft*, подразумевающие непредсказуемость регуляторной среды и постоянную непрозрачность на уровне взаимоотношений с различными регуляторами и в целом с госорганами.

В ответах всех респондентов Россия признается как стратегический рынок для международных компаний, однако с оговоркой, что этот рынок так и не реализовал полностью свой потенциал, который в нем видели и который компании закладывали в свою стратегию развития в России. В частности, представитель крупной иностранной автомобильной компании отмечает:

Емкость рынка в России потенциально очень большая, но, к сожалению, каких-то коммерческих прорывов мы не видим в силу ряда факторов. Здесь очень сильный протекционизм, очень сложно конкурировать с российскими производителями, особенно после 2014 г., когда этот протекционизм только усиливался и сейчас продолжает усиливаться.

Среди основных мер протекционизма в автомобилестроении респонденты выделили тарифные барьеры, утилизационный сбор и прямые монетарные меры поддержки, такие как различные суб-

сидии, налоговые льготы в рамках различных преференциальных режимов.

Говоря о рисках для иностранного бизнеса в России, респонденты чаще всего называли два ключевых фактора: политический и невозможность принятия решений на длинном горизонте в России, так как регуляторная среда меняется каждые два-три года вместе со сменой правительства, а горизонты инвестиционного проекта – это 15–20 лет, иногда больше. Данные факторы в наибольшей степени затрудняют и стратегическое планирование, и иностранные инвестиции.

Специфика Калуги. Одной из основных особенностей Калуги является ее экономико-географическое положение, т.е. близость к Москве, с одной стороны, и расположение по пути из Москвы в Европу – с другой. Вроде бы у региона есть преимущество, потому что он близок к Москве и к основным логистическим возможностям, однако, как отмечают большинство респондентов, для кадров это негативный момент, потому что идет постоянный отток сотрудников в Москву, где гораздо более высокие зарплаты и уровень жизни. В том числе происходит отток инженерных и технических кадров, которые необходимы для инновационной деятельности.

Другая особенность Калужской области – институциональная: здесь существует большое количество индустриальных парков и особых экономических зон, призванных привлечь новый бизнес в регион. Однако наличие таких зон не является особенностью исключительно Калуги, они существуют и в других регионах России. В рамках данного исследования было важно понять, насколько присутствие компании в такого рода зоне способствует ее развитию. Все компании, у менеджеров которых брались интервью, работают в таких зонах, и все респонденты сказали, что ни в кризис, ни в стабильное время никаких выгод от нахождения в таких зонах их компании не имели. Выяснилось, что даже не все менеджеры знают, что их компания находится в специальной экономической зоне. Единственное, по словам респондентов, что дает нахождение в такой зоне, – это начало бизнеса: на начальной стадии проектирования и строительства завода такие зоны подразумевают государственное содействие в подключении коммуникаций, водоснабжения и электроэнергии. После завершения строительства за-

вода больше нет никакой разницы, находится ли компания в особой экономической зоне, или нет.

Изменение города под влиянием международного бизнеса: интернационализация

Основное влияние мультинациональных производственных компаний на развитие города, по мнению всех респондентов, заключается в том, что они являются крупнейшими налогоплательщиками Калужской области. Ценность, которую приносят такие компании, – это высокопроизводительные рабочие места. Топ-менеджеры отметили, что в международных компаниях создается не просто некое количество рабочих мест, а рабочие места высокого качества:

Одна из основных проблем в России в промышленности – это низкая производительность труда. Наши рабочие места высокопроизводительные. И они даже могут служить как бенчмарк на уровне региона для других предприятий.

Также отмечается, что в иностранных автомобильных компаниях, расположенных в России, в частности в Калуге, не ведется деятельность в области НИОКР, тем не менее сотрудники таких компаний имеют доступ к глобальным технологиям, которые эти компании разрабатывают и внедряют. Таким образом, сотрудники международных компаний становятся носителями особых компетенций и технической экспертизы, которые выводят местную рабочую силу на мировой уровень.

Приход международных компаний имел неоднозначные последствия для местного рынка недвижимости: в конце 2000-х – начале 2010-х годов цены на жилье резко взлетели в связи с активным развитием иностранного бизнеса и притоком экспатов. После кризиса 2014–2016 гг. количество экспатов резко уменьшилось (как отмечают респонденты, это связано как с кризисом, так и с тем, что экспаты обычно приезжают в период становления и открытия компании, а когда компания зреет, то рабочие места занимают местные сотрудники), вследствие чего цены на жилье упали и стали в среднем даже ниже, чем в начале 2010-х годов.

С отъездом экспатов также связано закрытие нескольких школ, ведущих образование на иностранных языках, таких как

Французский лицей и Немецкая школа. Сейчас функционирует только одна международная школа. В целом респонденты-экспаты особенно акцентировали внимание на том, что городская администрация не приняла достаточных усилий для создания благоприятных условий для жизни иностранцев в Калуге. Отмечено, что это в том числе способствует отъезду экспатов из России: создавая семью в Калуге, иностранцы часто уезжают обратно в страну происхождения.

Отметим также, что открытие ряда крупных международных компаний в целом значительно повысило уровень жизни в Калуге: с ростом покупательной способности горожан в городе начали открываться новые торговые центры, рестораны, отели, появилась туристическая инфраструктура.

Кроме этого, респонденты особенно отмечают активное спонсорство компаниями различных городских мероприятий: день города, фестивали, марафоны. Одна из крупнейших компаний города – Volkswagen – с более чем 4 тыс. сотрудников пролоббировала открытие международного аэропорта в Калуге для обеспечения регулярного сообщения с Брауншвейгом, где у компании расположен головной офис.

Локальные связи: отношения с органами власти. Во всех интервью в разговоре о том, почему же изначально была выбрана Калуга как место для строительства крупных иностранных производственных компаний, респонденты одинаково отвечали: основной фактор выбора Калуги – это то, что А.Д. Артамонов, губернатор Калужской области с 2000 по 2020 г., дал личные гарантии переговорщикам со стороны иностранных компаний, которые участвовали в этом процессе, что коррупционных проявлений – тех факторов, которые очень часто связывают с деятельностью в России, – в Калужской области точно не будет. По словам респондентов, у губернатора была такая практика: он всегда давал свой личный мобильный телефон руководству компании, и если, например, компания вдруг сталкивалась с такими проявлениями, то можно было звонить непосредственно губернатору и сообщать о них. Так характеризует взаимодействие с Артамоновым один топ-менеджер:

...предыдущий губернатор, господин Артамонов, в принципе иностранные компании притащил сюда. И он с каждым за руку здоровался, всех генеральных директоров знал. Ему всегда можно было позвонить, попросить помощи. Он был хозяйственник.

И этот хозяйственник очень сильно развил город. Он развил эти кластеры.

Респонденты отметили, что новый губернатор В.В. Шашпа сразу после вступления в должность объехал все иностранные предприятия и со всеми лично познакомился. Также В.В. Шашпа посещал все мероприятия во время «ковидного» кризиса 2020 г., обсуждая вопросы возможной помощи предприятиям. Респондентами подчеркивается, что высшая исполнительная власть в городе абсолютно доступна для диалога и решения проблем.

Кроме общения с высшими областными чиновниками, некоторые респонденты отметили, что правительство регулярно организывает круглые столы для топ-менеджеров, носящие полупротокольный характер. Как правило, на них происходят знакомства бизнес-сообщества и обсуждаются текущие проблемы бизнеса в области.

Также существуют неформальные встречи внутри бизнес-сообщества по профессиональному признаку: например, встреча руководителей отделов кадров крупнейших предприятий определенной отрасли промышленности региона. Такие встречи носят регулярный и неформальный характер, где специалисты обсуждают проблемы и возможности развития рынка труда в регионе.

Таким образом, интервью показывают, что неформальное общение является важным элементом бизнес-среды в Калуге. Все респонденты подчеркнули, что неформальное общение с губернатором по мобильному телефону являлось важным каналом связи для наведения порядка и предотвращения коррупционных проявлений, что можно охарактеризовать как специфический кейс в России и в целом в мире. Обычно, имея в виду неформальные связи, подразумевается использование неформального общения с целью миновать законы и извлечь выгоду. В данном же случае такое общение с первым лицом использовалось с целью вернуть ситуацию в правовое поле. В разговорах о неформальном общении с другими представителями власти все респонденты заявили, что никакого неформального общения вне рамок протокольных или полупротокольных мероприятий нет и отметили, что это был бы возврат в 1990-е годы хаоса, когда все важные вопросы решались «в бане», что негативно бы сказалось на развитии любого бизнеса в стране.

Глобальные связи: отношения с главным офисом за границей. Интервью топ-менеджеров показывают, что они сами себя характеризуют как абсолютно самостоятельное предприятие, ра-

ботающее в рамках российской юрисдикции. В то же время, когда в интервью речь заходила об отчетности, выяснялось, что предприятия полностью контролируются из их головных офисов в Европе: формируется и контролируется их стратегия на российском рынке, согласовываются кандидаты на руководящие должности, уровень зарплат персонала, все финансовые операции. Однако интересно посмотреть на эволюцию отношений со штаб-квартирой и особенно их изменение в кризисное время: если в период стабильного развития практикуются ежемесячные отчеты и контроль, то в кризисные моменты – как в 2014–2016 гг., так и в 2020 г. – общение с головным офисом носило ежедневный характер, а финансовая отчетность и планирование – еженедельный.

В рамках текущего «ковидного» кризиса из головного офиса поступают руководства по санитарным мерам, которые должны быть одинаковыми во всех филиалах компании в мире. Кроме этого, специфика автомобильного рынка состоит в том, что ряд деталей для машин доставляется из других стран: таким образом, если предприятие, например в Германии, не работает и не производит нужные калужскому филиалу компоненты, завод в Калуге тоже не сможет работать, даже если национальные санитарные нормы это разрешают.

С определенной долей упрощения можно выстроить схему, иллюстрирующую основных коллективных акторов, участвующих в деятельности иностранной производственной компании в Калуге, и характер взаимодействия между ними.

Рис.

Взаимодействие основных экономических акторов в городе

На рисунке видно, что помимо прямого взаимодействия внутри компании (штаб-квартира и заграничный филиал) и внутри государственной администрации (местный, региональный и федеральный уровни исполнительной власти) удалось установить, что регулярное взаимодействие между компанией и государством осуществляется по уровням. Как на этапе открытия иностранного филиала, так и в период кризиса, взаимодействие между штаб-квартирой компании и федеральными органами власти происходит на регулярной основе. В свою очередь, руководство регионального филиала – в рассматриваемом случае в Калуге – наиболее тесно взаимодействует и ведет переговоры с региональной (областной) администрацией. Таким образом, такое многоуровневое взаимодействие предопределяет формирование специфических социальных связей, в которых руководство филиала в наибольшей степени нарабатывает местный социальный капитал, в то время как главное управление транснациональной компании развивает социальный капитал с федеральным руководством.

Заключение

Все города мира так или иначе связаны друг с другом посредством обмена товарами, услугами, человеческим капиталом, природными ресурсами, создавая глобальную сеть городов. Они соревнуются друг с другом в борьбе за ресурсы, инвестиции, таланты, интегрируясь таким образом в глобальные экономические обмены между городами. Фокус настоящего исследования – на том, что получает конкретный город от интеграции в глобальные экономические сети и как меняются внутригородские процессы, становясь зависимыми от глобальных.

Выбранный кейс с Калугой показал, что удачное экономико-географическое положение и личные гарантии от областного губернатора в безопасности ведения бизнеса – достаточные условия для успешной интеграции города в глобальные экономические сети. Приход международных компаний в Калугу имел различные последствия для города: с одной стороны, повышение уровня жизни и покупательной способности горожан, развитие городской инфраструктуры за счет прихода новых крупных налогоплательщиков, в частности строительство торговых центров, отелей, рес-

торанов, строительство нового жилья и открытие международного аэропорта, которым пользуются и бизнес, и горожане (например, чартерные сезонные рейсы на морские курорты). С другой стороны, с приездом иностранцев-экспатов наблюдался резкий скачок цен на аренду и продажу недвижимости, а также отток квалифицированной рабочей силы в Москву после работы в международных компаниях в Калуге.

Коррупция и незащищенность участников рынка являются одними из основных сдерживающих факторов от иностранного инвестирования в Россию: в Калуге благодаря выстраиванию личных отношений инвестора с губернатором удалось нейтрализовать данный фактор. Однако другие факторы, как, например, политическая и макроэкономическая нестабильность, вне компетенции регионального руководства и, таким образом, остаются значимыми препятствиями в привлечении иностранных инвестиций в российские города.

Также удалось определить, что местные социальные связи не играют ключевой роли в получении экономической помощи от государства в период кризиса: формирование списка отраслей и предприятий, которым полагается государственная поддержка, происходит на федеральном уровне, и там играет роль отраслевое лоббирование, а не местные региональные знакомства. Устойчивое развитие компании и ее резилиентность в Калуге зависят в гораздо большей степени от глобальной стратегии этой компании и координированных действий руководства российского подразделения и штаб-квартиры. Кроме этого, в ходе исследования выяснилось, что особые экономические зоны не способствуют ни устойчивости компании, ни наработке социального капитала фирмы: причем ни с государственными структурами, ни с другими фирмами.

На примере Калуги показано, что личные регулярные контакты представителей международной компании с городской и региональной администрациями принципиально важны для привлечения и удержания иностранных инвестиций в городе, однако недостаточны для повышения устойчивости компаний в период экономических кризисов.

Таким образом, данная статья вносит вклад, с одной стороны, в исследования глобальных корпоративных сетей (Rozenblat, 2010; Krätke, 2014), раскрывая процессы на микроуровне в отдельно выбранном городе, а с другой – в исследования иностранных

инвестиций в российские города (Gurkov, 2016; Gurkov, 2020), применяя сетевой подход. Дальнейшим направлением исследований может стать сравнительный анализ процессов интеграции в глобальные экономические сети Калуги с другими городами России, а также более детальный анализ совместного влияния межгородских (макроуровень) и внутригородских (микроуровень) корпоративных сетей на развитие города как единого организма (мезоуровень).

M.I. Rogov*

**Integration of Russian cities into global economic networks
in 2010–2020**

Abstract. The article presents the network approach to the study of cities; in particular, it substantiates how cities are embedded in global economic networks through corporate networks of major multinational companies. The peculiarities of the integration of Russian cities into global economic networks are revealed, stressing the context of the evolution of inter- and intra-regional inequality over the period from the early 1990 s to 2020. The focus of this study is to analyze the effects of the 2014–2016 economic crisis, caused in part by international economic sanctions, which in turn played an important role in the behavior of multinational companies in Russia and in assessing the attractiveness of the Russian market for further foreign investment.

The empirical part of the paper is done in a case study strategy and focuses on Kaluga, one of Russia's most successful cities in attracting foreign companies. Based on a series of interviews with representatives of foreign automotive cluster companies operating in Kaluga, the main factors of Kaluga's success in attracting foreign investment are identified, as well as opportunities and barriers for the activities of these companies. In particular, it has been determined that a favorable economic and geographic location and personal guarantees from the regional governor for business security are the most important and sufficient conditions for Kaluga's successful integration into global economic networks. It was also possible to determine that local social ties do not play a key role in obtaining economic aid from the state in times of crisis (referring to crises 2014–2016 and 2020-present).

Keywords: city; globalization; regional politics; transnational companies; economic networks; city governance.

For citation: Rogov M.I. Integration of Russian cities into global economic networks (2010–2020). *Political Science (RU)*. 2021, N 4, P. 161–184. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.07>

---

* **Rogov Mikhail**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: Mikhail.i.rogov@gmail.com

References

- Alderson A.S., Beckfield J. Power and position in the world city system. *American journal of sociology*. 2004, Vol. 109, N 4, P. 811–851. DOI: <https://doi.org/10.1086/378930>
- Alderson A., Beckfield J. Globalization and the world city system: preliminary results from a longitudinal data set. In: Taylor P., Derudder, B., Saey P., Witlox F. (eds.) *Cities in globalization: practices, policies and theories*. London : Routledge, 2007, P. 21–36.
- Allen J. Cities of power and influence: settled formations. In: Allen J., Massey D., Pryke M. (eds). *Unsettling cities*. London : Routledge. 1999, P. 182–227.
- Berry B. Cities as systems within systems of cities. *Papers in regional science*. 1964, Vol. 13, N 1, P. 149–163. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01942566>
- Brade I., Rudolph R. Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. *Area*. 2004, Vol. 36, N 1, P. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0004-0894.2004.00306.x>
- Christaller W. Central places in Southern Germany. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1966, 230 p.
- Cohen R.B. The new international division of labour, multinational corporations and urban hierarchy. In: Dear M., Scott A. (eds). *Urbanisation and urban planning in capitalist society*. London : Methuen, 1981, P. 287–315.
- Friedmann J. The world city hypothesis. *Development and change*. 1986, Vol. 17, N 1, P. 69–84. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x>
- Golikova V., Kuznetsov B. Perception of risks associated with economic sanctions: the case of Russian manufacturing. *Post-Soviet affairs*. 2017, Vol. 33, N 1, P. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2016.1195094>
- Gritsai O. Business services and restructuring of urban space in Moscow. *GeoJournal*. 1997, Vol. 42, N 4, P. 365–376. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1006866100356>
- Gurkov I., Morgunov E., Saidov Z., Arshavsky A. Perspectives of manufacturing subsidiaries of foreign companies in Russia: frontier, faubourg or sticks? *Foresight and STI governance*. 2018, Vol. 12, N 2, P. 24–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.2.24.35>
- Gurkov I., Kokorina A., Saidov Z., Balaeva O. Foreign direct investment in a stagnant economy: recent experience of FDI in manufacturing facilities in Russia. *Journal of East-West business*. 2019, Vol. 26, N 2, P. 109–130. DOI: <https://doi.org/10.1080/10669868.2019.1689219>
- Gurkov I. Against the wind – new factories of Russian manufacturing subsidiaries of Western multinational corporations. *Eurasian geography and economics*. 2016, Vol. 57, N 2, P. 161–179. DOI: <https://doi.org/10.1080/15387216.2016.1191366>
- Gurkov I. Location of Russian enterprises of foreign corporations opened in 2012–2018. *Regional research of Russia*. 2020, Vol. 10, N 1, P. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.1134/s2079970520010049>
- Gurvich E., Prilepskiy I. The impact of financial sanctions on the Russian economy. *Russian journal of economics*. 2015, Vol. 1, N 4, P. 359–385. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.02.002>

- Krätke S. How manufacturing industries connect cities across the world: extending research on 'multiple globalizations'. *Global networks*. 2014, Vol. 14, N 2, P. 121–147. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12036>
- Lyakin A.N. Three crises in the Russian economy and one chain of events. *St Petersburg university journal of economic studies*. 2018, Vol. 34, N 1, P. 4–25. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101> (In Russ.)
- Makaryčev A.S. *Islands of globalization: regional Russia and the outside world. Working paper*. Zürich : Center for security studies and conflict research, 2000, 58 p. DOI: <https://doi.org/10.3929/ethz-a-004001783>
- McCann P., Acs Z. Globalization: countries, cities and multinationals. *Regional studies*. 2011, Vol. 45, N 1, P. 17–32. DOI: <https://doi.org/10.1080/00343404.2010.505915>
- Pan F., Bi W., Lenzer J., Zhao S. Mapping urban networks through inter-firm service relationships: the case of China. *Urban Studies*. 2017, N 54 (16), P. 3639–3654. DOI : <https://doi.org/10.1177/0042098016685511>
- Powell W. Neither market nor hierarchy: network form of organization. *Research in Organizational Behavior*. 1990, N 12, P. 295–336.
- Pred A. *City-systems in advanced economies*. London : Hutchinson university library, 1977, 258 p.
- Pumain D. Settlement systems in the evolution. *Geografiska annaler, series b: human geography*. 2000, Vol. 82 B, N 2, P. 73–87. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0467.00075>
- Pumain D. Alternative explanations of hierarchical differentiation in urban systems. In: Pumain D. (ed.). *Hierarchy in natural and social science*. Dordrecht : Springer, 2006, P. 169–222.
- Pumain D. An evolutionary theory of urban systems. In: Rozenblat C., Pumain D., Velasquez E. (eds). *International and transnational perspectives on urban systems. Advances in geographical and environmental sciences*. Singapore : Springer, 2018, P 3–18. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-7799-9_1
- Rogov M., Rozenblat C. Exploring inter-city economic networks under recession: the evolution of Russian cities in multinational firms' networks in 2010–2019. *Submitted*, 2021.
- Rogov M., Rozenblat C. Delineating Russian cities in the perspective of corporate globalization: towards large urban regions. *Cybergeo*. 2020, A. 949, DOI: <https://doi.org/10.4000/cybergeo.35108>
- Rogov M., Rozenblat C. Urban resilience discourse analysis: towards a multi-level approach to cities. *Sustainability*. 2018, Vol. 10, N 12, P. 4431. DOI: <https://doi.org/10.3390/su10124431>
- Rozenblat C. Opening the black box of agglomeration economies for measuring cities' competitiveness through international firm networks. *Urban studies*. 2010, Vol. 47, N 13, P. 2841–2865. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098010377369>
- Rozenblat C. Urban systems between national and global: recent reconfiguration through transnational networks. In: Rozenblat C., Pumain D., Velasquez E. (eds). *International and transnational perspectives on urban systems*. Singapore : Springer, 2018, P. 19–49. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-7799-9_2

- Rozenblat C. Large urban regions of the world (Version 1.4) [Data set]. *Zenodo*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3700052>
- Rozenblat C., Pumain D. The location of multinational firms in the European urban system. *Urban studies*. 1993, Vol. 30, N 10, P. 1691–1709. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420989320081671>
- Rozenblat C., Zaidi F., Bellwald A. The multipolar regionalization of cities in multinational firms' networks. *Global networks*. 2017, Vol. 17, N 2, P. 171–194. DOI: <https://doi.org/10.1111/glob.12130>
- Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton, N.J. : Princeton university press, 2001, 480 p.
- Taylor P.J. Regionality in the world city network. *International social science journal*. 2004, Vol. 56, N 181, P. 361–372. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0020-8701.2004.00499.x>
- Zajac E.J., Olsen C.P. From transaction cost to transaction value analysis: implications for the study of interorganizational strategies. *Journal of Management Studies*. 1993, N 30 (1), P. 131–146.
- Zubarevich N.V. Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010 s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2019, N 4, P. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086904990005814-7> (In Russ.)
- Zubarevich N. Regional dimension of the new Russian crisis. *Voprosy ekonomiki*. 2015, N 4, P. 37–52. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность. – 2019. – № 4. – С. 57–70. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>
- Зубаревич Н.В. Региональная проекция нового российского кризиса. Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 37–52. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-4-37-52>
- Лякин А.Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2018. – Т. 34, № 1. – С. 4–25. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.101>

РАКУРСЫ

А.В. ГЛУХОВА, А.И. КОЛЬБА, А.В. СОКОЛОВ*

ПОЛИТИКО-КОНФЛИКТНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: СЕТЕВЫЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сетевых взаимодействий городских сообществ в условиях политических конфликтов. Теоретические основания исследования разработаны в русле теории политических сетей. В частности, для описания взаимодействий в ходе конфликтов иерархических и сетевых структур используется концепция «гетерархий». Объяснительная модель, предлагаемая авторами, также ориентирована на составляющие сетевого подхода, раскрывающие механизмы и способы формирования политической повестки дня и принятия решений с использованием потенциала политических сетей. Помимо этого, проведен анализ влияния сетевых взаимодействий на развитие городских сообществ.

Эмпирическая составляющая статьи базируется на результатах исследований, проведенных авторами в трех крупных региональных центрах РФ в 2019–

---

* **Глухова Александра Викторовна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), e-mail: avglukhova@mail.ru; **Кольба Алексей Иванович**, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: alivka2000@mail.ru; **Соколов Александр Владимирович**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет (Ярославль, Россия), e-mail: alex8119@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–011–00571 А «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

© Глухова А.В., Кольба А.И.,
Соколов А.В., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.08

2020 гг. Исследование 2019 г. проводилось в формате полуструктурированных экспертных интервью с лидерами городских сообществ в Воронеже, Краснодаре и Ярославле. В 2020 г. в этих же городах был проведен экспертный опрос. Всего было опрошено 34 эксперта, представляющих городские сообщества, органы власти, научные центры, бизнес-структуры и др. По результатам исследований были сделаны выводы о расширении возможностей городских сообществ для участия в принятии решений на муниципальном уровне в рамках сетевых отношений, а также о преобладании конструктивного подхода к взаимодействиям с оппонентами в политико-конфликтных процессах. При этом ограничение их влияния на процессы принятия решений ролью «внимательной публики», которое наблюдается в настоящее время, может способствовать расширению деструктивных, в частности протестных, форм политической активности.

Ключевые слова: городские сообщества; городской конфликт; политические сети; гетерархия; принятие политических решений.

Для цитирования: Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-конфликтные взаимодействия городских сообществ: сетевые аспекты // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 185–209. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08>

Введение

Развитие сетевых практик актуализирует потребность теоретико-методологического осмысления трансформаций, наблюдаемых в городском общественно-политическом пространстве, в котором формируются новые субъекты действий, меняется характер взаимоотношений между субъектами, формируются новые точки взаимодействия и конфронтации. В настоящее время традиционные форматы урегулирования конфликтных ситуаций, закрепленные в законодательстве о местном самоуправлении (публичные слушания, референдумы, обращения в органы власти), во многих случаях являются бессодержательными и не способствуют решению проблем городов по существу. Представительные органы власти в ряде случаев легитимируют решения, уже фактически predetermined городскими администраторами на основе консультаций с бенефициарами тех или иных проектов. Параллельно этим процессам в крупных городах «прорастают» новые структуры принятия решений, имеющие сетевой характер. Борьба в городских конфликтах во многом разворачивается по сценариям, связанным с обеспечением доступа к центрам принятия решений. Городские сообщества, весьма активные в крупных городах, являются одним

из субъектов, претендующих на активное участие в процессе принятия решений по ключевым вопросам, касающимся жизни городского социума.

В этих условиях логично рассматривать сетевые составляющие их политико-конфликтных взаимодействий с другими субъектами городского пространства в качестве объекта исследования. Мы исходим из того, что участники городских конфликтов представляют собой политическое сообщество (*policy communities*) – совокупность акторов, которые объединяются вокруг проблемной области и разделяют общий интерес в формировании ее развития. Оно делится на две группы: «внимательная публика», которая в основном наблюдает за развитием событий, и «субправительство», включающее в себя тех акторов, которые активно включены в принятие решений. Термин «политическая сеть» (*policy networks*) отражает структурные или властные отношения между субъектами субправительства этого политического сообщества [Skogstad, 2005]. Городские конфликты в этом контексте рассматриваются как борьба внутри данного политического сообщества за доступ к механизмам принятия решений по поводу проблем развития города, а также борьба в ходе принятия конкретных решений.

В рамках данной работы мы хотели бы выявить значение подобных взаимодействий в конфликте и их влияние на его результаты. Кроме того, существенный интерес представляют основания взаимодействия иерархических и сетевых структур при принятии решений в условиях конфликта и возможности, открываемые в рамках сетевых взаимодействий для городских сообществ как субъектов конфликтов. Данные, полученные в ходе эмпирических исследований, дают возможность проверить гипотезу о позитивном влиянии использования данного типа взаимодействий на рост влияния городских сообществ в урегулировании конфликтных ситуаций.

Гражданское общество и государство в конфликтной парадигме: роль сетевых структур

История становления конфликтологического знания отчетливо демонстрирует тесную взаимосвязь между происходившими общественными процессами и их осмыслением в рамках того или

инного теоретико-методологического подхода. Феномен конфликта выдвигался в центр научного интереса, как правило, в кризисные периоды, сопровождавшиеся высокими темпами социально-политической динамики [Глухова, 2010]. В периоды стабильного, спокойного развития проблематика конфликтов маргинализировалась, отодвигалась на периферию общественного внимания. Главным вопросом, определявшим магистральную линию развития конфликтологического знания, оставался вопрос о том, как возможно целостное существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение.

Доминирующей позицией на протяжении длительного исторического периода – вплоть до середины XIX в. – оставалась позиция порядка, рассматриваемого в рамках равновесной модели общества. Такая оптика общественных отношений в немалой степени определялась тем, что государство и гражданское общество воспринимались как единое целое, как определенный тип социальной общности, ставящей своих членов в положение зависимости от законов и таким образом обеспечивающей мир между ними и хорошее управление. С развитием капитализма в Европе гражданское общество начинает трактоваться как сфера свободной и частной собственности, являющейся вместе с тем источником противоречий между индивидами, а государство – как сила, сдерживающая эти противоречия, даже ценой некоторого ограничения свободы.

Отражением реального состояния общественных процессов стали парадигма равновесия и парадигма конфликта. Теории равновесия, при всех их многочисленных разновидностях¹, рассматривают практическое осуществление власти как процесс обмена, включающий всех граждан в рамках общественной системы, компоненты которой находятся в состоянии равновесия [Дарендорф, 2002, с. 411]. Если же интерпретировать власть / господство как средство принуждения, она станет центральной категорией при анализе неизменности и изменения, статики и динамики общественной системы. Власть неравным образом распределена и потому

---

¹ Речь идет об основном течении социологической мысли от О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, В. Парето, М. Вебера до Т. Парсонса, характеризовавшемся безоговорочным предпочтением общественного порядка и согласия, а не конфликтов и изменений.

остается непрерывным источником противоречий. «Из всех ситуаций ситуация равновесия наименее правдоподобна, это скорее редкий случай, чем правило, и равновесие вряд ли достигается, если эту случайность возводят в ранг основной посылки теории. Диалектика господства и сопротивления определяет ритм и направленность изменений» [Дарендорф, 2002, с. 413].

Подход Р. Дарендорфа – одного из классиков конфликтологии – разделяется многими отечественными авторами. По мнению А.И. Соловьева, в современном мире большинство проблем в организации социальной жизни в конечном счете произрастает из отношений государства и общества, т.е. тех исторических акторов, которых одни ученые рассматривают как извечных антагонистов, а другие – как органических партнеров. Впрочем, разные исторические коллизии заставляют больше склоняться чашу весов к конфликтным коммуникациям [Соловьев, 2018, с. 6]. При этом нынешняя ситуация создает особую сложность в поиске наиболее релевантного образа государства, включая его редуцирование к локальным формам самоорганизации сообществ, находящихся на различных стадиях своего развития. Причиной функциональной волатильности государства в его отношениях с обществом, отмечает А.И. Соловьев, являются «генетические конфликты» в сфере власти, обусловленные ее сложносоставной природой. «Власть как механизм принудительного регулирования, присущий всем типам и разновидностям общественных отношений, способна существовать только в полицентричной форме, распыленной по различным локальным площадкам социального взаимодействия», – полагает автор [Соловьев, 2018, с. 8–9]. Публичная форма организации власти также сохраняет эту структурную асимметрию. Конфликт самоосуществления власти выражен в каждый конкретный момент в том или ином структурном равновесии, которое является следствием конкуренции локальных центров власти, побочным продуктом борьбы за доминирующее местоположение, за официальные диспозиции, позволяющие наладить собственное распределение ресурсов в обществе [Соловьев, 2018, с. 9].

Таким образом, сама природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную стороны. Неспособность единого (официального) центра силы подчинить себе локальные

центры власти ведет к тому, что структуры частичной самоорганизации создают особую конфигурацию социального порядка – слабо организованную анархию. В этих условиях значимую роль в принятии решений играют сетевые элитные коалиции, обладающие тремя основными признаками: наличием заинтересованности в решении той или иной проблемы, обладанием профильных (для решения задачи и дефицитных для государства) ресурсов и возможностью встраивания в цепочки фактического целеполагания, прежде всего влияя на «узлы решений» [Соловьев, 2018, с. 13–14].

Теоретик коммуникативного подхода М. Кастельс обращает внимание на то, что властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью. «И власть, и контрвласть в значительной мере зависят от исхода схватки за власть над умами людей, разворачивающейся в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. Власть обеспечивают институты. А контрвласть чаще всего реализуется благодаря росту социальных движений» [Кастельс, 2017, с. 35]. Тем самым цифровые сети коммуникации становятся преобладающей формой опосредованной человеческой интеракции. При этом сохраняется и даже расширяется фронт в взаимоотношениях государства и общества, т.е. зона неопределенности, слабо регулируемая и законодательными, и информационно-символическими, и ментальными инструментами [Фронт сетевых обществ..., 2017]. Ее заполнение, в том числе и на уровне городской публичной политики, происходит за счет взаимодействия вертикальных и сетевых структур управления.

Взаимодействие сетей и иерархий в принятии решений в условиях конфликта на городском уровне

Проблема взаимодействия традиционных иерархических структур государственного и муниципального управления и сетевых структур является одной из ключевых при рассмотрении политико-управленческого потенциала последних. Во многих исследованиях она описывается на основе концепта «гетерархии», которая рассматривается как отношение друг к другу элементов, не имеющих ранга или обладающих потенциалом ранжирования несколькими способами [Crumley, 1995]. Она представляет собой

организационный диссонанс, порождающий новые комбинации ресурсов, недоступные вертикальным образованиям [Михайлова, 2014, с. 65]. Выделяют нисходящую и восходящую модели формирования гетерархий, где инициативу берут на себя властные и общественные структуры соответственно [Мирошниченко, Рябенко, Морозова, 2015]. Таким образом, гетерархии в сфере публичного управления призваны обеспечить сочетание вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных, групповых и индивидуальных связей, обеспечивая его гибкость и адаптивность к новым условиям. При распространении логики этих обобщений на конфликтные ситуации, возникающие на различных уровнях системы публичного управления, она должна допускать участие различных сетевых акторов в принятии решений относительно проблемы, вызвавшей конфликт. Однако политико-управленческая практика показывает, что это происходит далеко не всегда.

Сложившиеся взаимосвязи, в том числе и ранее практиковавшиеся и доказавшие свою эффективность, зачастую игнорируются органами власти, как и стремления отдельных акторов реализовать свои интересы в условиях конфликта. Такое поведение в публичном пространстве в итоге приводит к повышению напряженности [Осипов, 2018, с. 165] и, как следствие, эскалации конфликта, которая часто становится единственной возможностью привлечь внимание к ущемлению их прав и возможностей. Исходя из этого, можно утверждать, что само по себе включение сетевых акторов в систему принятия решений не гарантирует возможности влиять на них. Многое зависит от их значимости в структуре политического сообщества. Доминирующими здесь оказываются политико-административные сетевые коалиции, объединяющие собственников и контролеров крупных общественных ресурсов, что ведет к росту численности политических аутсайдеров, на которых списываются издержки проводимой политики [Соловьев, 2019]. Для других участников сетевого взаимодействия оно, по сути, приобретает имитационный характер; более того – могут активироваться «пустотелые» сети, в которых они сохраняют в лучшем случае совещательные позиции, в худшем – будут принуждаться к взаимодействию [Михайлова, 2016, с. 7–8].

Экстраполируя эти процессы на уровень городской политики и присущих ей конфликтов, можно отметить, что последние возникают, прежде всего, на почве несовпадения интересов раз-

личных субъектов при решении проблем локального уровня, формирующихся в его социальном пространстве. Поскольку субъектами их принятия выступают органы местного самоуправления, разворачивается борьба за доступ к околовластным площадкам, где данные решения формируются. При анализе системы политических взаимоотношений в городах мы можем увидеть наличие и нисходящих, и восходящих инициатив по созданию связей между иерархическими и сетевыми структурами. В числе первых можно отметить формирование общественных советов при органах МСУ по различным вопросам городского развития. Вторые представлены общественными движениями и проектами, исходящими от городских сообществ и гражданских активистов. Наличие в сфере публичной политики механизмов для онлайн- и офлайн- взаимодействия, казалось бы, позволяет сформировать гетерархии, способствующие преобразованию конфликтов в формате «выигрыш – выигрыш». Однако реальные результаты подобных конфликтов, которые мы можем наблюдать, в частности, рассматривая опыт крупных российских городов, сводятся не просто к ущемлению интересов отдельных сегментов населения, но и к общему снижению качества их развития. Бенефициарами принимаемых решений выступают, прежде всего, девелоперские компании, ведущие деятельность по освоению городского пространства [Тыканова, 2017]. Горожане же играют роль «внимательной публики».

На наш взгляд, одной из важных причин, обуславливающих такое положение вещей, является модель взаимодействия бизнеса и общественности с органами МСУ, которую мы ранее обозначили как модель «экспертного совета» [Глухова, Кольба, Соколов, 2018]. Ее сущностью является разделение договоренностей, достигаемых властью с бизнесом и с горожанами. При слабости механизмов политической ответственности городских властей по отношению к последним, гражданские активисты и городские сообщества могут в основном претендовать на участие в формировании «дискурсивной повестки», но не «повестки-плана», а также выступать в качестве объекта манипуляций при формировании «терапевтической повестки» (в терминологии А.И. Соловьёва). Таким образом, как отмечает этот исследователь, власти слышат высказанные позиции только в рамках собственных социально-политических измерений [Соловьев, 2020]. Подобный формат институционализации городских конфликтов блокирует возможно-

сти коллаборативного планирования в рамках представительных органов местного самоуправления, общественных советов, публичных слушаний.

Шанс на открытие доступа к принятию решений у общественных структур появляется в том случае, если они могут усилить свои позиции в конфликте, в частности повысить свой ранг за счет объединения ресурсов. Это создает перспективы расширения сетевых взаимодействий между ними.

Формирование новых сетевых субъектов городских конфликтов и новых взаимосвязей

Усложнение социума в общем и городского пространства в частности приводит к формированию новых отношений и субъектов [Plucinski, 2018]. Здесь можно отметить деятельность множества различных гражданских (общественных) объединений, политических партий, клубов по интересам, волонтерских групп и т.д. Функционируя в едином пространстве, они начинают интенсивно взаимодействовать друг с другом, с органами власти, другими субъектами городской среды с целью продвижения и защиты собственных интересов [Jacobsson, 2016]. В результате своей активной деятельности, использования законодательно закрепленных процедур городские сообщества и движения оказывают существенное влияние на процесс принятия решений по значимым вопросам городской жизни [Bitušiková, 2015]. Как отмечают исследователи, подобное включение городских сообществ способствует, с одной стороны, развитию демократических процедур и практик, а с другой – приводит к возникновению конфликтов, так как артикулируются и претворяются в жизнь интересы различных, иногда противоречащих друг другу, групп [Staeheli, 2003]. В связи с этим город и городское пространство могут рассматриваться как арена для социальной мобилизации и взаимодействия различных городских сообществ и групп [Domaradzka, 2018].

При этом одни городские сообщества в процессе отстаивания своих интересов выбирают стратегию конфронтации и протестных действий, а другие самоорганизуются, структурируются и включаются в качестве значимых профессиональных институциональных субъектов в процесс принятия решений на городском

уровне [Jacobsson, Saxonberg, 2013]. Среди первых можно привести примеры градозащитников и экологов. Даже будучи вовлеченными в институциональные структуры, они используют, в первую очередь, конфронтационные форматы работы, так как вынуждены реагировать на проблемные ситуации с застройкой территорий, защитой парковых зон, привлекать внимание к ущербу, наносимому окружающей среде. Только яркий и массовый протест может привлечь внимание к неожиданно возникшим подобным ситуациям, подвигнуть власти учитывать интересы горожан и членов сообществ.

Такие же сообщества, как предприниматели, автолюбители, владельцы домашних животных и представители других клубов по интересам, чьи проблемы не являются спонтанными, касаются системных аспектов функционирования городского пространства, готовы к институционализации взаимодействия с властью и длительной выработке решений, устраивающих заинтересованные стороны.

Постепенно формируется множественность субъектов городского пространства, каждый из которых (ТСЖ, градозащитники, общественные объединения, скваттеры, культурные объединения, собственники недвижимости) имеет собственные цели, но в ситуациях необходимости защиты своего пространства вступают в коалиции, объединяются, и меняют ранее существовавшие балансы сил, позволяя повысить значимость и вероятность обеспечения защиты интересов горожан [Florea, Gagy, Jacobsson, 2018].

А. Домарадзка формулирует собственную классификацию сообществ и гражданских групп, которые функционируют в городском пространстве.

1. Группы, борющиеся за социально-экономические права (профсоюзы, объединения безработных, объединения маргинализированных граждан, объединения социальных предпринимателей).

2. Группы, борющиеся за жилищные права (скваттеры, объединения нанимателей жилья, активисты ТСЖ и др.).

3. Группы, борющиеся за гражданские и политические права (избирательные комитеты, группы по отстаиванию интересов и др.).

4. Группы, борющиеся за защиту окружающей среды (экологические общественные организации, продовольственные кооперативы и др.).

5. Группы, борющиеся за культурные права (этнические и религиозные объединения, культурные объединения, защитники исторического наследия и др.).

6. Группы, борющиеся за права инвесторов (объединения инвесторов и домовладельцев) [Domaradzka, 2018].

Значимость данных групп постоянно возрастает, в связи с чем был сформулирован концепт «глокализации», характеризующий, в том числе, выстраивание сетей и партнерств в городском пространстве вследствие процессов мобилизации горожан [Gobo, 2016].

Активизация городского пространства, формирование в нем множества субъектов (в том числе посредством повышения субъектности городских сообществ) предопределила формирование нового дискурса: «Чьим является город?» [Sassen, 1996]. Тем самым городские сообщества могут формировать свою повестку, привлекать внимание к своим потребностям и требованиям, противостоять коммерциализации городской среды. Находя общие интересы, городские сообщества выстраивают партнерства и коалиции с целью защиты собственных интересов, и в то же время вступают в конфликты с теми субъектами городского пространства, чьим целям они хотят противостоять. Данные процессы существенно усложняют городскую жизнь, стимулируют процессы группосозидания и формирования субъектности акторов.

Значительное влияние на эти процессы оказывает развитие информационно-коммуникативных технологий, которые упрощают коммуникацию между гражданами, позволяют им формировать и усиливать человеческий капитал, эффективно организовывать коллективные действия по отстаиванию своих интересов и законных прав [Bennett, Segerberg, 2013]. Новые технологии позволяют легче мобилизовать граждан в коллективные действия, тем самым формируют значимые объединения, с которыми вынуждены считаться органы власти. Фактически это приводит к формированию в городском пространстве новых субъектов – объединений граждан. Ранее, не имея возможности легко объединяться, обмениваться информацией, координировать совместные действия, граждане оказывались легко игнорируемыми и ущемляемыми категориями. Теперь они относительно легко объединяются, выстраивают коммуникацию и выступают значимыми субъектами информационного пространства, а затем и социально-политического пространства города.

Само по себе объединение граждан происходит по различным принципам, критериям. Однако объединившись, начав совместную деятельность, граждане формируют свою групповую идентичность, осознают общность интересов и необходимость их защиты. При этом исследования демонстрируют четкую взаимосвязь: чем сильнее идентификация с группой, тем больше стремление действовать в защиту группы [Stürmer, Simon, 2009]. В связи с этим принципиально важным становится желание членов группы вносить собственный вклад в ее функционирование, защиту ее интересов [Опп, 2012].

При этом чувство идентичности, иницируя процесс коллективного действия, способствует в конечном итоге и структурированию группы [Drury, Reicher, Stott, 1999], формированию у нее значимой субъектности [Ranciere, 1999]. Данная субъектность является следствием осознания наличия прав, интересов, возможности высказывания своих требований, которые должны быть учтены в процессе принятия решений органами власти.

В то же время важно отметить, что и сами по себе коллективные и совместные действия граждан способствуют формированию объединений по интересам, а также идентичности. Тем самым наблюдается значимый процесс – идентичность и коллективные действия усиливают друг друга [Klandermans, 2014].

Развитие ИКТ изменило сущность взаимодействия активистов. Оно постепенно трансформировалось от иерархичных систем к сетевым [Heijden, 2014]. Сетевые структуры более эффективны в процессе производства ценностей, обмена информацией и ресурсами, так как они позволяют гражданам выбирать степень и форматы вовлеченности в коллективные действия.

Вместе с тем нельзя не отметить, что сетевое взаимодействие не предполагает полностью «плоской» организационной структуры. В ней постепенно выявляются ключевые коммуникационные узлы (лидеры), которые координируют участников, осуществляют генерирование и транслирование контента [Diani, 2000].

Объединяясь, граждане формируют механизмы взаимодействия, коммуникации, символические практики с целью обеспечения защиты собственных интересов и влияния на других значимых субъектов социально-политического пространства [McAdam, McCarthy, Zald, 1996].

При этом существует достаточно много исследований, которые доказывают значимость интернет-инструментов в процессе отстаивания объединениями граждан своих интересов (посредством облегчения мобилизации сторонников, упрощения доступа к обмену информацией), в результате чего они становятся неотъемлемым элементом организационной структуры [Brady, Verba, Schlozman, 1995; Tufekci, 2014]¹.

Интернет стал значимым инструментом самоорганизации горожан, выступив важным стимулом развития сетевых практик в городском пространстве. Коммуникация и взаимодействие граждан в Интернете приводят к формированию новых сообществ, члены которых в обычной жизни никогда не взаимодействовали и даже не были знакомы. В социальных сетях формируются специфические виртуальные пространства с собственной информационной повесткой, активными дискуссиями [Cho et al., 2009], на которые вынуждены реагировать органы власти.

Таким образом, можно говорить о том, что Интернет и его возможности существенным образом развивают и дополняют инструментарий для самоорганизации граждан, организации и осуществления ими коллективных действий, формирования альтернативной субъектности в социально-политическом пространстве [Burt, 2005].

При этом сообщества граждан зачастую оказываются более эффективными в цифровом пространстве, чем органы власти и другие субъекты, с которыми они вступают в конфликт. Как отмечает С.В. Володенков, в Интернете не существует цифрового равенства [Володенков, 2018], и необходимо постоянно предпринимать усилия для продвижения в информационном пространстве, обеспечения доминирования собственной позиции и точки зрения.

---

¹ См. также: Tufekci Z. Capabilities of movements and affordances of digital media: paradoxes of empowerment // DML Central. – 2014. – Mode of access: <https://dmlcentral.net/capabilities-of-movements-and-affordances-of-digital-media-paradoxes-of-empowerment/> (accessed: 01.07.2021).

Методология исследования

В 2019–2020 гг. авторами статьи были проведены исследования, направленные, в том числе, и на выявление потенциала сетевых взаимодействий конфликтующих городских сообществ.

Исследование 2019 г. проводилось в форме полуструктурированных экспертных интервью с лидерами сообществ в трех крупных региональных центрах России: Воронеже, Краснодаре, Ярославле. В числе блоков вопросов были затронуты и проблемы взаимодействия сообществ с политическими институтами на городском и региональном уровне, а также роль новых средств коммуникации в этих процессах.

В 2020 г. авторами было проведено исследование в формате экспертного опроса в указанных городах. Всего было опрошено 34 эксперта, представляющих городские сообщества, некоммерческие организации и гражданские инициативы, органы власти регионального и местного уровня, бизнес-структуры, академическую среду (в Ярославле было опрошено 13 экспертов, в Воронеже – 10, в Краснодаре – 11).

Одним из ключевых исследовательских вопросов в обоих исследованиях было выявление роли сетевых взаимодействий в деятельности конфликтующих городских сообществ.

Опрошенными респондентами стали эксперты, обладающие необходимым уровнем компетентности, что связано с их включенностью в процессы функционирования городских сообществ, либо взаимодействия с городскими сообществами. Осведомленность по проблемам исследования стала главным критерием при выборе участников опроса. Экспертами исследования стали сотрудники региональных и местных органов власти, ученые, бизнесмены, члены и руководители общественных организаций, политических партий, представители СМИ и др.

Использованный метод независимых характеристик позволил обработать собранные данные таким образом, чтобы каждое описываемое явление получило обобщенную оценку на основе собранных разных мнений независимых экспертов. В рамках исследования были реализованы три этапа. Первый этап заключался в выявлении и соотнесении мнений экспертов, второй – в обработке собранных данных с помощью статистических проце-

дур для определения позиций экспертов, на третьем этапе формулировались выводы.

Сетевые взаимодействия городских сообществ в условиях конфликта: эмпирический ракурс

При проведении интервью 2019 г. лидерам сообществ задавались вопросы тематического блока о формировании сообществ (Есть ли в сообществе выраженные лидеры? Имеется ли в сообществе выраженная иерархия (лидеры управляют) или преобладают горизонтальные связи (участники равны)? Насколько четко обозначены границы сообщества?)

Анализ мнений участников интервью показывает, что для успешного функционирования сообщества важно наличие ядра (от двух до десяти человек). Лидерство характеризуется как неформальное, ситуативное. В сообществах преобладают структуры, основанные на горизонтальных связях (горизонтальный социальный контракт), позволяющие распределять функции между участниками. При этом неформальные лидеры фактически обладают более высоким статусом, так как за счет доступных ресурсов (информация, опыт гражданской деятельности, знание технологий взаимодействия и др.) они определяют и задают как направление, так и скорость развития городских сообществ.

Отдельный блок вопросов был посвящен взаимодействию с политическими институтами и лидерами. (Как локальные сообщества взаимодействуют с политическими институтами? Принимают ли лидеры и члены локальных сообществ активное участие в политической деятельности? Каким образом они становятся участниками политической жизни?) Ответы демонстрируют различную степень вовлеченности городских сообществ в такие взаимодействия:

– Взаимодействие [с политическими институтами] – скорее исключение... <...> Все созданные для этого площадки – советы и палаты заняты «формальными» людьми, которые о реальной картине в обществе не знают, и им знать не надо (эксперт, Воронеж).

– Мы активно взаимодействуем с органами местного самоуправления и принимаем участие в разного рода комиссиях и дискуссиях (эксперт, Воронеж).

– Сообщества пытаются донести до власти свои мысли и интересы. Иногда и сообщества могут быть нужны политическим институтам, но только в качестве передатчика информации (эксперт, Ярославль).

– Есть «карманная» общественность, а есть настоящая (эксперт, Краснодар).

– Если говорить про органы власти, то они достаточно контактны, однако после того как сообщество дорастает до определенного уровня. Особенно это заметно, когда сообщество начинает быть интересно самой власти, например, для распространения информации или проверки собственных решений (эксперт, Ярославль).

Таким образом, городские сообщества, как правило, включаются во взаимодействие с властными структурами (шире – с политическими институтами в целом) в тех случаях, когда они представляют для последних какой-либо практический интерес. Если такового не обнаруживается, устремления горожан могут игнорироваться.

Еще один блок вопросов был посвящен каналам коммуникаций (Какими информационными каналами преимущественно пользуется локальное сообщество: для продвижения своих интересов? Для получения информации о себе самом? Для получения информации из окружающей среды, о политике? Насколько важно получение такой информации для сообщества?). Интересно, что коммуникации зачастую воспринимаются лидерами сообществ как сетевые взаимодействия и значимы, прежде всего, в контексте отношений внутри сообщества и использования социальных сетей, преимущественно для распространения информации:

– Интернет в значительной степени изменил сообщества. Он добавил огромный коммуникативный плюс для реальных сообществ, а еще дал возможность появиться виртуальным сообществам (эксперт, Ярославль).

– Основным источником Интернет я бы не назвал. Он как бы витрина, на которую поступает информация от реальных людей (эксперт, Ярославль).

– Новые технологии сказываются, прежде всего, на появлении публикаций с большим количеством видеоконтента (эксперт, Воронеж).

– *Нужно присутствие сообществ в сети. А где им тогда делиться? Главное, чтобы они выносили информацию о событиях* (эксперт, Краснодар).

В качестве основных аспектов сетевых взаимодействий здесь фигурируют внутренняя и внешняя коммуникация, распространение информации, важной для сообществ. Это подтверждает их включенность, прежде всего, в дискурсивные практики, без привязки к оценке эффективности воздействия на решение той или иной проблемы. Важно подчеркнуть, что сеть для интервьюируемых – это, прежде всего, пространство Интернета.

К наиболее важным источникам и каналам распространения информации относятся Интернет, социальные сети, в которых представлены узловые коммуникаторы – члены сообщества, личные контакты.

Отдельный блок вопросов был посвящен участию сообществ в конфликтах и его эффектам (Часто ли вашему сообществу приходится участвовать в конфликтах? По поводу чего эти конфликты происходят? Какие формы участия в конфликтах преобладают? Каких результатов удастся добиться по итогам конфликтов? Как сказывается участие сообществ в конфликтах на их деятельности?).

Результаты опроса показывают, что конфликтная повестка играет большую роль в жизнедеятельности сообществ. Наиболее распространены конфликты городских сообществ с местными властями. Основной формой конфликтования является публичная апелляция к органам власти различного уровня (коллективные обращения, распространяемые через социальные сети). Распространены также публичный протест, сбор подписей, митинги, прекращение диалога. Лидеры сообществ отмечают, что публичный протест рассматривается как крайняя мера, использование которой несет высокие риски для участников.

В ходе исследования были выявлены как позитивные для сообществ (решение проблемы в пользу сообщества, популяризация его деятельности, улучшение репутации), так и негативные (трата ресурсов без достижения цели, раскол сообщества, снижение активности сообщества после конфликта) результаты конфликтования.

Исследование 2020 г. разрабатывалось с опорой на данные, полученные в предыдущем году. В экспертном опросе использовались преимущественно закрытые и полужакрытые вопросы. В частности, эксперты должны были оценить значимость различ-

ных каналов вовлечения сторонников в ходе конфликтов с участием городских сообществ. Среди важнейших из них были особо выделены группы в социальных сетях, мессенджерах. Также средства взаимодействия в сети Интернет были отмечены как важные для внешних (публичные интернет-каналы, открытые группы в социальных сетях и др.) и внутренних (непубличные интернет-каналы, закрытые группы в социальных сетях и др.) коммуникаций сообществ. Оценивая полученные данные, важно подчеркнуть, что тематика сетевых взаимодействий вызывает у большинства экспертов устойчивые ассоциации с коммуникациями в социальных сетях Интернета (как и в интервью 2019 г.), т.е. само понятие сети приравнивается к возможности взаимодействовать онлайн. При этом большинство экспертов указали на необходимость развития двухуровневых городских сообществ, где отдельные территориальные группы объединяются с общегородскими структурами, выполняющими роль координаторов.

Оценивая влияние конфликтов на активность городских сообществ в публичной сфере, эксперты выразили практически полное единодушие в том, что конфликты не могут оставаться на периферии их функционирования. При этом характер их влияния остается дискуссионным вопросом. Большая часть экспертов оценивают его позитивно («конфликты являются главным фактором формирования, роста и развития сообществ», «способствуют развитию сообществ», «способствуют формированию новых сообществ в городском пространстве»). Однако значительна доля и тех, кто видит возможность разрушения слабых сообществ, а также снижения активности сообщества в ситуации конфликта. Участие сообществ в городских конфликтах, особенно если оно было в достаточной степени успешным, дает стимулы для дальнейшего функционирования, но в то же время может остаться лишь эпизодом.

Оценивая динамику изменения влияния городских сообществ на разрешение городских проблем, большинство экспертов отметили, что сообщества стали сильнее влиять на данный процесс, а сам характер воздействия стал более конструктивным. Наибольшее же влияние городские сообщества, по мнению экспертов, получили в решении экологических проблем и развитии общественных пространств. Помимо этого, менее половины экспертов заметили значимость сообществ в вопросах развития городской инфраструктуры и упорядочивания градостроения.

Вместе с этим, если ориентироваться на оценки экспертов, сообщества стали реже пытаться влиять на формирование органов муниципальной власти, заниматься символической составляющей развития города. Развитие сообществ (выражающееся как в увеличении численности их членов, численности самих сообществ в городском пространстве, так и в росте их влияния на процесс принятия решения в городском социуме) во многом обусловлено использованием интернет-коммуникаций, позволяющих им активно применять информационные ресурсы. Ограничения их роста во многом связаны с низким уровнем их интеграции в политические процессы города.

Выводы

В рамках представленного исследования была обоснована применимость отдельных положений и концептов теории политических сетей к исследованию политико-конфликтных взаимодействий городских сообществ. На наш взгляд, они доказывают свою эффективность для анализа городских конфликтов, поскольку отношения участников последних во многом имеют сетевой характер. Следующим шагом в этом направлении исследований должна стать разработка собственно сетевого инструментария, позволяющего собирать и обрабатывать эмпирический материал. Подобные попытки уже предпринимались рядом исследователей поля локальной политики, в частности, коллективом под руководством И.В. Мирошниченко [см., например: Мирошниченко, Рябченко, 2015], и их следует развивать.

Возможности, связанные с использованием городскими сообществами сетевых взаимодействий в ходе конфликта, обусловлены спецификой взаимодействия общества и государства. Они являются субъектами *policy communities* крупных городов, а их лидеры и активисты претендуют на вхождение в состав «субправительств». Это позволяет сообществам взаимодействовать с иерархическими структурами городского управления, оказывать влияние на действия оппонентов и принятие решений относительно предмета конфликтных отношений. Деятельность сообществ поддерживается в первую очередь офлайн, однако взаимодействие в сети Интернет для всех сообществ является важным фактором

существования. Сообщества, как правило, сочетают онлайн- и офлайн-проекции.

В городских конфликтах одной из ключевых проблем политического управления конфликтной ситуацией является доступ к принятию решений по вопросам развития городов. Как показал анализ ситуации в трех крупных региональных центрах современной России, сложившиеся конфигурации сетевых отношений между основными субъектами конфликтов (городские сообщества, деловой бизнес, власть) дают значительные преимущества коммерческим структурам, обладающим существенными ресурсами влияния и зачастую аффилированными с органами власти. Сообщества, стремясь более активно влиять на процессы развития города, действуют преимущественно в пространстве дискурса о городских проблемах, а не принятия решений как таковых. Политические институты, прежде всего местные органы власти, воспринимаются ими в большинстве случаев как оппонент, но коммуникации с ними необходимы. Преобладают конвенциональные каналы и средства политической коммуникации: публичные слушания, обращения, участие в выборах. Отмечается рост заинтересованности политических структур, в том числе партий, в вовлечении городских активистов в свою деятельность, в том числе выдвижении в качестве кандидатов для участия в местных выборах.

Сетевые взаимодействия дают возможность повысить роль сообществ в определении перспектив развития городов. С распространением различных форм интернет-коммуникации для активистов, представляющих их в публичном пространстве, открываются новые каналы активизации существующих сообществ и создания новых каналов в онлайн-пространстве, а также формирования сетевых коалиций. Мобилизация и рекрутирование в сообществах происходят преимущественно через интернет-каналы (социальные сети, мессенджеры) и личные контакты. Развитие субъектности сообщества расширяет возможности конструктивного оппонирования и в конечном итоге подразумевает их интеграцию в систему принятия решений относительно наиболее значимых проблем городского развития.

Эмпирическое исследование также показало, что городские сообщества имеют преимущественно конструктивные установки в конфликтах и нацелены на решение проблем по существу. Эскалация конфликтов, дестабилизация политической ситуации на мест-

ном уровне не входят в число приоритетов как на уровне выбора стратегии, так и тактики взаимодействия с оппонентами. В то же время ощущается выраженный недостаток институциональных возможностей для реализации гражданской и политической активности членов сообществ, обеспечения участия в принятии решений по значимым для города проблемам. Ограничения форматов активности, связанные с нежеланием лидеров сообществ обострять конфликты, не позволяют существенно изменять повестку, задаваемую городскими властями. В связи с общим ростом протестной активности в крупных городах РФ это может привести к смещению центра тяжести взаимодействий в сторону более деструктивных форм. В свою очередь, активное развитие деятельности городских сообществ в данном направлении связано с распространением длительных и острых городских конфликтов, раскалывающих городское пространство в силу того, что при попытках политизации конфликта органы власти реже идут на контакт с лидерами городского сообщества.

A.V. Glukhova, A.I. Kolba, A.V. Sokolov*

Political conflict interactions of urban communities: network aspects¹

Abstract. The article deals with the problems of network interactions of urban communities in the context of political conflicts. The theoretical foundations of the study are developed in line with the theory of political networks. In particular, the concept of “heterarchies” is used to describe interactions in the course of conflicts between hierarchical and network structures. The explanatory model proposed by the authors is also focused on the components of the network approach, revealing the mechanisms and ways of shaping the political agenda and making decisions using the potential of political networks. In addition, an analysis of the impact of network interactions on the development of urban communities was carried out.

The empirical component of the article is based on the results of research conducted by the authors in three large regional centers of the Russian Federation in 2019–2020. The 2019 study was conducted in the format of semi-structured expert interviews

---

* **Glukhova Aleksandra**, Voronezh State University (Voronezh, Russia), e-mail: avglukhova@mail.ru; **Kolba Alexey**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: alivka2000@mail.ru; **Sokolov Aleksandr**, Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia), e-mail: alex8119@mail.ru

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project number 19-011-00571 A.

with leaders of urban communities in Voronezh, Krasnodar and Yaroslavl. In 2020, an expert survey was conducted in the same cities. In total, 34 experts were interviewed, representing urban communities, authorities, research centers, business structures, etc. Based on the results of the research, conclusions were drawn about the empowerment of urban communities to participate in decision-making at the municipal level within the framework of network relations, as well as the prevalence of a constructive approach to interactions with opponents in political conflict processes. At the same time, limiting their influence on decision-making processes to the role of the “attentive public”, which is observed at the present time, can contribute to the expansion of destructive, in particular, protest forms of political activity.

Keywords: urban communities; urban conflict; political networks; heterarchy; political decision making.

For citation: Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Political conflict interactions of urban communities: network aspects. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 185–209. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.08>

References

- Bennett L., Segerberg A. *The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge : Cambridge university press, 2013, 256 p.
- Bitušiková A. Urban activism in Central and Eastern Europe: a theoretical framework. *Slovensky Narodopis*. 2015, N 63 (4), P. 326–338.
- Brady H., Verba S., Schlozman K.L. Beyond SES: a resource model of political participation. *American political science review*. 1995, Vol. 89, N 2, P. 271–294. DOI: <https://doi.org/10.2307/2082425>
- Burt R.S. *Brokerage and closure. An introduction to social capital*. Oxford : Oxford university press, 2005, 279 p.
- Castells M. *The power of communication*. Moscow : Higher School of Economics, 2017, 591 p. (In Russ.)
- Cho J., Shah D.V., McLeod J.M., McLeod D.M., Scholl R.M., Gotlieb M.R. Campaigns, reflection, and deliberation: Advancing an O-S-R-O-R model of communication effects. *Communication theory*. 2009, Vol. 19, N 1, P. 66–88. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2008.01333.x>
- Crumley C. Heterarchy and the analysis of complex societies. *Archeological papers of the American anthropological association*. 1995, Vol. 6, N 1, P. 1–5. DOI: <https://doi.org/10.1525/ap3a.1995.6.1.1>
- Dahrendorf R. *Out of utopia*. Moscow : Praxis, 2002, 536 p. (In Russ.)
- Diani M. Social movement networks virtual and real. *Information, communication and society*. 2000, Vol. 3, N 3, P. 386–401. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180051033333>
- Domaradzka A. Urban social movements and the right to the city: an introduction to the special issue on urban mobilization. *Voluntas: International journal of voluntary and*

- nonprofit organizations*. 2018, Vol. 29, N 4, P. 607–620. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-0030-y>
- Drury J., Reicher S., Stott C. Transforming the boundaries of collective identity: from the “local” anti-road campaign to “global” resistance? *Social movement studies*. 2003, Vol. 2, N 2, P. 191–212. DOI: <https://doi.org/10.1080/1474283032000139779>
- Florea I., Gagy A., Jacobsson K. A field of contention: evidence from housing struggles in Bucharest and Budapest. *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. 2018, Vol. 29, N 4, P. 929–935. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-9954-5>
- Gandaloeva M.T., Miroshnichenko I.V., Morozova E.V., Plotichkina N.V., Ryabchenko N.A., Tereshina M.V., Barley K.V. *The frontier of the network society as a space of political interaction: monograph*. Krasnodar : Prospects for education, 2017, 270 p. (In Russ.)
- Glukhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. Urban conflict as object of research and political management: conceptualization problems. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2018, N 4, P. 5–12. (In Russ.)
- Glukhova A.V. *Political conflicts: foundations, typology, dynamics (theoretical and methodological analysis)*. 2nd ed. Moscow : LIBROKOM, 2010, 280 p. (In Russ.)
- Gobo G. Globalization: A critical introduction. *European journal of cultural and political sociology*. 2016, Vol. 3, N 2–3, P. 381–385. DOI: <https://doi.org/10.1080/23254823.2016.1209886>
- Heijden H.-A. Environmental networks and social movement theory. *Environmental politics*. 2014, Vol. 23, N 6, P. 1111–1113. DOI: <https://doi.org/10.1080/09644016.2014.939417>
- Jacobsson K. Introduction: the development of urban movements in Central and Eastern Europe. In: Jacobsson K. (ed.). *Urban grassroots movement in Central and Eastern Europe*. New York : Routledge, 2016, P. 1–32.
- Jacobsson K., Saxonberg S. *Beyond NGO-ization. The development of social movements in Central and Eastern Europe*. Farnham : Ashgate, 2013, 280 p.
- Klandermans P.G. Identity politics and politicized identities: identity processes and the dynamics of protest. *Political psychology*. 2014, Vol. 35, N 1, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
- McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative perspectives and social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing*. New York : Cambridge university press, 1996, 426 p.
- Mikhailova O.V. *Network architecture of public administration: problems of conceptualization and practice: dis... doctors of political sciences*. Moscow, 2014, 335 p. (In Russ.)
- Mikhailova O.V. How are power positions on the state actors in networks are possible or «Cheshire cat governance strategy». *Human. Management. Community*. 2016, Vol. 17, N 4, P. 6–17. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A., Morozova E.V. Heterarchies as hybrid political institutions of a new political reality. *Caspian region: politics, economics, culture*. 2015, N 4 (45), P. 116–121. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A. Networking resources of the development of local policies. *Central Russian journal of social sciences*. 2015, Vol. 10, N 5, P. 38–49. (In Russ.)

- Opp K-D. Collective identity, rationality and collective political action. *Rationality and society*. 2012, Vol. 24, N 1, P. 73–105. DOI: <https://doi.org/10.1177/1043463111434697>
- Osipov V.A. *The concept of "heterarchy": conceptualization, subject field and heuristic possibilities in the analysis of public policy*: dis.... candidate of political sciences Moscow, 2018, 170 p. (In Russ.)
- Plucinski P. Forces of altermodernization: urban social movements and the new urban question in contemporary Poland. *Voluntas: International journal of voluntary and nonprofit organizations*. 2018, N 29, N 4, P. 653–669. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11266-018-0007-x>
- Ranciere J. *Disagreement: politics and philosophy*. Minneapolis, MN : University of Minnesota press, 1999, 145 p.
- Sassen S. Whose city is it? Globalization and the formation of new claims. *Public culture*. 1996, Vol. 8, N 2, P. 205–223. DOI: <https://doi.org/10.1215/08992363-8-2-205>
- Skogstad G. Policy networks and policy communities: conceptual evolution and governing realities. Workshop on “Canada’s contribution to comparative theorizing” annual meeting of the Canadian political science association. London ; Ontario : University of Western Ontario, 2005, 16 p.
- Soloviev A.I. State and society: new facets of historical conflict. *South-Russian journal of social sciences*. 2018, Vol. 19, N 4, P. 6–24. (In Russ.)
- Soloviev A.I. Political agenda of the government, or why the state needs the society. *Policy. Political studies*. 2019, N 4, P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02> (In Russ.)
- Soloviev A.I. Governmental agenda in state decision-making: political forms and mechanisms of interaction. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2020, N 2, P. 53–59. (In Russ.)
- Staeheli L. Cities and citizenship. *Urban geography*. 2003, Vol. 24, N 2, P. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.2747/0272-3638.24.2.97>
- Stürmer S., Simon B. Pathways to collective protest: Calculation, identification, or emotion? A critical analysis of the role of group-based anger in social movement participation. *Journal of social issues*. 2009, Vol. 65, N 4, P. 681–705. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2009.01620.x>
- Tufekci Z. The medium and the movement: digital tools, social movement politics, and the end of the free rider problem. *Policy & Internet*. 2014, Vol. 6, N 2, P. 202–208. DOI: <https://doi.org/10.1002/1944-2866.poi362>
- Tykanova E.V. The City as a territory of inequality: challenging the demolition of garage buildings in St. Petersburg. *St. Petersburg sociology today*. 2017, N 8, P. 54–72. (In Russ.)
- Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and contemporary challenges. *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)*. 2018, N 2, P. 39–48. DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2018. – № 2. – С. 39–48. – DOI: <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893>
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – № 4. – С. 5–12.
- Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – Изд. 2. – 280 с.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М. : Праксис, 2002. – 536 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А., Морозова Е.В. Гетерархии как гибридные политические институты новой политической реальности // Каспийский регион: политика, экономика культура. – 2015. – № 4 (45). – С. 116–121.
- Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Сетевые ресурсы развития локальной политики // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 5. – С. 38–49.
- Михайлова О.В. Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «Стратегия Чеширского кота» по управлению сетями // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – Т. 17, № 4. – С. 6–17.
- Михайлова О.В. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2014. – 335 с.
- Фронт сетевых обществ как пространство политического взаимодействия / М.Т. Гандалова, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, Н.В. Плотицкина, Н.А. Рябченко, М.В. Терещина, К.В. Ячменник. – Краснодар: Перспективы образования, 2017. – 272 с.
- Осинов В.А. Понятие «гетерархия»: концептуализация, предметное поле и эвристические возможности в анализе публичной политики: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2018. – 170 с.
- Соловьев А.И. Государство и общество: новые грани исторического конфликта // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19, № 4. – С. 6–24.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или Зачем государству общество // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 8–25. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>
- Соловьев А.И. Правительственная повестка в принятии государственных решений: политические формы и механизмы взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 53–59.
- Тыканова Е.В. Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге // Петербургская социология сегодня. – 2017. – № 8. – С. 54–72.

К.В. МЕЛЬНИКОВ*

**БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ПАТРОНАЖ И ПАТТЕРНЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕКРУТИРОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ В РОССИИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО СЕТЕВОГО АНАЛИЗА¹**

Аннотация. Значимость неформальных институтов и практик в политической и экономической жизни России все больше признается представителями различных областей социальных наук. Как показывают исследования, неформальную деформацию испытывает на себе и государственный аппарат, в том числе процесс рекрутирования на высшие должности в исполнительной власти. При этом патронажные связи не представляют собой единичное отклонение, но носят системный характер. В связи с этим сетевой анализ предоставляет эвристически перспективную возможность рассмотреть патронажные связи как сетевую структуру. Опираясь на существующие подходы к квантификации патронажных связей, автор предлагает собственный подход к изучению патронажных сетей как модели взвешенного графа. Патронажные связи могут существенно отличаться по степени устойчивости, что должно учитываться при анализе патронажных сетей. С этой целью автором предложена идея калькуляции индекса патронажной связи, в основе которого находятся три параметра: количество лет и случаев совместной работы, а также факт повышения одного актора другим.

С учетом этого подхода и на основе строгого биографического анализа изучается структура сетей административных элит Челябинской области и Пермского края. При этом говорить об общем паттерне структурирования неформальных сетей не приходится – отличия по степени сплоченности и централизации

---

* Мельников Кирилл Вадимович, научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: melnikovrezh@gmail.com

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20–011–32044.

© Мельников К.В., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.09

варьируются от периода к периоду. Сопоставление сетевых позиций и типа занимаемой должности также демонстрирует отсутствие единого паттерна. Конкретные модели, по всей вероятности, связаны с индивидуальными стратегиями лидеров сетей, которые в свою очередь имеют внутренние и внешние ограничительные рамки.

Ключевые слова: патронаж; клиентелизм; патрон-клиентские отношения; неформальные сети; неопатримониализм; региональные элиты; бюрократия; административное рекрутирование; сетевой анализ; неформальные институты.

Для цитирования: Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 210–238. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>

Введение

Необходимость анализа неформальных институтов и практик все больше отмечается исследователями практически всех областей социальных наук. Изучая вопросы «гаражной экономики» [Селеев, Павлов, 2016] и анализируя практики «телефонного права» [Леденева, Шушанян, 2008], исследователи все чаще отмечают расхождение реальной низовой социальной жизни и нормативного восприятия действительности, заложенной в правовых актах. Подверженным неформальной трансформации оказывается и бюрократический аппарат, для которого формальные нормы и процедуры, как считается, являются основой функционирования. Несмотря на усиление формального регулирования государственной службы в духе идеалов веберовской бюрократии, личные связи остаются ключевым источником рекрутирования в органы власти. Причем, как показывают эмпирические исследования, это справедливо как для нижнего [Гимпельсон, Магун, 2004], так и для верхнего [Чаповский, 2011] этажей административного аппарата.

Изучение патронажа в бюрократии – одна из основных ветвей (наряду с изучением «политических машин») исследований патрон-клиентских отношений [Гилев, 2016]. В наиболее общем виде патрон-клиентские отношения определяются как «не связанные с родством отношения личной зависимости, основанные на взаимообмене благами между двумя людьми, патроном и клиентом, которые обладают неравными по объему ресурсами» [Medard, 1976, p. 103]. В контексте работы органов власти репертуар патро-

нажных практик может быть довольно широким. Таковыми могут быть как продвижение по службе, селективное применение наказаний (например, игнорирование или замалчивание проступка) и назначение наград (например, повышение оклада и премий), поддержка патроном своего клиента при распределении дефицитных и конкурентных служебных благ (служебное жилье, жилищные сертификаты), а также полезные контакты для решения вопросов, на которые не распространяется собственный ресурс патрона (образование детей, уклонение от военной службы, медицинская или юридическая помощь и т.п.). В целом весь репертуар подобных практик сводится к двум направлениям: покровительство в рамках служебных отношений (описанное выше) и покровительство при поступлении на службу. В рамках второго направления ресурсом, которым патрон одаривает своего клиента, является сам доступ к государственной должности. Поскольку налицо явное неравенство ресурсов, клиент в таких отношениях отвечает долгосрочными отношениями лояльности, которые могут выражаться в особом отношении к распоряжениям патрона, сверхурочной работе, поддержке в случае служебных конфликтов, а также в различных услугах личного характера. И если первое может иметь место в любой организации в силу психологической природы таких отношений, то второй аспект патронажа является вопросом о доступе к власти, потому именно он видится наиболее значимым как с точки зрения политического анализа, так и для перспектив практического реформирования государственной службы.

Гораздо чаще исследователей интересует верхний уровень бытования государственного аппарата, поэтому исследования патронажа тесно связаны с изучением элитных сетей. Так, А. Леденева, анализируя структуру элитных взаимодействий, выделяет четыре идеальных типа связей во властных сетях в зависимости от силы / слабости связей (по М. Грановеттеру) и преимущественного контекста их реализации (частный / публичный). И хотя практическое применение такой схемы неизбежно вызывает затруднения, ее значимой новацией является выделение специфических функций, которые выполняют эти типы контактов для функционирования и развития властной сети [Ledeneva, 2011, p. 53–69]. Г. Хейл описывает российский и другие постсоветские политические режимы как патрональные [Hale, 2014], т.е. агентами политических взаимодействий в них являются не безличные институты (партии, парламен-

ты, органы власти), а группы скрепленных личными связями политических и экономических акторов. Вариации постсоветских политических режимов, таким образом, основаны на степени монополизации властных и экономических ресурсов одной патронажной пирамидой. В России патронажные сети, по Хейлу, принадлежат одной из трех ключевых категорий: олигархические сети, региональные «политические машины» и сети, связанные с федеральными органами государственной власти. Н. Петров [Петров, 2017], соглашаясь с тем, что коалиции трех типов сетей определяли выборные кампании 1996–2000 гг., сомневается в столь явном их разграничении как минимум после 2004 г. Предлагая рассматривать российскую политическую систему как неонеоменклатурную (в том смысле, что влияние актора полностью определяется его местом в административной иерархии), он отмечает фактический синкретизм властных сетей. В каждой сети имеется как экономический, так и силовой, а также региональный компоненты. В такой системе сетевой и политический капиталы практически неразличимы, поскольку влияние обеспечивается постом, а получение поста – местом в сети личных связей. При этом выбывание из системы означает потерю не только сетевого, но и политического капитала.

Роль патрон-клиентских отношений на всех уровнях властной иерархии оставалась в России крайне высокой на протяжении практически всей ее истории [Афанасьев, 2000]. Ни одна из таких экстремальных смен институционального порядка, как петровская модернизация, революция 1917 г. или распад СССР, серьезно не пошатнули роль патронажа в работе органов власти. Поэтому все чаще исследователи подчеркивают применимость концепции неопатримониализма к анализу российского политического режима [Гельман, 2016; Старцев, 2013].

Несмотря на очевидное признание роли патронажа в работе государственного аппарата, традиция его изучения имеет ряд пробелов, ограничивающих научное осмысление механизмов и принципов его функционирования.

Во-первых, региональный аспект патронажа за редкими исключениями [Garifullina, Kazantsev, Yakovlev, 2020] остается в тени общего интереса к элитным сетям федерального уровня. При этом интересно было бы понять, является ли региональный патронаж продолжением федеральной политики или обладает уникальными свойствами и самостоятельной логикой.

Во-вторых, в изучении патронажа исследователи довольно редко пользуются аппаратом сетевого анализа (SNA). Его несомненное достоинство заключается в том, что патронажные связи не рассматриваются как единичные факты *ad hoc*, но концептуализируются как система. В действительности, как показал еще Дж. Скотт [Scott, 1972], патронажные связи могут образовываться в иерархии (когда клиент одного суперпатрона может иметь собственных клиентов), и далее – в патрон-клиентские кластеры, когда между игроками одного уровня могут образовываться горизонтальные альянсы. В общем виде система патронажных связей превращается из иерархии в сеть, и именно SNA предоставляет принципиальную возможность оценить сетевую конфигурацию патронажа. Более того, сетевой анализ позволяет визуализировать патронажную структуру, что само по себе обладает мощным эвристическим потенциалом. Важно, что сетевой анализ, будучи разделом математической теории графов, предъявляет строгие логические требования к концептуализации патронажных сетей и тем самым может освободить сам термин от изрядной доли метафоричности, с которой он применяется в политическом анализе. Перспектива количественной оценки элементов и структуры патронажных сетей дает принципиально новые возможности для сравнительного анализа как по диахронической, так и по синхронической осям. Плюс ко всему сетевой анализ, как самостоятельная научная дисциплина, регулярно совершенствует свой математический аппарат и потому предлагает все более разнообразные инструменты для прикладного политического анализа.

В-третьих, те редкие исследователи, которые все же применяют аппарат SNA к изучению патронажных сетей, рассматривают их как часть объяснительной модели [Keller, 2016; Garifullina, Kazantsev, Yakovlev, 2020]. Аналитически перспективным кажется выявление универсальных паттернов структурирования таких сетей, анализ их выживаемости и другие вопросы их внутренней природы, а также сопоставление сетевой позиции с позицией в формальной должностной иерархии или типом и объемом располагаемых политических ресурсов.

Четвертый пробел – отсутствие компаративного анализа паттернов структурирования неформальных сетей. Отдельные кейс-стади могут оказаться довольно плодотворными в оценке того, как функционируют патронажные сети в конкретно взятом случае,

однако не дают представления о том, насколько универсальными являются выявленные паттерны. Малые (small-N) сравнительные кейс-стади могут стать первым шагом в этом направлении.

Природа этих пробелов не ограничена предметным полем общей теории патронажа и неформальных сетей. Восполнение каждого из них, и последних двух в особенности, может оказаться полезным для более частного понимания природы политических механизмов рекрутирования региональных элит в России.

Патронажная сеть как взвешенный граф. Методология исследования

В попытке заполнить упомянутые выше пробелы в изучении патронажных сетей я предлагаю обратиться к двум регионам: Пермскому краю и Челябинской области. Их географическая близость и соответственно минимальные различия в экономической и социальной структуре позволяют контролировать внешние факторы, которые могут отвечать за потенциальную разницу в структуре сетей. В качестве конкретных кейсов были выбраны хронологически сопоставимые периоды: 2011–2012 гг. (сети О. Чиркунова и М. Юревича) и 2018–2019 гг. (сети М. Решетникова и Б. Дубровского). Поскольку сеть представляет собой статичный снимок, логика, которой я руководствовался при выборе конкретных отрезков, заключается в необходимости идентификации наиболее стабильных с кадровой точки зрения временных промежутков и, соответственно, исключения периодов, связанных либо с первоначальным формированием региональных органов власти, либо с их реформированием после отставки правительства.

Узлами сети являются руководители исполнительных органов власти Пермского края и Челябинской области, перечень которых преимущественно был сформирован исходя из находящихся в открытом доступе деклараций о доходах руководителей органов власти за интересующие периоды¹.

В вопросе моделирования граней сети я предлагаю обратиться к биографическому анализу. Имеющиеся исследования рос-

---

¹ Декларатор. – Режим доступа: <http://declarator.org/> (дата посещения: 08.03.2021).

сийской и советской элиты, которые в той или иной степени связаны с идеями сетевого анализа и потому сталкиваются с необходимостью квантификации патронажных связей [Willerton, 1987; Reisinger, Willerton, 1988; Easter, 1999; Чапковский, 2011; Garifullina, Kazantsev, Yakovlev, 2020], с различными вариациями опираются на анализ биографий и ориентируются на поиск карьерных пересечений, предшествующих попаданию в элиту включенных в анализ акторов. С целью проведения автоматизированного биографического анализа мною была составлена база данных, содержащая информацию о карьерном пути каждого включенного в анализ чиновника¹. Источниками такой информации стали официальные сайты органов власти и их архивированные копии, а также СМИ².

Далее, с помощью кода на языке R, искались пересечения по датам, месту и организациям совместной работы или учебы между всеми парами акторов. Для таких крупных организаций, как важнейшие региональные вузы, а также правительства и городские администрации, связь фиксировалась только при совместной учебе или работе на одном факультете, департаменте или управлении. Важной новацией модели является то, что в ней предлагается учитывать не только связи, предшествующие попаданию в региональную административную элиту, но и факты общей работы после ухода из регионального правительства. Такой вектор развития карьеры кажется довольно надежным индикатором патронажной связи, поскольку в случае, если такая связь сформировалась или сохранила свою актуальность, вполне вероятно, что патрон предложит своей клиентеле проследовать за ним и далее.

Биографический подход к регистрации связей имеет свои ограничения. Первое: могут упускаться связи, внешние по отношению к карьере (ложноотрицательный результат). Например, министр физической культуры и спорта Пермского края В. Епанов подтвердил предположения СМИ, что до назначения на должность являлся личным тренером М. Решетникова и помогал тому гото-

---

¹ Доступна на репозитории Harvard Dataverse. – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/0M3YVH> (дата посещения: 08.03.2021).

² Преимущественно: Business Class. – Режим доступа: <https://www.business-class.su/persons> (дата посещения: 08.03.2021); ГлобалПермь. ру. – Режим доступа: <https://globalperm.ru/person> (дата посещения: 08.03.2021).

виться к Пермскому марафону¹. В нашей модели эта связь будет отсутствовать. Второе: в модель могут быть включены пересечения, при которых два чиновника работали вместе, но не имеют устойчивой положительной связи (ложноположительный результат). Отсюда вытекает, пожалуй, главный недостаток биографического анализа: факт совместной работы не обязательно свидетельствует о значимой неформальной связи. Такие пересечения могут свидетельствовать о кадровом дефиците или о наличии нескольких институций, которые традиционно служат трамплином в административную элиту.

Первая проблема может быть решена добавлением неформализуемых связей через анализ СМИ или экспертные опросы. Однако увеличение источников формирования связей в этом случае будет достигнуто ценой снижения объективности модели. Фокус исключительно на карьерах поможет сохранить объективность и последовательность в сборе данных и при этом соответствует общему предположению о том, что «в России, в отличие от режимов Центральной Азии и Кавказа, где неформальные сети преимущественно основаны на этнических или семейных связях, такие сети в основном сформированы на основе общего профессионального или образовательного бэкграунда» [Baturu, Elknik, 2016, p. 81]. Признавая потенциальную чувствительность потери остальных источников неформальных связей, стоит также отметить, что биографический акцент в анализе сети может сделать его полезным для изучения смежного феномена «управленческих (политических) команд» и последующего изучения эффекта структуры таких «команд» на более общие показатели эффективности управления, политической и экономической автономии регионов и другие эффекты, находящиеся в фокусе не только политической теории, но и дисциплины государственного управления.

Вторая проблема может быть решена дифференциацией полученных связей по степени их силы и устойчивости. Именно поэтому от простого невзвешенного графа я предлагаю перейти к модели взвешенного графа и задавать связям различный вес, кото-

---

¹ Вихров Д. Министр спорта Владимир Епанов о проблемах отрасли, распаде «Амкара» и разочарованиях. Большое интервью / Properm.ru. – 2018. – 16 июля. – Режим доступа: <https://properm.ru/news/society/157016/> (дата посещения: 08.03.2021).

рый позже будет учитываться при анализе структуры сети и центральности ее членов.

С этой целью я предлагаю ввести индекс патронажной связи, который будет отражать силу и устойчивость неформальных отношений между двумя акторами. Он будет состоять из трех компонентов:

а) продолжительность опыта совместной работы или учебы. Этот параметр позволит разграничить долгие устойчивые отношения и краткосрочные или случайные. Некоторые из предыдущих работ с этой целью устанавливали порог продолжительности, ниже которого связи между акторами не регистрировались (как правило, он составляет один год). Однако при таком жестком правиле мы можем исключить из модели краткосрочные, но при этом красноречивые факты. Например, когда руководителем органа власти становится чиновник, до того не имевший никаких связей ни с регионом, ни с другими руководителями, но принятый губернатором или его заместителем в качестве своего советника на короткий срок, а затем быстро выдвинутый на министерский пост. Такие связи, на мой взгляд, должны присутствовать в модели, но с меньшим весом;

б) число случаев совместной учебы или работы. Этот параметр потенциально является еще более надежным, чем первый. Если два чиновника регулярно появляются в составе одних и тех же организаций, это говорит об устойчивом характере их отношений, вероятность случайного совпадения здесь стремится к минимуму;

в) факт повышения одного управленца, при котором другой являлся в данной организации вышестоящим начальником. В данном случае мы принимаем в качестве предположения, что вышестоящий либо способствовал такому повышению, либо как минимум ему не препятствовал. Этот параметр среди других является, пожалуй, самым надежным. В своем анализе китайских элит Ф. Келлер [Keller, 2016] использовала именно этот подход, который, однако, в российском случае малоприменим в силу ряда причин. Во-первых, китайская элита целиком формируется из единого пула – партийных организаций различного уровня – и потому гораздо более гомогенна по сравнению с российской элитой. Почти весь состав китайской элиты находится в четком субординационном отношении друг к другу. Во-вторых, в китайском случае в руках у исследователей имеется довольно детальная информация о

большом числе чиновников с подробно прописанной биографией, включающей информацию о повышениях. В российском случае такая единая база отсутствует, информация о повышениях в биографиях чиновников – скорее исключение, чем правило. Но если такая информация есть, она должна быть использована.

Длительность, повторяемость и конвертация связи в служебный рост – признаки, которые традиционно сопровождают качественные описания патронажа в бюрократии [Старцев, 2009; Panizza, Peters, Ramos Larraburu, 2019], однако их сочетание в качестве меры устойчивости патронажной связи и соответственно применение в сетевом анализе до сих пор оставались невостребованными. Предложенный индекс учитывает эти факторы и исходит из предположения, что длительные связи, актуализирующие себя на разных местах работы, еще и связанные с повышением одного актора другим, должны иметь гораздо больший вес, чем краткосрочные одиночные связи. Сложным вопросом здесь является переход к конкретной формуле. Ключевая проблема – количественное соотнесение трех параметров друг с другом. Пожалуй, решить ее без исследовательской дискреции невозможно. Я предлагаю следовать такой логике: длительность совместной деятельности является наименее явным индикатором патронажной связи, но при этом имеет четкое числовое выражение, поэтому может стать стартовой точкой для расчета. Так, один год совместной работы будет соответствовать одному баллу. Частота совместных контактов, будучи более надежным индикатором, будет представлять собой произведение количества совместных случаев работы (учебы) на коэффициент значимости фактора. Такой коэффициент должен быть привязан к распределению баллов первого компонента. Таким коэффициентом может быть медиана распределения первого признака. Например, для сети Решетникова медианное значение первого признака – 2,8 года. Соответственно, один случай совместной работы будет вносить в общий вес индекса 2,8 балла, два случая – 5,6 балла и т.д. Наконец, факт повышения по службе как еще более надежный индикатор в качестве коэффициента получит значение третьего квартиля распределения первого признака. Например, для сети Решетникова третьим квартилем в распределении длительности совместной работы будет значение в 4,2 года. Таким образом, единственный факт повышения вносит в вес патронажной связи 4,2 балла;

если же повышение фиксировалось еще на одном месте работы, – 8,4 балла. Логика этого подхода визуализирована на рис. 1.

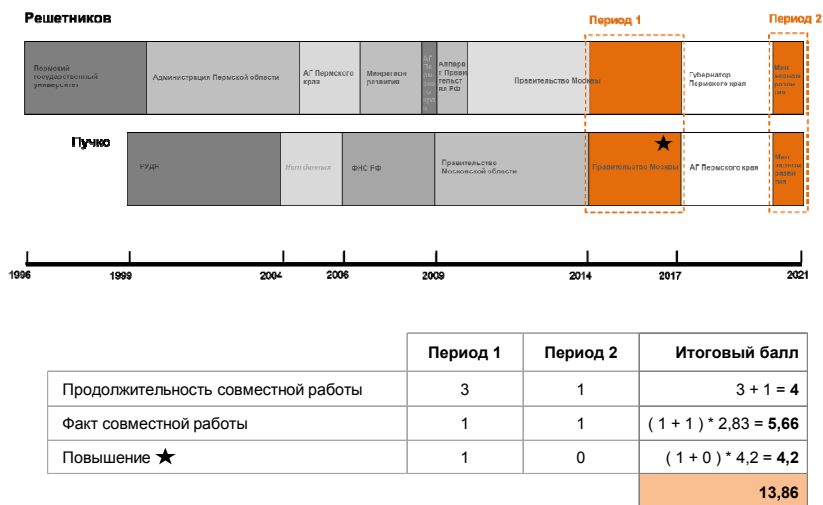

Рис. 1.

Операционализация индекса патронажной связи

Такой подход к калькуляции индекса позволит избежать универсальных значений, которые могут по-разному проявлять себя на разных выборках. Веса коэффициентов здесь рассчитываются для каждой выборки заново и потому учитывают общие изменения в тенденциях карьерной мобильности (например, более частая ротация управленческих кадров, характерная для более поздних периодов, не будет чересчур переоценена по сравнению с продолжительностью совместной работы, поскольку привязана к ее распределению). Это позволит сравнивать силу патронажных связей *per se* между различными сетями, в том числе хронологически.

В общем виде индекс патронажной связи выглядит следующим образом:

$$I_{pc} = n_y + n_c * Q2(\hat{F}(n_y)) + n_p * Q3(\hat{F}(n_y)), \text{ где}$$

I_{pc} – индекс патронажной связи, n_y – количество лет совместной работы, n_c – количество случаев совместной работы, n_p – количество случаев повышения по службе, а $Q2(\hat{F}(n_y))$ и $Q3(\hat{F}(n_y))$ – медиана и третий квартиль эмпирического распределения величины n_y .

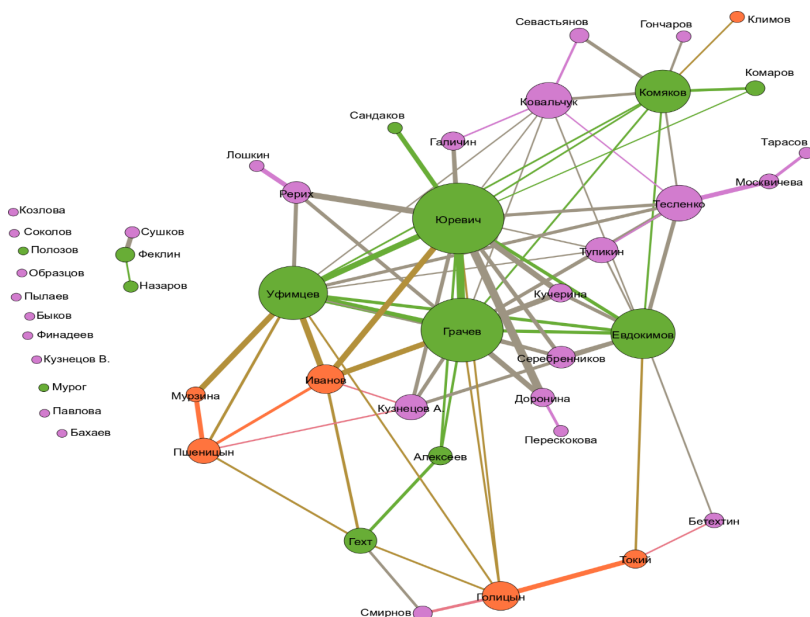
Здесь же стоит отметить, что в сети сольются как вертикальные отношения патронажа, так и горизонтальные отношения клиентов одного патрона, что в целом соответствует подходу Дж. Скотта к патрон-клиентским кластерам. Высокий индекс патронажной связи тем не менее будет косвенно указывать именно на вертикальный характер отношений.

Моделирование патронажной сети как взвешенного графа требует перехода от классических формул ключевых сетевых метрик (плотности, геодезического расстояния, различных мер центральности) к их взвешенным версиям. С этой целью я воспользуюсь подходом Т. Опсаль [Opsahl, Agneessens, Skvoretz, 2010], который для калькуляции мер центральности и геодезического расстояния предложил меру с настраиваемым параметром *alpha*, нулевое значение которого будет полностью игнорировать веса, а единичное – игнорировать количество связей. Соответственно *alpha* = 0,5 будет в равных пропорциях учитывать и количество связей, и их силу, что имеет значение для нашего анализа. Так, центральными по степени игроками будут являться те, кто замыкает на себе большее число наиболее устойчивых патронажных связей. В определении остальных сетевых метрик мы будем следовать этому же подходу, для среды R реализованному авторами в пакете *tnet*.

Анализ таких структурных характеристик сети, как выявление ядра и периферии, а также анализ сообществ будет осуществляться с помощью метода *k-core* [Seidman, 1983] и *label propagation algorithm* [Raghavan, Albert, Kumara, 2007] соответственно.

Результаты анализа. Патронажные сети 2011–2012 гг.

Получившиеся сети для Челябинской области и Пермского края демонстрируют практически идентичные показатели общей структуры и плотности связей (рис. 2–3).

Обозначения	
	Общая компетенция
	Межотраслевая компетенция
	Отраслевая компетенция

Рис. 2.
Сеть административных элит
Челябинской области 2011–2012 гг.¹

¹ Выполнено в Gephi. Алгоритм укладки: Force Atlas 2. Размер узла зависит от количества связей. Толщина грани зависит от индекса патронажной связи.

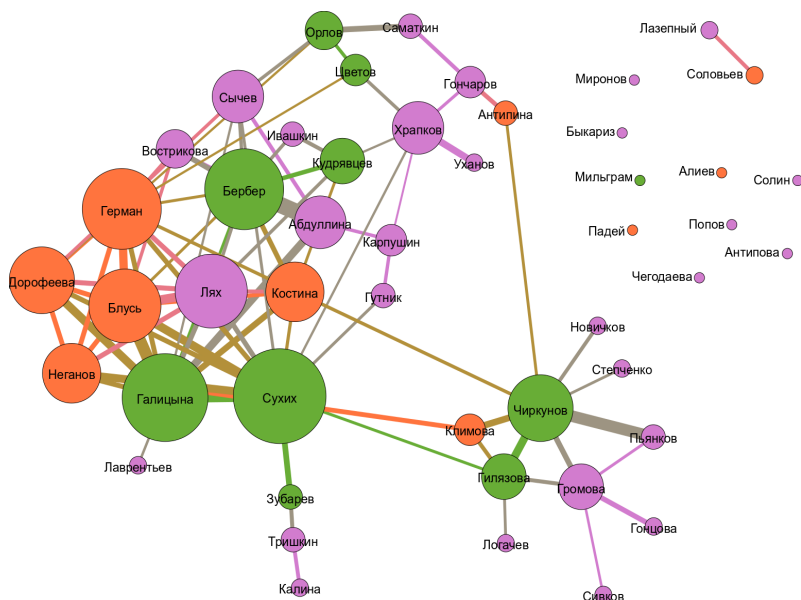

Рис. 3.

Сеть административных элит Пермского края 2011–2012 гг.

Сети обладают сопоставимым размером и числом граней, количеством изолятов (не имеющих связей узлов), общей плотностью, а также плотностью крупнейшей связной компоненты (КСК, т.е. крупнейшей связанной части графа). Однако более пристальный взгляд на сети обнаруживает одно принципиальное различие. Если в Челябинской области губернатор является лидером сети, то именно первый находится в центре сети и имеет наибольшее число связей. Нельзя сказать, что это уникальный случай. Например, М. Рахимов в Башкортостане в первое десятилетие своего президентского срока также не являлся центром патронажной сети региона [Garifullina, Kazantsev, Yakovlev, 2020]. В случае Перми налицо пример, когда губернатор делегирует вопросы кадровой политики второму лицу региона. В. Сухих, продолжительное время работавший на различных властных постах, сформировал довольно широкий круг рабочих контактов, которые впоследствии

стали его личной клиентелой в правительстве края. При этом В. Сухих теоретически находится в наиболее благоприятной позиции для продолжения карьеры: а) не является формальным лидером, потому несет меньше политической ответственности, чем губернатор; б) имеет собственную обширную сеть поддержки; в) не связан прямо с губернатором (хотя после прихода на высшие посты неизбежно ассоциирован с ним). Неудивительно, что именно он до сих пор остается в региональной политике на наивысшей из всех членов сети позиции (председатель законодательного собрания).

Из первого отличия вытекает и второе: сеть М. Юревича более централизована по сравнению с сетью О. Чиркунова (26,3% против 16,4%). М. Юревич является несомненным лидером сети, хотя уровень горизонтальной координации в ней высок, поэтому губернатор является не единственным каналом, который соединяет различные части сети. По всем мерам центральности лидером сети является именно губернатор. Он имеет большее число и мощность связей, располагается ближе ко всем остальным узлам сети и находится в позиции, через которую проходят все остальные кратчайшие пути между акторами. Однако не только М. Юревич является гарантом сплоченности челябинской бюрократии. В региональных СМИ того периода популярным являлось понятие «управленческая тройка» О. Грачев – А. Уфимцев – В. Евдокимов, которые являлись верными соратниками губернатора и занимали ключевые позиции в правительстве¹. Этот же треугольник явно выделяется и на графе, эти же политики занимают высшие места в мерах сетевой центральности после М. Юревича. И именно через этих игроков проходят практически все транзакции патронажной сети, делая их основой стабильности и сплоченности бюрократии. Сеть О. Чиркунова, напротив, имеет довольно низкий уровень централизации в силу наличия двух относительно замкнутых и имеющих своего собственного лидера сообществ, при этом наиболее крупное из них, сформированное вокруг В. Сухих, крайне интенсивно переплетено внутри себя. Центральными акторами по степени посредничества предсказуемо выступают лидеры двух больших

---

¹ Григорьева С. «Я старался как можно меньше общаться с Николаем Дмитриевичем» // Znak.com – 2018. – 28 марта. – Режим доступа: https://www.znak.com/2018-0328/oleg_grachev_rasskazal_o_konflikte_s_sandakovym_i_ocenke_raboty_glav_po_itogam_vyborov (дата посещения: 08.03.2021).

сообществ (В. Сухих и О. Чиркунов). В сумме можно говорить о двух моделях структурирования патронажных сетей: сплоченная и относительно централизованная сеть М. Юревича против сплоченной и децентрализованной сети О. Чиркунова.

Таблица 1

Описательные статистики патронажных сетей

Параметр	Сеть Юревича	Сеть Чиркунова	Сеть Дубровского ¹	Сеть Решетников
Количество узлов	46	48	45	46
Количество граней	81	84	36	81
Количество изолятов	11	9	7	14
Плотность	0,078	0,075	0,036	0,060
Размер КСК* (% от общего размера сети)	69,6	77,1	33,3	65,2
Плотность КСК*	0,159	0,125	0,152	0,140
Среднее геодезическое расстояние (взвешенное)	2,65	3,39	5,30	2,77
Диаметр	5	6	6	6
Размер ядра (в % от общего размера сети)	15,2	14,6	24,4	15,2
Плотность ядра	1	1	0,14	1
Централизация, %	26,3	16,4	15,8	26,0

* КСК – крупнейшая связная компонента.

¹ Граф Дубровского несвязный, поэтому прямое сопоставление параметров, вычисляемых для КСК, может быть некорректным.

Выделение ядра и сообществ сетей показывает их удивительную схожесть¹. Наивысшее число k – 6, поэтому ядром сети являются акторы, имеющие минимум по шесть связей. Совпадает и количественный размер ядра – семь человек. И в том и в другом случае ядра сети: а) являются кликами (плотность связей равна 1), поэтому обеспечивают внутри себя максимально возможную сплоченность; б) концентрируют внутри себя наиболее мощные связи; в) их члены находятся на наиболее значимых позициях в региональной власти. Довольно необычным выглядит источник

---

¹ Replication data for: Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis // Political Science (RU). (Приложения 3–6). – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/0M3YVH> (дата посещения 08.03.2021).

связей внутри ядра Пермского края – кафедра государственного и муниципального управления Пермского государственного университета. Сотрудники кафедры, которую создал и возглавил В. Сухих, к 2011–2012 гг. заняли ключевые посты в правительстве и администрации губернатора края. Некоторые из них при этом совмещали научную работу с государственной службой, преимущественно в социальном блоке Администрации Пермского края. Множественность контекстов совместной работы потенциально полезна для устойчивости ядра патронажных сетей, поскольку: а) укрепляет связи внутри ядра; б) расширяет клиентскую базу самого ядра. Схожий паттерн формирования ядра виден и в сети М. Юревича. Вообще губернатор Челябинской области демонстрировал довольно систематичный подход к формированию клиентелы. Основной источник – администрация города, которую он возглавлял до назначения на губернаторский пост. Однако и предшествующий управленческий опыт (АО «Макфа», Государственная дума) обеспечили ему формирование более широкой сети поддержки, а основные его клиенты (упоминавшийся треугольник) появлялись вместе в нескольких рабочих контекстах, что позволило им сформировать крепкие дружеские отношения, о чем они сами сообщали в публичном поле¹.

Алгоритм идентификации сообществ разбивает обе сети на три-четыре сообщества. Однако в обоих случаях между всеми сообществами наблюдается большое количество мостов, что говорит об условности такого разделения. И в той и в другой сети отсутствуют точки сочленения (*cut points*), при разрушении которых сеть перестала бы быть единой. Поэтому в обоих случаях мы наблюдаем ярко выраженную сплоченность региональных бюрократий.

---

¹ Replication data for: Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis // Political Science (RU). (Приложения 3–6). – Режим доступа: <https://doi.org/10.7910/DVN/0M3YVH> (дата посещения 08.03.2021).

Результаты анализа. Патронажные сети 2018–2019 гг.

Сети 2018–2019 гг. (рис. 4–5) демонстрируют более выраженные различия между двумя регионами. В случае Челябинской области мы можем наблюдать несвязный граф с большим количеством подграфов, не имеющих связей друг с другом, – довольно редкая картина для элитных сетей. Неудивительно, что плотность здесь в два раза меньше, чем во всех других случаях. Высокий уровень дезинтеграции подразумевает и отсутствие единого центра, замыкающего на себе связи патронажа.

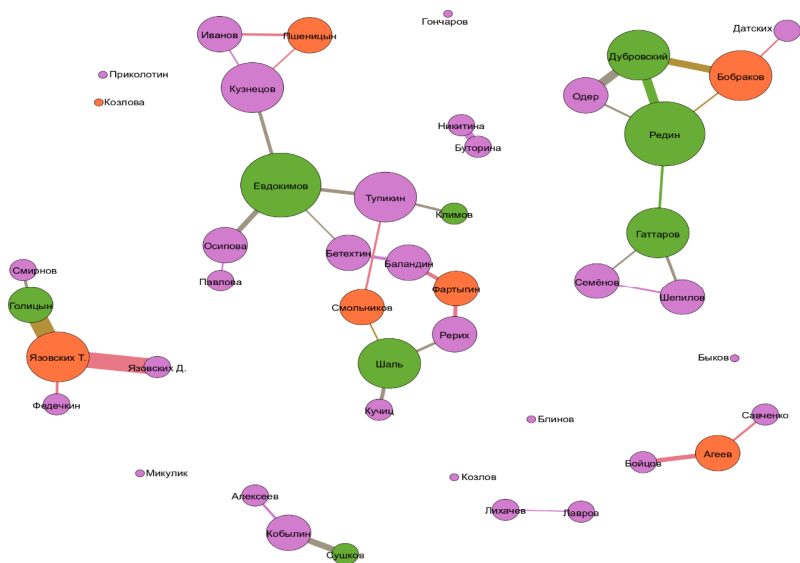

Рис. 4.
Сеть административных элит
Челябинской области 2018–2019 гг.

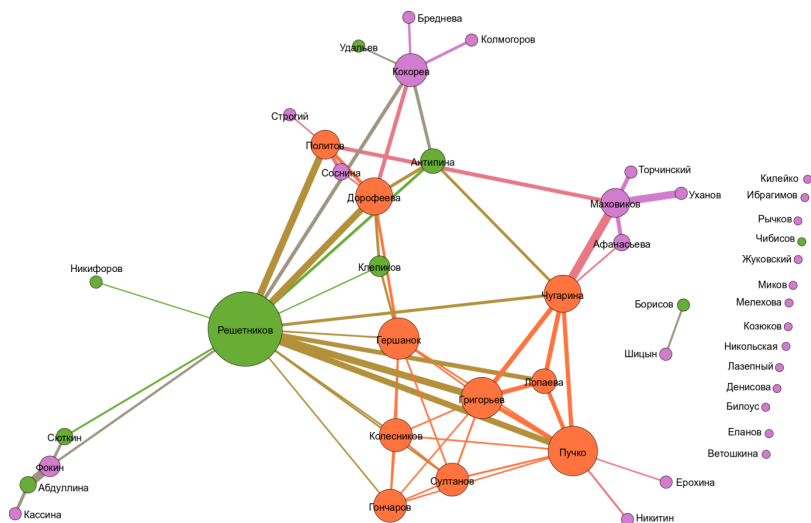

Рис. 5.
Сеть административных элит Пермского края
2018–2019 гг.

Сеть Пермского края, напротив, хоть и имеет наибольшее среди всех сетей число изолятов, является одной из наиболее централизованных. В центре сети – ее формальный лидер, губернатор М. Решетников. Остальные параметры в целом сопоставимы с сетями прошлого периода, хотя плотность этой сети все же ниже, т.е. мы видим пример централизованной, но менее сплоченной сети. Доминирующая роль патрона здесь сочетается с относительно низким уровнем горизонтальной координации. Действительно, первое место по всем мерам центральности занято М. Решетниковым с большим отрывом.

Анализ мер центральностей в дезинтегрированной сети Б. Дубровского вряд ли может нести содержательную нагрузку. Наивысшей взвешенной сетевой центральностью обладает Т. Язовских – начальник управления государственной службы и противодействия коррупции. Эта позиция связана с наличием у нее двух крайне устойчивых связей внутри элиты: с ее мужем Д. Язовских, руководителем областного МФЦ, и с руководителем аппарата правительства Е. Голицыным (патрон). Это уникальный случай реализовавшейся в

рамках высшей когорты исполнительной власти родственной связи¹. Факт того, что наиболее центральным становится игрок с двумя связями, говорит о крайней слабости и неустойчивости связей во всей сети. По степени близости и степени посредничества ведущую позицию занимает М. Евдокимов, сумевший сохранить свой пост после отставки своего патрона М. Юревича и который возглавляет группу других чиновников предыдущего губернатора. Именно эту группу можно считать ядром сети, однако плотность связей внутри нее почти в десять раз уступает ядрам рассмотренных сетей, поэтому о ее серьезном влиянии на устойчивость патронажной сети говорить невозможно. Совершенно другая диспозиция видна в сети М. Решетникова, вокруг которого сформировано ядро из семи человек, где каждый игрок связан со всеми остальными. Эту группу связывает либо совместная работа с М. Решетниковым в Правительстве Москвы, либо уже сформировавшаяся внутри региональной элиты патронажная связь, проявившаяся в их переходе в Минэкономразвития, которое возглавил М. Решетников в начале 2020 г.

Анализ сообществ в сети М. Решетникова показывает, что связи-мосты между ними носят множественный характер, что предохраняет ее от распада. Сеть Б. Дубровского распадается на 12 самостоятельных сообществ, т.е. даже внутри небольших связанных подграфов имеются свои сообщества. Более крупное из них сформировано вокруг самого губернатора и объединено опытом работы на Магнитогорском металлургическом комбинате, однако состав этой группы довольно мал – пять человек. В остальном выделить значимые источники рекрутирования в этой сети невозможно. В целом сетевой анализ подтверждает наблюдения аналитиков – Б. Дубровский руководил регионом без своей собственной команды. «У него был ряд доверенных лиц, которые оставались с ним до последнего момента, но широкого круга сторонников не было. Часть команды ему досталась от Михаила Юревича, а большая часть номенклатуры – еще от Петра Сумина. Отсутствие монолитности было заметно в кризисные моменты, когда каждый из вице-губернаторов действовал исключительно в своих интересах, не

---

¹ В данном случае вес грани был приравнен к максимальному по сети.

считаясь с общей задачей»¹. Отсюда и вторая особенность – отсутствие единого центра принятия решений. К 2019 г. у Б. Дубровского имелось семь заместителей, при этом все к этому времени получили собственные политические полномочия. Дублирование полномочий и неизбежные в связи с этим административные конфликты усиливались отсутствием неформальной координации между этими фигурами: прямая и при этом не самая устойчивая связь наблюдалась только между двумя из них (Е. Редин – Р. Гаттаров). Не удивительно, что система управления Челябинской области в этом периоде давала регулярные сбои и с трудом реагировала на локальные кризисы.

Паттерны структурирования патронажных сетей

Проведенный анализ четырех элитных сетей показывает, что их структуры отличаются друг от друга буквально от случая к случаю. Говорить об универсальных моделях структурирования на этом этапе анализа не приходится. Конкретная конфигурация сетей – это, скорее, вопрос индивидуальной стратегии формального лидера сети, имеющего основные кадровые полномочия. Эти стратегии могут варьироваться в зависимости от целого ряда параметров, таких как: а) наличие других элитных групп и их интерес к определенным должностям в исполнительной власти; б) задачи, которые ставятся федеральным центром, в том числе по сглаживанию элитных конфликтов в регионе; в) состав пула должностей, назначение на которые требует формального или неформального согласования в федеральном центре. При прочих равных условиях существенное влияние оказывает то, как часто будущий губернатор менял места работы. Например, почти вся карьера Б. Дубровского прошла на Магнитогорском металлургическом комбинате. Сформировать собственную команду, которая могла бы решать управленческие задачи в разных отраслях, в этом случае проблематично, на что и указывает проведенный анализ. М. Юревич и М. Решетников, напротив, строили карьеру в разных географических и институцио-

---

¹ Дыбин А. Семь просчетов главы региона / *Znak.com* – 2019. – 19 марта. – Режим доступа https://www.znak.com/2019-03-19/pochemu_boris_dubrovskiy_stal_samym_nelyubimym_gubernatorom_chelyabinskoy_oblasti (дата посещения: 08.03.2021).

нальных контекстах, что позволило им на каждом этапе расширять собственную клиентелу, которая позже заполнила изрядную долю разнообразных постов в исполнительной власти.

При этом все же можно классифицировать полученные сети по двум параметрам: уровень сплоченности и степень централизации. С некоторой долей условности можно сказать, что мы наблюдаем все четыре полученные на пересечении этих параметров модели структурирования патронажных сетей (табл. 2).

Таблица 2

**Модели структурирования патронажных сетей
в российских регионах**

Уровень сплоченности	Уровень централизации	
	Высокий	Низкий
Высокий	Сеть М. Юревича	Сеть О. Чиркунова
Низкий	Сеть М. Решетникова	Сеть Б. Дубровского

Конкретные эффекты воздействия этих моделей на различные политические и экономические показатели еще предстоит уточнить, но можно высказать некоторые первоначальные предположения. Более сплоченные сети, вероятно, лучше справляются с конфликтами, могут быть более успешными в процессе торга с федеральной элитой и, возможно, оказываются более устойчивыми к выбыванию из сети своего патрона. Наиболее уязвимой в этом плане может оказаться централизованная, но несплоченная сеть. Отсутствие или скудность горизонтальных связей, доверие исключительно к связи с патроном делает сложным скоординированное взаимодействие при выбывании лидера. Децентрализованная несплоченная сеть, напротив, делает ее членов неассоциированными с лидером сети и потому повышает шансы на последующее выживание, однако ее внутренняя конфликтность делает невозможным выживание сети как единого целого.

Еще один аспект проблемы выявления паттернов в структурировании неформальных сетей – это вопрос о том, как соотносится место в неформальной сети с местом в должностной иерархии. В качестве отправной точки можно обратиться к тому, как типы органов власти классифицируются в науке административного права. По типу компетенций органы власти в целом делятся на три ключевые категории [Братановский, 2013, с. 62–63]: а) *органы об-*

щей компетенции (осуществляют управление на подведомственной территории всеми или большинством отраслей и сфер деятельности; в нашем случае к этой категории будем относить губернатора, председателя правительства, а также заместителей губернатора); б) *органы отраслевой компетенции* (осуществляют управление в подчиненных отраслях; в нашем случае к таковым отнесем отраслевые министерства образования, здравоохранения, ЖКХ, управления лесами, уполномоченные по правам ребенка, человека, предпринимателей и т.д.); в) *органы межотраслевой компетенции* (осуществляют координацию деятельности отраслевых органов исполнительной власти по отдельным вопросам; к таковым относятся, прежде всего, региональные министерства финансов, министерства по делам государственного имущества, аппараты правительства, управления по делам государственной службы, контрольные департаменты).

Исходную гипотезу можно сформулировать следующим образом: клиента лидера сети (и формального, и неформального, если такое разделение имеет место) возглавляет, как правило, высшие органы общей компетенции, в то время как органы отраслевой и межотраслевой компетенции возглавляются несвязанными с лидерами бюрократами, в том числе через рост внутри отраслевой вертикали. Тестируя данную гипотезу с помощью точного критерия Фишера, я не получил взаимосвязи между этими двумя параметрами в сетях М. Юревича, О. Чиркунова и Б. Дубровского. Однако в сети М. Решетникова связь между сетевой позицией и типом компетенции слишком сильна, чтобы считать ее случайной ($p\text{-value} < 0.001$). Все десять руководителей с межотраслевой компетенцией – личные клиенты М. Решетникова, а из 27 отраслевых руководителей лично связаны с губернатором только два (рис. 6).

Это может быть связано со стратегией губернатора-«варяга» (хотя М. Решетников и начинал карьеру в Перми, перед назначением на пост губернатора продолжительное время работал в Москве), который стремится «закрыть» личной клиентелой ключевые должности. Также это может быть одним из подходов так называемой когорты технократов. Как указывает Н. Петров [Петров, 2017], технократическая эффективность связана скорее с контролем, чем с развитием. Отличительной чертой органов межотраслевой компетенции как раз и является их контрольная и координи-

рующая роль по отношению к отраслевым органам власти. Аналогичная связь видна и в случае Свердловской области, где ключевые посты, связанные с контролем и координацией других органов власти, достались относительно небольшой личной клиентеле губернатора-«варяга» Е. Куйвашева. Поэтому такое патронажное распределение постов в российских регионах вполне может иметь характер устойчивой тенденции, требующей проверки.

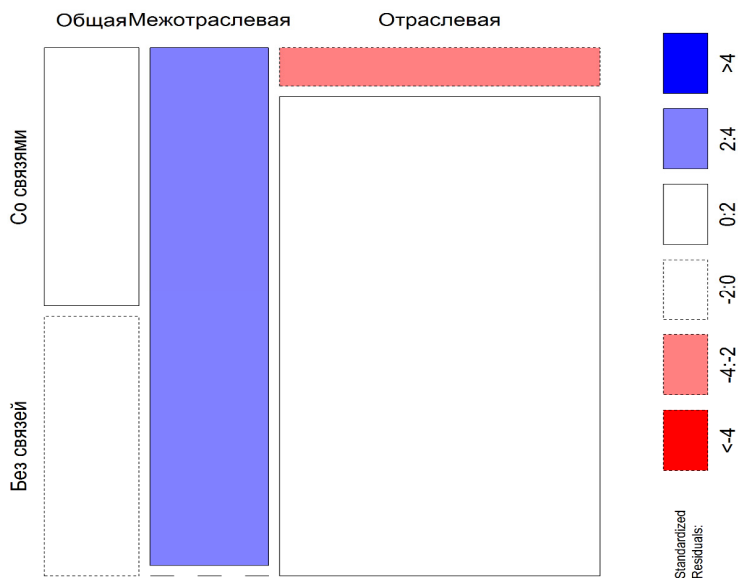

Рис. 6.

Мозаичный график распределения типов должностной компетенции в зависимости от связи с лидером сети (Пермский край, 2018–2019)

Заключение

Признавая значимость и системный характер патронажа в российской политике, а также акцентируя внимание на его различных экстерналиях, современные исследования имеют ряд пробелов, которые в целом могут быть сведены к общей проблеме: мы продолжаем упускать из поля зрения вопросы его внутренней структуры, которая в действительности делает патронаж неоднородным и вариативным феноменом. Метод сетевого анализа в связи с этим представляет уникальные возможности взглянуть на патронаж как упорядоченную систему. При этом патронажные связи могут существенно отличаться по степени устойчивости, что важно учитывать при моделировании патронажных сетей с помощью сетевого анализа. Оценив структуру патронажных сетей Челябинской области и Пермского края как модель взвешенного графа, мы увидели, что довольно сложно выделить единый паттерн такого структурирования. Классифицировав сети по степени их сплоченности и централизации, мы увидели четыре разных модели такой структуры: децентрализованная и несплоченная вплоть до дезинтеграции сеть Б. Дубровского, централизованная и относительно несплоченная сеть М. Решетникова, децентрализованная, но сплоченная сеть О. Чиркунова и централизованная и сплоченная сеть М. Юревича. Модели структурирования бюрократии, вероятно, зависят от индивидуальных стратегий лидеров сетей и диктуются ограничительными рамками, связанными с силой и интересами других элитных групп в регионе, политикой федерального центра, а также собственным социальным капиталом и успехом предшествующей стратегии по формированию клиентелы. Попытки соотнести сетевые позиции акторов с типом занимаемой позиции, выделенной по типу управленческой компетенции, не дали статистически значимых результатов для трех сетей, однако для сети Решетникова такая взаимосвязь носит крайне устойчивый характер, что может говорить об эволюции стратегии губернаторов по формированию управленческого корпуса, связанной с распределением личной клиентелы на позиции, подразумевающие контрольные полномочия по отношению к остальным органам власти.

Видится, что сетевой анализ в изучении патронажных сетей имеет богатую повестку. Во-первых, важно продолжить попытки установления взаимосвязей между сетевыми позициями акторов и

их формальным местом в иерархии, а также типом доступных властных ресурсов, в том числе через более разнообразный анализ должностных полномочий и качественные, экспертные методы анализа. Во-вторых, аналитически перспективной кажется оценка политической выживаемости сетей после смены их лидеров. В-третьих, сетевой анализ дает возможность рассматривать элитные сети как непрерывно меняющийся объект. Потому применение метода лонгитюдного сетевого анализа может позволить более глубоко проанализировать направление, закономерности и факторы динамики элитных сетей в российских регионах.

K.V. Melnikov*

Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis¹

Abstract. The significance of informal practices and institutions in political and economic life in Russia has been largely recognized by a variety of research fields within social sciences. As existing literature shows, informal deformation also affects state bureaucracy including the recruitment process into the highest executive agencies. Patronage ties are more than merely individual deviation. Its systematic nature necessitates considering it as a network structure, which can be done through the theoretical tools provided by Social Network Analysis. Based on existing approaches to the quantification of patronage ties, the author proposes a new perspective, which comprises studying them as a model of a weighted graph. The patronage ties can differ significantly in terms of their stability and power, and researchers might take this diversity into account when analyzing patronage networks. To this end, the author proposes the patronage tie index comprising three parameters, namely the duration of a shared work experience, its frequency, and the fact of promotion.

Relying on these assumptions and on the basis of systematic biographical analysis, the author examines the structure of patronage networks within two of Russia's regions, namely Perm Krai and Chelyabinsk Oblast. The analysis shows that it is difficult to discern the general pattern of the structuring of such networks. These are different in terms of degrees of cohesion and centralization. The matching of the network positions with the types of official positions does not reveal the general pattern either. Presumably, the specific models can be explained by the individual strategies available for particular leaders.

---

* **Melnikov Kirill**, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), e-mail: melnikovrezh@gmail.com

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project number 20-011-32044.

Keywords: patronage; clientelism; patron-client relationships; informal networks; neopatrimonialism; regional elites; bureaucracy; administrative recruitment; SNA; informal institutions.

For citation: Melnikov K.E. Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 210–238. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>

References

- Afanasiev M. *Clientelism and Russian statehood*. Moscow : Moscow public science foundation, 2000, 301 p. (In Russ.)
- Baturo A., Elkink J. Dynamics of regime personalization and patron–client networks in Russia, 1999–2014. *Post-Soviet Affairs*. 2016, Vol. 32, N 1, P. 75–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2015.1032532>
- Bratanovsky S. *Textbook on administrative law*. Moscow : Direct-Media, 2013, 326 p. (In Russ.)
- Chapkovskii P. *Social networks and administrative recruitment in Russia: the case of the Federal Government in 2000–2008. MA Graduation Thesis*. Saint Petersburg : European university in Saint Petersburg, 2011, 42 p. (In Russ.)
- Easter G. *Reconstructing the state: personal networks and elite identity in Soviet Russia*. New York : Cambridge university press, 1999, 222 p.
- Garifullina G., Kazantsev K., Yakovlev A. United we stand: the effects of subnational elite structure on succession in two Russian regions. *Post-Soviet affairs*. 2020, Vol. 36, N 5–6, P. 475–494. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586x.2020.1785244>
- Gel'man V. The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism. *Social sciences and contemporary world*. 2016, N 1, P. 103–116. (In Russ.)
- Gilev A. Introduction. Black cats in dark rooms: studies of political patronage in social sciences and humanities. In: Gilev A. (ed.). *Patron-client relations in history and modernity: chrestomathy*. Moscow : ROSSPEN, 2016, P. 6–41. (In Russ.)
- Gimpelson V., Magun V. Serving the Russian state: prospects and constraints for young civil servants' careers. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*. 2004, Vol. 73, N 5, P. 19–36. (In Russ.)
- Hale H. *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. New York : Cambridge university press, 2014, 538 p.
- Keller F. Moving beyond factions: using social network analysis to uncover patronage networks among Chinese elites. *Journal of East Asian studies*. 2016, Vol. 16, N 1, P. 17–41. DOI: <https://doi.org/10.1017/jea.2015.3>
- Ledeneva A. *Can Russia modernise?: Sistema, power networks and informal governance*. New York : Cambridge university press, 2013, 314 p.
- Ledeneva A., Shushanian N. Telephone justice in Russia. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*. 2008, N 3, P. 42–50. (In Russ.)
- Medard J. Le rapport de clientèle : du phénomène social à l'analyse politique. *Revue française de science politique*. 1976, N 26 (1), P. 103–131.

- Opsahl T., Agneessens F., Skvoretz J. Node centrality in weighted networks: Generalizing degree and shortest paths. *Social networks*. 2010, Vol. 32, N 3, P. 245–251. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2010.03.006>
- Panizza F., Peters B., Ramos Larraburu C. Roles, trust and skills: A typology of patronage appointments. *Public administration*. 2019, Vol. 97, N 1, P. 147–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/padm.12560>
- Petrov N. Are changes in network Russia possible? *Kontrapunkt*. 2017, N 9, P. 1–15. (In Russ.)
- Raghavan U., Albert R., Kumara S. Near linear time algorithm to detect community structures in large-scale networks. *Physical review. E, Statistical, nonlinear, and soft matter physics*. 2007, Vol. 76, N 3, P. 036106. DOI: <https://doi.org/10.1103/physreve.76.036106>
- Reisinger W., Willerton J. Elite mobility in the locales: towards a modified patronage model. In: Lane D. (ed.). *Elites and political power in the USSR*. Aldershot : Elgar, 1988, P. 99–127.
- Scott J. Patron-client politics and political change in Southeast Asia. *The American political science review*. 1972, Vol. 66, N 1, P. 91–113. DOI: <https://doi.org/10.2307/1959280>
- Seidman S. Network structure and minimum degree. *Social networks*. 1983, Vol. 5, N 3, P. 269–287. DOI: [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(83\)90028-x](https://doi.org/10.1016/0378-8733(83)90028-x)
- Seleev S., Pavlov A. *Garazhniki*. Moscow : Strana Oz, 2016, 168 p. (In Russ.)
- Startsev Y. Personally-oriented interactions in public administration. In: Alexandrov A.A., Zerchaninov T.E., Samkov K.N., Startsev Ya.Yu. (eds). *Public agencies in the system of social interactions: sociological, political and managerial analysis*. Yekaterinburg : UAPA, 2009, P. 31–59. (In Russ.)
- Startsev Y. Neo-feudalism and neopatrimonialism: applying past-oriented metaphors to study of Russian politics. In: Alekseev V.V. (ed.) *Social sciences in Ural academia: priorities and prospects of research aspirations. Materials of the all-Russian scientific conference*. Yekaterinburg : UAPA, 2013, P. 342–351 (In Russ.)
- Willerton J. Patronage networks and coalition building in the Brezhnev era. *Soviet studies*. 1987, Vol. 39, N 2, P. 175–204. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668138708411685>

Литература на русском языке

- Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. – М. : Московский общественный научный фонд, 2000. – 301 с.
- Братановский С. Административное право: учебник. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 326 с.
- Гельман В. «Порочный круг» постсоветского неопатримониализма // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 103–116.
- Гилев А. Введение. Черные кошки в темных комнатах: исследования политического патронажа в общественных и гуманитарных науках // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия / под общ. ред. А. Гилева. – М. : РОССПЭН, 2016. – С. 6–40.

- Гимпельсон В., Магун В. На службе государства Российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2004. – № 5 (73). – С. 19–36.
- Леденева А., Шушанян Н. Телефонное право в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 3. – С. 42–50.
- Петров Н. Возможны ли перемены в сетевой России // Контрапункт. – 2017. – № 9. – С. 1–15.
- Селеев С., Павлов А. Гаражники. – М. : Страна Оз, 2016. – 168 с.
- Старцев Я. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ / под ред. А.А. Александрова, Т.Е. Зерчаниновой, К.Н. Самкова, Я.Ю. Старцева. – Екатеринбург : УрАГС, 2009. – С. 31–59.
- Старцев Я. Неофеодализм и неопатримониализм: эвристический потенциал архаизирующих метафор в изучении российской политики // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска. Материалы всероссийской научной конференции 17–18 июня 2013 г. / под ред. В.В. Алексеева. – Екатеринбург : Издательство АМБ, 2013. – С. 342–351.
- Чапковский Ф. Социальные сети и административное рекрутирование в России: на примере федерального правительства 2000–2008. Выпускная квалификационная работа. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. – 42 с.

А.С. СМОЛЯРОВА*

**ГЛОБАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В INSTAGRAM:
ОПЫТ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА
РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЛОГОВ О МИГРАЦИИ¹**

Аннотация. В статье рассматривается с точки зрения теории публичной сферы зарубежная русскоязычная блогосфера на платформе Instagram. В ходе исследования выявлено активное сотрудничество блогеров, проживающих в разных странах, во время освещения пандемии коронавируса в марте – апреле 2020 г. Участниками сетевых обществностей, объединенных в рамках данного сотрудничества, стали более 4 тыс. русскоговорящих инстаграм-пользователей, комментирующих посты, охват аудитории у наиболее популярных блогеров превышал порог в 100 тыс. подписчиков. Блогеры, инициировавшие контрибутивные публикации о положении с COVID-19 в своих странах, являлись точками кристаллизации публичных дискуссий для людей с опытом миграции, которые нередко исключены из национальных публичных сфер как родных стран, так и стран проживания. Предлагая своим подписчикам познакомиться с ситуацией в разных странах, блогеры сформировали глобальную арену, которая возникает на пересечении сетевых групп обществности, сложившихся вокруг блогеров. Основным механизмом создания подобной арены выступает сотрудничество блогеров, направленное на собственное продвижение и помощь другим блогерам в противо-

---

* **Смолярова Анна Сергеевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.smolyarova@spbu.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: проект МК-1448.2020.6 «Трансформация медиареппетуара как стратегия социокультурной адаптации мигрантов».

© Смолярова А.С., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.10

стоянии алгоритмам онлайн-платформы. Коллаборация в виде единовременной публикации постов на одну и ту же тему, объединенных уникальным хештэгом и включающих прямые ссылки на блогеров из других стран, приводит к возникновению сетевого ad hoc, или ситуативного, глобального медиа на русском языке. На арене, конституируемой ad hoc медиа, русскоговорящие мигранты, живущие в разных странах, могли обсудить меры, которые принимали государства для победы над пандемией. В то же время данная глобальная сетевая общественность остается «слабой публикой», которая не трансформировалась в контрпубличную сферу участия.

Ключевые слова: контрпубличная сфера; сетевые группы общественности; освещение COVID-19; Instagram; социальные медиа; транснациональная миграция; русскоязычные медиа за рубежом.

Для цитирования: Смолярова А.С. Глобальная альтернативная общественность в Instagram: опыт сетевого анализа русскоязычных блогов о миграции // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 239–260. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.10>

Более 15 лет назад П. Дальгрэн обращал внимание на то, что «сегодня наиболее примечательный разрыв между коммуникацией в публичной сфере¹ и институциональными структурами для обязательных решений мы находим на глобальной арене» [Dahlgren, 2005, p. 153]. Данный разрыв сохраняется до сих пор, но за прошедшее время изменились распространенность и доступность сетевых технологий, на основе которых возможно возникновение новых общностей.

К значимости глобальных публичных сфер, безусловно, применимы слова Н. Фрейзер о необходимости арен, где «представители различных, более ограниченных групп общественности говорят сквозь границы культурного разнообразия» [Fraser, 1990, p. 117]. Глобалисты, критикующие концепцию публичной сферы, прежде всего говорят об объединении граждан разных стран, «заинтересованных в решении глобальных проблем». Для мигрантов, которые нередко исключены из национальных публичных сфер, появление доступных для широкого круга пользователей сетевых платформ дало возможность не столько включаться в националь-

---

¹ Здесь и далее в переводах и в авторском тексте я буду использовать слова «общественность» или «публика» для передачи понятия public (во множественном числе «группы общественности» – publics), под которым понимается совокупность граждан или участников общественной жизни, в отличие от public sphere как совокупности коммуникационных процессов.

ные дебаты, сколько создавать свои пространства участия, где становится возможным обсуждение проблем и вопросов, значимых для общественности с опытом миграции. Являются ли данные арены контрпубличными или альтернативными сферами [Fraser, 1990]? Обязательно ли контрпубличные сферы связаны с политическим активизмом или могут становиться побочным результатом развития коммерческих медиапроектов?

Одним из таких коммерческих медиа может являться блог в Instagram. Инстаграм-инфлюенсеры [Бодрунова, 2021] – лишь один из примеров общественных фигур, которые стали ключевыми структурными элементами в сетевых дискуссиях. Их выявлению, изучению причин и принципов переноса офлайн-статуса в онлайн, возникновению влияния внутри сетей онлайн-пользователей посвящены сотни исследований. В данной статье я рассмотрю русскоязычных блогеров с опытом миграции, которые через сотрудничество, направленное на расширение аудитории, создают и воспроизводят глобальную арену, на которой обсуждают действия государств – их стран проживания – во время пандемии COVID-19 весной 2020 г.

**«Слабая публика»:
инстаграм-блогеры с опытом миграции**

***Публичная и контрпубличная сферы:
небинарная оппозиция***

В последнее время в научной литературе по политической коммуникации концепция публичной сферы нередко подвергается критике [Rauchfleisch, 2017]. Согласно Ю. Хабермасу, в публичной сфере должен происходить цивилизованный обмен информацией и мнениями на основе взаимоуважения участников делиберативного процесса, направленный на достижение консенсуса [Fetree et al., 2002, p. 302]. Еще одним условием является равенство: публичная сфера представляет собой «место обсуждения равными людьми их общих забот, возможное только, если исключены все варианты зависимости и принуждения (будь это зависимость от рынка или традиции)» [Трубина, 2013, p. 27]. Но современную публичную сферу исследователи описывают как диссонантную и распадаю-

щуюся [Pfetsch, 2018]. Они отказываются от нормативной модели, в которой важную роль играет рациональная аргументация [Papacharissi, 2016]. Но вертикальная структура множественной публичной сферы обычно рассматривается в границах национальной политической системы, которой адресуется политическая воля, формируемая в публичной сфере [Dahlgren, 2005, p. 148].

Публичные субсферы, существующие на глобальном уровне, могут исключать участников по социально-экономическому цензу [Docherty, 2015]. Глобальность публичной субсферы также неизбежно ограничена языковыми барьерами [Bodrunova et al., 2018]. В кросс-границной коммуникации постоянно участвуют транснациональные мигранты, но исследователи уделяют внимание в первую очередь их включению и участию в публичных сферах национальных государств – страны проживания и родной страны [Leurs, Ponzanesi, 2018]. Горизонтальная взаимосвязанность в публичном пространстве способна включать в себя жителей разных стран, обладающих схожим опытом и говорящих на общем языке. Ю. Хабермас и Н. Фрейзер указывают, что в отсутствие институционализированной «сильной публики», наделенной «прерогативами принятия и достижения решений» [Трубина, 2013, с. 28], подобная взаимосвязанность проявляется в виде «слабой публики», которая формируется и проявляется в спонтанных обсуждениях, в которых участвуют люди, «свободные от бремени принятия решений» [Трубина, 2013, с. 28]. Именно в рамках свободных и открытых обсуждений «слабой публики» возможно распознавать «новые проблемы, нуждающиеся в широком рассмотрении» [Трубина, 2013, с. 28]. В то же время «сильная публика» способна «представлять свое мнение как общественно важное», а проблемы, сформулированные «слабой публикой», признавать частными [Тыканова, 2011, с. 160]. В настоящей статье я рассматриваю публичное онлайн-взаимодействие русскоговорящих инстаграм-блогеров, проживающих в разных странах, как формирование и воспроизводство «слабой публики».

Возможность создать собственные площадки для обсуждений является принципиальной для граждан, вытесненных из обсуждений в доминирующей публичной сфере, или для индивидов, которые не представлены в них, – например для иммигрантов. В зависимости от подхода исследователей такие площадки могут рассматриваться как субсфера пространства социального общения,

«в котором свободные граждане должны обсуждать вопросы, представляющие общий интерес» [Wimmer, 2005, p. 100] или как контрпубличная сфера (контрпубличная общественность). О.Ю. Малинова рассматривает публичную сферу как «множество частично пересекающихся групп общественности, границы которых меняются во времени и в пространстве, а также в зависимости от обсуждаемых тем» и пространство «конкуренции разных способов интерпретирования социальной реальности» [Малинова, 2010, с. 93]. П. Дальгрен допускает, что коммуникация в различных субсферах может отличаться по стилям общения и языку коммуникаций [Dahlgren, 2005]. С точки зрения Р. Азена, бинарная оппозиция «публичная – контрпубличная сферы» не учитывает одновременное существование разных групп общественности, границы которых могут быть проницаемыми, а участники – принадлежать к нескольким группам общественности [Asen, 2000].

Н. Фрейзер, Дж. Виммер и другие предлагают различать альтернативные и контрпубличные сферы, чтобы концептуализировать как дискурсивное противостояние с доминирующей субсферой, так и участие в альтернативных формах политической организации [Wimmer, 2005; Fraser, 1990]. Альтернативные публичные сферы отвечают за удовлетворение потребности в коммуникации тех общественных групп, которые оказываются вытесненными из доминирующей публичной сферы [Wimmer, 2005; Fraser, 1990]. В них члены маргинализированных общественных групп могут «формулировать оппозиционные интерпретации своих идентичностей, интересов и потребностей» [Fraser, 1990, p. 67–68]. Продолжая мысль Р. Азена, речь идет не о статичной бинарной оппозиции, а о спектре взаимодействия субсфер в динамике. Отсутствие репрезентации (или негативная репрезентация) в доминирующей субсфере приводит к формированию альтернативной субсферы, в которой вырабатываются общие интересы и / или и коллективные идентичности, возникают новые виды общности [Downey, Fenton, 2003; Fraser, 1990]. Возможным, но не обязательным следствием может быть развитие альтернативной субсферы в контрпубличную сферу участия, которая предполагает открытые формы оспаривания доминирующего дискурса, например протестную активность. Другим вариантом развития оказывается изменение статуса дискурса и внедрение выработанной повестки в доминирующую субсферу.

К альтернативным и контрпубличным сферам часто относят феминистские, экологические, иммигрантские группы общественности.

Медиа для иммигрантов как альтернативная публичная сфера

Качество современных медиатизированных публичных сфер в демократических государствах нередко критикуется за то, что «механизм “направления интересов *граждан*” (курсив мой. – *Прим. авт.*) через массмедиа начинает работать с меньшей эффективностью» [Downey, Fenton, 2003, p. 190]. Людям с опытом миграции данный механизм, как правило, недоступен и в демократических режимах, где исключение составляют репатрианты и жители стран, в которых предусмотрена процедура натурализации в случае постоянного проживания (см. подробнее о концептуализации понятия «гражданство»: [Puin, 2017]). В большинстве стран иммигранты практически не включены в существующие схемы артикуляции интересов, доступность которых может быть спорной и для имеющих гражданство.

Исключение из публичных сфер страны проживания связано как с общественной коммуникацией на национальном языке или языках через СМИ, принадлежащие доминирующей общественной группе [Fraser, 2007, p. 11], так и с негативизмом в освещении иммигрантов в данных СМИ. Язык коммуникации и позиции общенациональных СМИ являются факторами вытеснения части членов социума за пределы обсуждения интересов, результатом которого так или иначе становятся законодательные решения, которые оказывают влияние на повседневную жизнь каждого члена общества. Отсутствие репрезентации или доминирование негативной репрезентации является одной из ведущих причин создания иммигрантами собственных медиа или обращения аудитории к СМИ родной страны [Lay, Thomas, 2012]. Отмечу, что речь не идет о сегрегации: исследования медиапотребления в среде русскоязычных и многих других групп в разных странах показывают, что их медиарацион включает СМИ страны проживания.

В настоящем исследовании я использую сетевой анализ для того, чтобы выявить структуру взаимодействий между группами общественности, которые формируются вокруг русскоговорящих

инстаграм-блогеров с опытом транснациональной миграции, и конституируют альтернативные публичные субсферы.

Сетевой анализ онлайн – групп общественности

Группы общественности, чье взаимодействие составляет публичную сферу, обладают сетевой природой (networked publics): «потoki коммуникации в процессе [коммуникации] фильтруются или синтезируются так, что сливаются в узлы или тематически ограниченные общественные мнения» [Бодрунова, 2011, с. 114]. Дубровина подчеркивает «слоевую пространственно-сетевую структуру» «публики публик» – «общего «жизненного мира» людей в совокупности политических и неполитических обществ, политических и парapolитических объединений граждан» [Дубровина, 2007].

Изучение информационных связей внутри неформализованных сетевых групп относится к одному из основных направлений сетевых исследований [Попова, Суслов, 2021]. Согласно Д. Бойд [Boyd, 2010], сетевые группы общественности (networked publics) одновременно являются пространством коммуникации и коммуницирующим коллективом. «Воображаемый коллектив, возникающий в результате взаимодействия людей, технологий и практик» (Ковальчук, 2019), может создавать воспроизводимые арены или возникать на короткий срок в качестве общественности ad hoc [Bruns, Burgess, 2015], аффективных групп общественности [Papacharissi, 2016]. Они представляют собой сети с неоднородными по объему влияния узлами, формируемыми через «неинституциональное, хотя и не всегда неиерархичное» общение в микрогруппах, центрами которых являются лидеры общественного мнения, или инфлюенсеры [Бодрунова, 2021]. Если в классической концепции двухступенчатого потока коммуникации речь шла о потреблении информации (СМИ – лидеры мнений – широкая аудитория), то в сетевой коммуникации вокруг высказываний инфлюенсеров возникают публичные дискуссии, каждая из которых – «выявляющая настроения и помогающая сложиться сетевому консенсусу» [Бодрунова, 2021]. Такой подход позволяет рассматривать инфлюенсеров как «точки кристаллизации общественного мнения» [Бодрунова, 2021].

С. Бодрунова описывает два возможных подхода к пониманию статуса инфлюенсера. Каждый инфлюенсер обладает «маркетинговыми» и «делиберативными» характеристиками. К первым относятся число подписчиков, число комментаторов, число комментариев и других реакций, ко вторым – относительные метрики центральности интернет-пользователя как узла сети. Кроме того, SNA при выявлении инфлюенсеров учитывает разницу между активностью интернет-пользователя (например, количество постов и комментариев, которые публикует пользователь) и вовлеченностью аудитории (количество подписчиков, количество комментариев под постами пользователя, лайков и ретвитов).

В силу ограничений платформ SNA чаще всего применяется к дискуссиям и группам общественности, которые формируются в Twitter (в России возможности парсинга существуют для сетей «ВКонтакте» и «Одноклассники» [Попова, Суслов, 2021]). Instagram, несмотря на то что занимает 6-е место в мире по популярности среди социальных платформ, изучен гораздо меньше. При этом две платформы различаются достаточно существенно, чтобы часть выводов по сетевым группам общественности в Твиттере нельзя было экстраполировать на коммуникацию в Инстаграме. Instagram отличается отсутствием репостов (ретвитов), которые играют существенную роль в сетевом анализе твиттер-инфлюенсеров. Именно в Инстаграме получила максимальное развитие концепция блогов о повседневной жизни, где границы между публичным и частным становятся абсолютно размытыми. Наконец, в ответ на зависимость коммерческого успеха от платформенных алгоритмов инстаграм-блогеры объединяются в группы поддержки (engagement pods), чтобы скоординированно обеспечить действия, благодаря которым инстаграм-алгоритмы приоритизируют посты в ленте пользователей [O'Meara, 2019].

Результаты предыдущих исследований [Smoliarova, Bodrunova, 2021] показали, что в Инстаграме благодаря взаимодействию русскоговорящих блогеров, рассказывающих про свой опыт миграции, формируются глобальные публики, в которых критически рассматриваются нормы принимающего общества и положение дел в стране проживания, а также поднимаются вопросы, обладающие общественной значимостью именно для иммигрантов (сложности бюрократии и поиска работы, межкультурная коммуникация, дискриминация в отношении иммигрантов).

В один день от нескольких до десятков блогеров из разных стран публикуют посты на одну и ту же тему, в которые входят тематический хештэг (например #страховка_в) и прямые ссылки на пяти-рых блогеров из другой страны (см. рис. 1).

Рис. 1.
**Пример поста, участвующего в формировании
глобальной общественности**

При анализе освещения COVID-19 с января по апрель 2020 г. в русскоговорящих инстаграм-блогах в Китае и Италии [Smoliarova, Gromova, Sharkova, forthcoming) вновь была выявлена подобная структура, с помощью которой блогеры организовали обмен информацией о текущем положении дел в их странах проживания. Ключевым отличием от материала 2018 г., по которому было проведено первое исследование, стало внимание к новостной повестке, отсутствие которого было примечательно для глобальной сетевой общественности, изученной ранее. Блогеры по-прежнему создавали уникальные тематические хештэги, по которым возможно было найти посты всех, кто вносил вклад в контрибутивную публикацию (по аналогии с contributive action [Бодрунова, 2020]).

Я полагаю, что русскоязычные блогеры, предлагавшие своим подписчикам познакомиться с развитием пандемии в разных странах мира в марте – апреле 2020 г., объединили в единую арену отдельные публичные дискуссии, которые развивались в ответ на публикации в их блогах. Если инфлюенсеров можно рассматривать

как «точки кристаллизации общественного мнения», то глобальная альтернативная общественность формируется в результате их взаимодействия – контрибутивных публикаций по общим темам.

Данные и методология

На первом этапе для сбора датасета использовались хештэги, выявленные в ходе анализа постов о COVID-19, опубликованных в русскоговорящих инстаграм-блогах в Китае и Италии [Smoliarova, Gromova, Sharkova, forthcoming]. В силу ограничений платформы на загрузку данных, на этом этапе данные сохранялись вручную и включали в себя помимо текста поста следующие метаданные: уникальный хештэг, уникальный код поста, автор поста, страна проживания автора поста, дата публикации. Таким образом, в датасет были включены 122 поста по семи хештэгам, опубликованные с 14 марта по 22 апреля 2020 г. (табл. 1).

Таблица 1

Структура контрибутивных публикаций о COVID-19

Хештэг	Число постов	Дата публикации
#Корона ситуация в моей стране	20	14.03.2020
#Корона ситуация в моей стране 2	18	21.03.2020
#корона ситуация в моей стране 3	16	30.03.2020
#цени жизнь	30	04.04.2020
#настанетдень	9	05. 04.2020
#корона ситуация в моей стране new	14	08.04.2020
#корона ситуация update	15	22.04.2020

На втором этапе для каждого поста были выделены упомянутые в нем с помощью прямой ссылки блогеры и их страны проживания. Авторами постов являлись 67 блогеров, проживающих в 38 странах. С учетом прямых ссылок в их постах число блогеров, вовлеченных в контрибутивные публикации по уникальным хештэгам, составило 77. Из них 10 не использовали хештэг в посте или удалили пост за прошлый год, но в момент публикации их пост по общей теме был доступен через прямую ссылку на блогера. В трех случаях у блогеров были закрыты комментарии под постами (отсутствует возможность прокомментировать). Анализ комментариев является ключевым для реконструкции сетевой общественности, в связи с этим было принято решение удалить из датасета трех авто-

ров с закрытыми комментариями. На основе полученных данных был создан датасет связей между блогерами – участниками контрибутивных публикаций.

На третьем этапе для каждого из постов 64 авторов были скачаны комментарии с помощью скрипта, написанного на языке Python специально для исследования на основе Instaloader¹. По уникальному ID поста данный скрипт скачивал текст каждого комментария, оставленного к посту, включая эмодзи, и сохранял следующие метаданные: тип комментария (ответ на пост или ответ на комментарий под постом), уникальный id комментария, уникальный id комментария, в ответ на который размещен данный комментарий, профиль комментатора, число лайков к комментарию и точное время и дату публикации комментария. В завершение был создан датасет связей авторов постов и их комментаторов. В финальном датасете были объединены первые два датасета.

Медианное число подписчиков в выборке – более 52 тыс. Доля блогеров, чья аудитория меньше 10 тыс., в выборке меньшинство, в то время как практически у каждого третьего подписчиков больше 80 тыс. Еще почти треть составляют блогеры с аудиторией от 40 до 70 тыс. подписчиков.

Анализ числа участия в контрибутивных публикациях показал, что две трети блогеров присоединялись к публикации по хештэгу только один раз из семи. 12% блогеров составляют квазиредакционное ядро: они приняли участие в пяти публикациях. Наконец, регулярность участия каждого пятого блогера колеблется от 2 до 4 хештэгов (см. табл. 2).

Таблица 2

**Воспроизводимость состава авторов
контрибутивных публикаций**

Число участия	Доля блогеров, %
1	65,63
2	10,94
3	7,81
4	3,13
5	10,94
6	1,56

¹ Instaloader. – Режим доступа: <https://instaloader.github.io/> (дата посещения: 19.07.2021).

Таким образом, можно утверждать, что речь идет о медиа-проекте с открытым составом участников, к которому могут присоединиться новые авторы – по приглашению или по собственной инициативе.

На основе данных каждого из датасетов были построены ориентированные графы в программе Gephi (версия 0.9.2., укладки OpenOrd и ForceAtlas 2). Для каждой вершины во всех трех графах были рассчитаны относительные метрики центральности узла – PageRank (влиятельность узла в ориентированном графе, далее – влиятельность узла) и Betweenness centrality (степень посредничества). Влиятельность узла тем выше, чем больше других влиятельных страниц с ним связаны. Таким образом, наиболее влиятельные узлы в сети – это блогеры, для которых наиболее высока вероятность охвата максимально широкой международной аудитории через сеть упоминаний у других активно вовлеченных блогеров. Степень посредничества определяет частоту, с которой узел сети выступает точкой пересечения двух кратчайших путей между двумя другими узлами. В настоящем исследовании этот параметр помогает проверить гипотезу о блогерах как точках кристаллизации.

Таблица 3

Начальные и конечные вершины графов

	Начальная вершина	Конечная вершина
Граф 1	Автор поста	Блогер, указанный в посте через прямую ссылку
Граф 2	Комментатор поста	Автор поста
Граф 3	Объединение предыдущих графов	

Далее по датасету комментариев для каждого пользователя были выполнены следующие расчеты: общее число комментариев, среди них – доли комментариев автора поста и неавторских комментариев, число комментаторов, доля комментариев других блогеров среди неавторских комментариев и доля других блогеров среди комментаторов. Эти данные позволяют, во-первых, учесть активность в комментариях самого автора поста, во-вторых, оценить вовлеченность других участников контрибутивной публикации в продвижение постов того или иного автора. Для нормализации показателей вовлеченности использовалось число подписчиков блогера. Вовлеченность считалась как соотношение числа комментаторов к числу подписчиков.

Наконец, был проведен корреляционный анализ связи между маркетинговыми характеристиками (число подписчиков и вовлеченность), характеристикой активности инфлюенсера в сети (число контрибутивных публикаций, доля авторских комментариев) и дилиберативными характеристиками (частота упоминаний автора другими блогерами, доля тех, кто упоминал автора, среди всех блогеров, участвующих в контрибутивных публикациях в выборке, влияние блогера в сети блогеров и в общей сети, включающей связь между блогерами и связи с комментаторами).

Блогеры как «точки кристаллизации» публичной дискуссии

Проведенный анализ позволил выявить три пересекающиеся сети пользователей: 1) сеть авторов, производящих контент, 2) сеть, взаимодействующая с контентом, для которой блогеры являются точками кристаллизации [Бодрунова, 2021]. На пересечении данных сетей возникает третья сеть – 3) сеть-арена, связывающая обсуждения в комментариях блогеров из разных стран в глобальную сетевую общественность.

Сеть, производящая контент

Инициатором первой контрибутивной публикации о ситуации с пандемией в разных странах выступила блогер @olyosip_proitalia из Италии. В марте – апреле 2020 г. практически весь ее блог был посвящен пандемии, она активно призывала не распространять непроверенную информацию и относиться к проблеме со всей серьезностью. 14 марта 2020 г. началась публикация первой цепочки постов с уникальным хештэгом #Корона_ситуация_в_моей_стране. @olyosip_proitalia прямо писала о своей инициативе (здесь и далее сохраняется написание автора поста. – Прим. авт.):

Вирус распространяется по всем континентам, поэтому:

Я попросила блогеров со всего мира рассказать о текущей ситуации в их странах

ЧТО ПРОИСХОДИТ на самом деле в странах, в которых мы живем?

Другие блогеры использовали заготовки для позиционирования поста и адаптировали их с разной степенью вариативности:

«Сегодня мы, блогеры разных стран мира, рассказываем, что происходит на самом деле в странах, в которых мы живем в связи с распространением вируса и какие меры принимают государства. Еще больше статей тут: #Корона_ситуация_в_моей_стране» (@nastyia_insweetz, Швейцария).

Блогеры пишут друг о друге как о «коллегах» и в текст поста включают предложения познакомиться с ситуацией в разных странах:

- *О том как переживают эпидемию в других странах вы сможете прочесть ниже у моих коллег. Информация из первых рук – картинка в реальном времени* (@frau.specht, Германия).

- *Цель моей заметки рассказать, что происходит у нас в Австралии на данный момент – без нагнетания паники и без истерии. Сухие факты и мои личные впечатления. Если вам интересно, что происходит в других странах, то загляните в эти блоги* (@photonatka, Австралия).

Таким образом, посты данного типа адресованы международной аудитории, носят аналитический характер и направлены на удовлетворение запроса аудитории на информацию. Блогеры подчеркивают неэмоциональную подачу, надежность информации и ее достоверность, основанную на том, что они являются очевидцами событий. В некоторых постах встречается прямое указание «директ завален вопросами», что может быть интерпретировано как позиционирование блогером нужд аудитории и демонстрация своей готовности на них реагировать и удовлетворять потребности подписчиков.

В первой контрибутивной публикации приняли участие 18 блогеров из 18 стран (Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и Австралия). Следующая коллаборация организуется через неделю, хештэг был незначительно изменен: #Корона_ситуация_в_моей_стране_2. В третьей публикации участвовали 16 блогеров из 16 стран, в число которых вошли также США и Бразилия. Затем четвертого и пятого апреля посты публикуются с двумя эмоциональными хештэгами – #цени_жизнь_ (30 постов) и #настанет_день (9 постов):

Раз в неделю, я пишу про то, как живет наш город сейчас, стараюсь делать это не часто, но, вы просите делиться обстановкой. Сегодня мы с девочками решили объединить все страны под одним хештегом #цени_жизнь_, чтобы вы могли зайти к каждой и почитать что происходит в мире (@hongkong_guide, Кунтай, 04.04.2020).

В то же время блогеры используют эмоциональные истории для того, чтобы подчеркнуть серьезность проблемы и призвать читателей следовать рекомендациям и изолироваться на время по возможности: «Над некоторыми районами города уже кружат грифы» (@digoista, Эквадор, 06.04.2020).

Максимальное количество ссылок на одного блогера составляет 9% от общего числа ссылок, и наибольшая входящая степень принадлежит инициатору сети – @olyosip_proitalia. Блогер Ольга Осипова была приглашена осветить кратко положение дел в Италии в передачу «ДокТок» на Первый канал (выпуск от 26 марта), а в конце апреля выступила еще на четырех телевизионных каналах и на радио в двух странах. На втором месте блогер @ninagersamia (Грузия) с 7% от общего числа ссылок. @olyosip_proitalia и @ninagersamia лидируют с точки зрения betweenness centrality. Затем следуют девять блогеров, чья доля ссылок от общего числа составляет от 3 до 3,7%. На 13 из 77 блогеров в выборке не было выявлено ни одной ссылки, еще 10 блогеров были упомянуты один раз. У двух авторов – @consultant.travel и @ninagersamia (Грузия) – три четверти комментариев оставлены другими авторами – участниками инициативной группы.

Как влияние блогера в сети, производящей контент, связана с его сетью, взаимодействующей с контентом, – числом подписчиков и их вовлеченностью?

Таблица 4

Корреляционный анализ характеристик инфлюенсеров в сети, производящей контент (коэффициент Пирсона)

	Влиятельность блогера в сети, производящей контент	Доля авторов среди комментаторов
Число подписчиков	-0.04	-0.22
Вовлеченность	0.299*	-0.151
Число контрибутивных публикаций, в которых блогер принял участие	0.643***	-0.029
Доля авторов, которые оставляли комментарии под постом, от числа блогеров	0.684***	0.63***
Промежуточность	0.423***	-0.112
Доля авторов среди комментаторов	0.154	
* p < 0,05		
** – p<0,01		
*** – p<0,001		

Полученные данные показывают, что на позицию блогера в сети не влияет напрямую число подписчиков и незначительно влияет вовлеченность пользователей в комментариях. Для позиции в сети, производящей контент, гораздо более важным являются активность (число контрибутивных публикаций) и взаимодействие других блогеров с автором.

Сеть-арена

Для реконструкции сети-арены мы использовали две сети: сеть блогеров из инициативной группы и сеть блогер – комментаторы (включая других блогеров, комментирующих посты).

За исключением авторов, число пользователей, оставивших комментарии в нашей выборке, равняется почти 4,5 тыс. человек. Примерно каждый десятый комментарий из всего дата-сета оставлен блогером, хотя бы раз принявшим участие в контрибутивной публикации (902 комментария от блогеров из 8659 комментариев).

На рис. 2 отображен граф, соответствующий сети-арене. Блогеры занимают в нем центральное положение – минимальное значение метрики Page Rank для автора вдвое превышает максимальное значение среди комментаторов. Как влияние блогера на этой арене связана с его маркетинговыми показателями, активностью в сети, производящей контент, и влиятельностью в данной сети?

Обращает на себя внимание разница во взаимовлиянии двух параметров. Так, вовлеченность – доля комментаторов от общего числа подписчиков – имеет небольшое значение для сети, производящей контент, но не для сети-арены. Влиятельность автора в сети-арене вдвое слабее связана с регулярностью контрибутивного участия, чем в сети, производящей контент. В то же время в обоих случаях обнаруживается сильная корреляция между вниманием других авторов, участвующих в контрибутивных публикациях, и влиятельностью блогера внутри созданных авторами сетей.

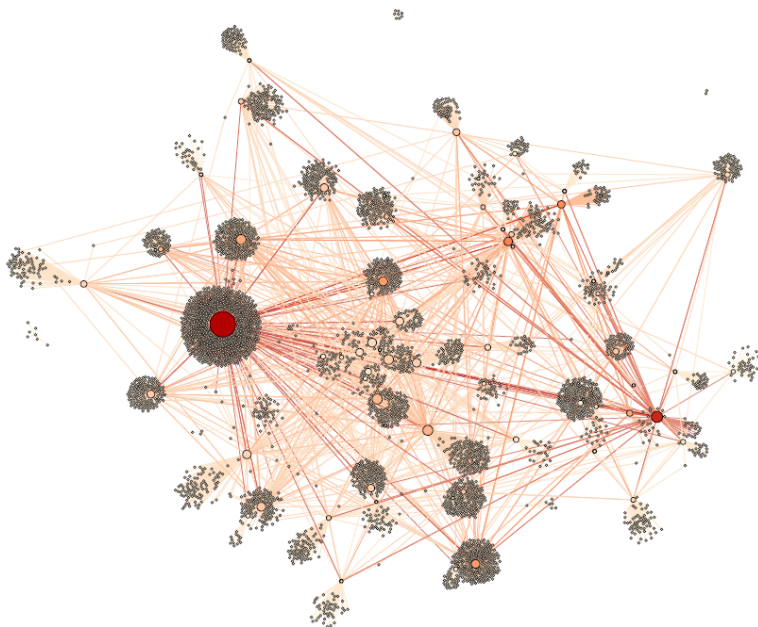

Рис. 2.

Блогеры как точки кристаллизации (укладка Force Atlas 2 выполнена в Gephi, размер вершины соответствует Pagerank, насыщенность цвета – Betweenness centrality)

Таблица 5

Корреляционный анализ характеристик инфлюенсеров в сети-арене (коэффициент Пирсона)

	Влиятельность блогера в сети, производящей контент	Влиятельность блогера в сети-арене
Число подписчиков	-0.04	0.154
Вовлеченность	0.299*	0.026
Число контрибутивных публикаций	0.643***	0.366**
Доля авторских комментариев	-0.17	-0.118
Доля авторов, которые оставляли комментарии под постом, от числа блогеров	0.684***	0.612***
* p < 0,05 ** – p<0,01 *** – p<0,001		

Ad hoc медиа и альтернативная общественность

В последнее десятилетие носители русского языка, как правило, совершают относительно свободный выбор страны проживания. Об этом свидетельствуют информационные продукты – блоги, марафоны, онлайн-курсы и консультации, которые создаются специально в помощь планирующим переезд при выборе страны, а также широчайший спектр стран. Некоторые из носителей русского языка, живущих за рубежом, создают блоги, связанные с их опытом миграции. Запущенные на платформе Instagram, они завоевывают популярность – число подписчиков на блоги только из нашей выборки может достигать 180 тыс. Охваты подобного масштаба можно считать невиданными для русскоязычных медиа за рубежом, большая часть из которых действует как национальные СМИ. Подобные инфлюенсеры создают и воспроизводят сетевое публичное пространство, в котором возможны дискуссии в ответ на высказывания инфлюенсера, – сети, взаимодействующие с контентом.

Коммерциализация блогинга в Instagram и зависимость Instagram-медиапроектов от непредсказуемых действий алгоритмической ленты привели к тому, что блогеры объединяются в группы поддержки. Стремясь расширить аудиторию, русскоязычные блогеры с опытом миграции начали запускать контрибутивные публикации – согласованный выход постов примерно в одно время на одну и ту же тему, объединенных общим уникальным хештэгом. Данный хештэг маркирует тему публикации, и кроме возможности посмотреть все посты по хештэгу, блогеры-контрибуторы включают в текст поста прямые ссылки на блогеров из других стран. Подобные публикации адресованы международной аудитории и создаются с учетом потенциала продвижения блога, которое является желанным результатом сотрудничества. Сети подписчиков каждого отдельно взятого блогера получают возможность пересечения и возникновения новых связей на глобальном уровне.

Согласно Д. Бойд, сетевые группы общественности одновременно являются пространством, которое создается с помощью сетевых технологий, и воображаемым коллективом. Но в рассматриваемом в статье случае сеть строится не только между теми, кто взаимодействует с готовым контентом, но и между создателями

контента. Сеть, создающая контент, и сети, взаимодействующие с контентом, вместе конституируют сеть-арену, которая является глобальной сетевой общественностью.

Акторами сети, создающей контент, становятся персональные медиапроекты, которые одновременно являются связанными между собой индивидами. Для каждого уникального хештэга происходит пересборка состава участников, причем стабильное ядро включает в себя только 12% от всех блогеров, принимавших участие в публикациях в течение почти двух месяцев. По аналогии с *ad hoc* группами общественности такой способ организации можно назвать *ad hoc* медиа. Они становятся основой для существования параллельной структуры публичной коммуникации, так как одновременно инициируют дискуссию и создают арену для обмена опытом, который маргинализирован или не представлен в национальных публичных сферах.

В результате деятельности *ad hoc* медиа происходит становление глобального публичного пространства, в котором концепция «мы» включает в себя русскоговорящих людей, проживающих в разных странах мира. Значительная доля участников данной арены не имеют гражданства страны проживания, находятся в уязвимом положении и сталкиваются с проблемами, которые не находят отражения в национальных СМИ как страны проживания, так и родной страны.

Проанализированная в статье общественность носит альтернативный, а не контрпубличный характер, так как на данный момент сетевая коммуникация не связана с участием в альтернативных формах политической организации, которое я вслед за Н. Фрейзер полагаю ключевым признаком контрпубличной сферы. В то же время появление нового публичного пространства транснационального уровня, вне зависимости от формирования политической воли в его пределах, имеет политическую природу и предполагает существование глобальной альтернативной общест-венности.

A.S. Smoliarova*

**Global alternative public on Instagram: SNA-based case study
of blogs about migration in Russian language¹**

Abstract. The article examines the foreign Russian-language blogosphere on Instagram through the lenses of the public sphere theory. The study revealed active cooperation of bloggers living in different countries during coverage of the coronavirus pandemic in March-April 2020. More than 4,000 Russian-speaking Instagram users commenting on posts became members of the networked publics because of this cooperation, the audience coverage of the most popular bloggers exceeded the threshold of one hundred thousand subscribers. Bloggers who initiated contributory publications on the situation with COVID-19 in their countries were points of crystallization of public discussions for people with migration experience, who are often excluded from the national public spheres of both their home countries and countries of residence. By inviting their subscribers to get acquainted with the situation in different countries, bloggers have formed a global arena that arises at the intersection of online public groups that have developed around bloggers. The main mechanism for creating such an arena is the cooperation of bloggers aimed at their own promotion and helping other bloggers in opposing the algorithms of the online platform. Collaboration in the form of a one-time publication of posts on the same topic, united by a unique hashtag and including direct links to bloggers from other countries, leads to the emergence of online ad hoc, or situational, global media in Russian. In the arena constituted by ad hoc media, Russian-speaking migrants living in different countries could discuss the measures that states were taking to defeat the pandemic. At the same time, this global networked public remains a “weak public” that has not transformed into a participatory counter-public sphere.

Keywords: counter-public sphere; networked publics; COVID-19 coverage; Instagram; social media; transnational migration; Russian-language media abroad.

For citation: Smoliarova A.S. Global alternative public on Instagram: SNA-based case study of blogs about migration in Russian language. *Political Science (RU)*. 2021, N 4, P. 239–260. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.10>

References

- Asen R. Seeking the 'Counter' in counterpublics. *Communication theory*. 2000, Vol. 10, N 4, P. 424–446. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2000.tb00201.x>
- Bodrunova S.S., Smoliarova A.S., Blekanov I.S., Zhuravleva N.N., Danilova Yu.S. A global public sphere of compassion? #JeSuisCharlie and #JeNeSuisPasCharlie on Twitter.

---

* **Smoliarova Anna**, St. Petersburg state university (St. Petersburg, Russia), e-mail: a.smolyarova@spbu.ru

¹ The research has been supported in full by Russian Presidential Grant for Young PhD Scientists, research grant MK-1448.2020.6.

- ter and their language boundaries. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2018, N 1, P. 267–295. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.14>
- Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications. In: Z. Papacharissi (ed.). *A networked self: Identity, community and culture on social network sites*. New York : Routledge, 2010, P. 39–58.
- Bruns A., Burgess J. Twitter hashtags from ad hoc to calculated publics. In: Rambukkana N. (ed.). *Hashtag publics: The power and politics of discursive networks*. New York : Peter Lang, 2015, P. 13–28.
- Dahlgren P. The Internet, public spheres, and political communication: Dispersion and deliberation. *Political communication*. 2005, Vol. 22, N 2, P. 147–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/10584600590933160>
- Docherty S. The contemporary global public sphere as reincarnation of Habermas' bourgeois society. *Inquiries journal*. 2015, Vol. 7, N 02. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1000>
- Downey J., Fenton N. New media and the public sphere. *New media & society*. 2003, Vol. 5, N 2, P. 185–202. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444803005002003>
- Dubrovina D. Phenomenon of public: modern treatments and vital embodiment. *The science of person: humanitarian researches*. 2007, N 1, P. 34–39 (In Russ.)
- Ferree M.M., Gamson W.A., Gerhards J., Rucht D. Four models of the public sphere in modern democracies. *Theory and society*. 2002, Vol. 31, N 3, P. 289–324. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1016284431021>
- Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy. *Social text*. 1990, Vol. 25/26, P. 56–80. DOI: <https://doi.org/10.2307/466240>
- Fraser N. Transnational public sphere: Transnationalizing the public sphere: On the legitimacy and efficacy of public opinion in a post-Westphalian world. *Theory, culture & society*. 2007, Vol. 24, N 4, P. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263276407080090>
- Ilyin M. Prototype citizenship: evolving concepts of inclusion and order. In: Wiesner C., Björk A., Kivistö H.M., Mäkinen K. (eds). *Shaping citizenship*. New York : Routledge, 2017, P. 23–38.
- Malinova O. Yu. Symbolic politics and construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Lay S., Thomas L. Ethnic minority media in London: transition and transformation. *Media, culture & society*. 2012, Vol. 34, N 3, P. 369–380. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443711434348>
- Leurs K., Ponzanesi S. Connected migrants: encapsulation and cosmopolitanization. *Popular communication*. 2018, Vol. 16, N 1, P. 4–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/15405702.2017.1418359>
- O'Meara V. Weapons of the chic: Instagram influencer engagement pods as practices of resistance to Instagram platform labor. *Social Media + Society*. 2019, Vol. 5, N 4. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305119879671>
- Papacharissi Z. (ed.). *A networked self: Identity, community and culture on social network sites*. New York : Routledge, 2010, 336 p.
- Papacharissi Z. Affective publics and structures of storytelling: Sentiment, events and mediativity. *Information, communication & society*, 2016, Vol. 19, N 3, P. 307–324. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2015.1109697>

- Popova O.V., Suslov S.I. Network analysis of political internet communities: from formalized to «unobserved» groups. *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 160–182. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.07> (In Russ.)
- Pfetsch B. Dissonant and disconnected public spheres as challenge for political communication research. *Javnost – the public*. 2018, Vol. 25, N 1–2, P. 59–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/13183222.2018.1423942>
- Rauchfleisch A. The public sphere as an essentially contested concept: A co-citation analysis of the last 20 years of public sphere research. *Communication and the public*. 2017, Vol. 2, N 1, P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/2057047317691054>
- Smoliarova A., Bodrunova S.S. InstaMigrants: Global ties and mundane publics of Russian-speaking bloggers with migration background. *Social Media + Society*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1177/20563051211033809>
- Smoliarova A., Gromova T., Sharkova E. Bloggers against panic: Russian-speaking Instagram bloggers in China and Italy reporting about COVID-19. In: Pollock J.C., Kovach D. (eds). *COVID-19 in international communication: responses to the pandemic in global perspective*. New York : Routledge, (forthcoming).
- Trubina E. Public: a short review of a concept. In: E. Iarskaia-Smirnova, P. Romanov (eds). *Public sphere: theory, methodology, case studies*. Moscow : Variant, GSPGS, 2013, P. 25–34.
- Tykanova E.V. Strategies of claim legitimization of the strong and weak publics to property rights in the context of consumer society. *Journal of sociology and social anthropology*. 2011, Vol. 14, N 5, P. 158–167 (In Russ.)
- Wimmer J. Counter-public spheres and the revival of the European public sphere. *Javnost – the public*. 2005, Vol. 12, N 2, P. 93–110. DOI: <https://doi.org/10.1080/13183222.2005.11008890>

Литература на русском языке

- Дубровина Д.Н. Феномен публики: современные трактовки и жизненное воплощение // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2007. – № 1. – С. 34–39.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Попова О.В., Суслов С.И. Сетевой анализ политических интернет-сообществ: от формализованных к «ненаблюдаемым» группам // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 160–182. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.07>
- Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. – С. 25–34.
- Тыканова Е. Стратегии легитимации притязаний «сильных» и «слабых» публик на права собственности в контексте общества потребления (на примере конфликта вокруг сноса гаражей в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 14 (5). – С. 158–167.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

В.С. ТОРМОШЕВА*

МЕЖДУНАРОДНАЯ АУДИТОРИЯ В СЕТЕВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОНЛАЙН-МАССА ИЛИ ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР?

Аннотация. Цель статьи – изучить политическую акторность международной интернет-аудитории, описав феномен политического в социальных сетях, характер связей внутри международного интернет-сообщества, идентичность интернет-аудитории, а также глобальные эффекты онлайн-активности международной аудитории. Основой исследования послужила авторская интерпретация положений акторно-сетевой теории Б. Латура, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, а также теории политического конструирования реальности Н.Г. Щербининой. Сравнение понятия «международная аудитория» с близкими по смыслу понятиями массовой аудитории и языкового сообщества показало, что понятие «международная аудитория» уже феномена массовой аудитории, но гораздо шире языкового сообщества. Международная интернет-аудитория представляет собой сегмент политически мотивированной мировой общественности, которая поддерживает, генерирует, распространяет политические идеи в сетевом пространстве, преимущественно в социальных сетях, преодолевая национальные, языковые и этнические границы. Данный контент представлен в официальном нарративе, медийном освещении, публичном дискурсе политических акторов и, таким образом, способен охватить даже массовую аудиторию. Последствия онлайн-деятельности проявляются как в сетевых формах политического участия (написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-

---

* **Тормошева Вера Сергеевна**, соискатель кафедры международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижегород, Россия), e-mail: tormosh@mail.ru

© Тормошева В.С., 2021

DOI: 10.31249/poln/2021.04.11

взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств), так и в виде локальных и глобальных акций в физическом пространстве (пикетирование; участие в маршах протеста; членство в политических организациях; волонтерская деятельность; участие в «цветных» революциях). Наряду с сознательными попытками традиционных политических акторов конструировать идентичность международной аудитории для решения внешнеполитических проблем формируется самоидентичность граждан в глобальном сетевом пространстве. В совокупности с горизонтально интегрированной структурой интернет-аудитории и основанных на партнерстве и доверии связях оформляется как локальная, так и мультикультурная, международная, космополитичная или транснациональная идентичность граждан.

Ключевые слова: акторность; идентичность; международная аудитория; политическая коммуникация; постмодерн; социальные сети; сетевое политическое пространство.

Для цитирования: Тормошева В.С. Международная аудитория в сетевом политическом пространстве: онлайн-масса или глобальный политический актор? // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 261–278. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.11>

Введение

Как известно, постмодернистский политический ландшафт, в отличие от предыдущих эпох, характеризуется многоакторностью [Пырма, 2019; Тормошева, 2014 а; Heiss, Schmuck, Matthes, 2019; Hwang, Colyvas, Drori, 2019; Kligler-Vilenchik et al., 2020]. В политическом пространстве постмодерна властные интересы одновременно отстаивают индивиды, общественные организации, политические партии и движения, политические институты и государственные структуры, социальные общности, политические элиты, государства, группы государств, а также такой политический актор, как международная общественность. Международная общественность, в свою очередь, охватывает целый ряд участников мирового политического процесса: *группы государств*, действующие через международные организации, *международные организации*, выступающие от лица международного сообщества, *отдельные группы общественности*, объединенные территориально, этнически или общими интересами, медийно выражающие свою позицию с целью охвата глобальных участников [Тормошева, 2014 б, с. 143]. В условиях стремительного развития и распространения информационно-коммуникационных технологий в це-

лом и социальных сетей в частности возрастает роль интернет-активности международной аудитории в противодействии глобальным вызовам.

Научные дебаты о международной интернет-аудитории

Вместе с тем научные дебаты об усилении политической роли международной аудитории в сетевом пространстве далеки от достижения консенсуса. Одна группа исследователей приравнивает интернет-аудиторию к массе, действующей онлайн. Отрицаются факторы акторности и идентичности международной аудитории. Проводится параллель с толпой, являющейся «незавершенной частью политики» и лишь приоткрывающей «окно возможностей» [Дин, 2017, с. 242]. Отвергается не только существование особой международной или транснациональной идентичности, но и сама возможность конструирования «утопического братства граждан глобального космополиса» [Кильдюшов, 2018, с. 102]. Другая группа исследователей, напротив, отмечает важную роль негосударственных акторов в формировании международной политики [Stengel, Baumann, 2017, р. 2–3] и называет международную аудиторию одним из глобальных политических акторов [Тормошева, 2014 b]. Кратко рассмотрим каждую из позиций.

Аудиторию интернет-пользователей критикуют за клиповость мышления, склонность к поверхностным суждениям, готовность следовать упрощенным поведенческим фреймам, доверчивость к фейковым публикациям и неустойчивость связей [Володенков, Артамонова, 2020, с. 190]. Ей вменяют постмодернистское равнодушие как реакцию homo psychologicus на избыток информации и быстроту ее получения, которая проявляется в апатии по отношению к политическим фигурам, программам и событиям [Липовецки, 2001, с. 65, 192–193]. Активность интернет-аудитории признается весьма ограниченной. Это проявляется в редуцированных ролевых наборах и ожиданиях, редуцированном реагировании на информацию с помощью лайков, эмодзи, иконок для эмоциональных реакций, выборе исключительно комфортных для себя форм самопрезентации [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 56]. «Виртуальный потенциал» политического действия сетевых сообществ рассматривается в виде возможности даже не настоящего

времени, а весьма отдаленного будущего [Михайлёнок, Назаренко, 2020, с. 282]. Таким образом, интернет-аудитория выступает незрелым, аполитичным участником сетевого пространства с ограниченным инструментарием и неясными перспективами.

Труднодостижимость международной или транснациональности объясняется, в отличие от конструирования аудитории в национальных рамках, отсутствием эффективных и легкоприменимых методов и несформированностью понятийного аппарата. Достаточно сложно смоделировать единый образ международной аудитории, предъявляющей общие требования президентам, правительствам, наднациональным элитам [Соколов, Палагичева, 2020, с. 281]. Кроме того, неизвестно, применяет ли так или иначе сконструированная транснациональная аудитория некие «акты приемы» по отношению к политическим заявлениям, которые делаются от ее лица [Moffitt, 2017, p. 9]. Построение наднационального политического сообщества предполагает неограниченное расширение круга его участников, что противоречит тезису о зависимости социального взаимодействия от общей культурной традиции и положительного опыта доверия индивидов друг к другу [Кильдюшов, 2018, с. 101]. Ситуация также осложняется конкуренцией различных концепций прав и свобод, связанных с разными представлениями об идентичностях, а также размытостью выделяемых групп идентичностей [Алексеев, Фомин, 2020, с. 146, 153]. Отсюда следует, что широко используемое в политическом дискурсе понятие «транснациональная аудитория» – не более чем фигура речи.

Сторонники акторности интернет-аудитории оперируют ростом употребления термина *актор* в политологии и других общественных науках начиная с 1970-х годов по настоящее время, что вызвано смещением управленческого вектора с государства в сторону другой части политики, а именно гражданского общества и потребительского рынка [Hwang, Colyvas, Drori, 2019, p. 5–6]. Акторство предполагает развитие – от простейшего объединения, действующего в рамках существующего социального порядка, до институциональной структуры, меняющей общественно-политический ландшафт [Maier, Simsa, 2020, p. 16], что и наблюдается в случае интернет-аудитории. Основной политический актор – государство – вынужден считаться с интернет-аудиторией, о чем свидетельствует постоянное совершенствование правовых и техноло-

гических мер информационного контроля. В зависимости от политического режима сюда относится запрещение контента, блокировка доступа, отключение интернет-связи, упреждающая коммуникация по дискредитации и деморализации оппонентов вплоть до контроля за выражением инакомыслия и ограничения свободы выражения [Maréchal, 2017, p. 36]. В свою очередь, интернет-аудитория с помощью глобального английского и цифровых каналов и инструментов коммуникации объединяет национальные политические дискурсы, выносит локальную проблематику на уровень глобального обсуждения и политического участия [Тормошева, 2016, с. 172]. Своими действиями негосударственные акторы в целом и международная интернет-аудитория в частности могут заставить государства скорректировать проводимую ими политику в стране и за рубежом [Stengel, Baumann, 2017, p. 4].

Методология исследования

На наш взгляд, осмысление онлайн-аудитории в привязке к физическому пространству национального государства, отождествление интернет-пользователей с массовой аудиторией традиционных медиа, представление о непроницаемых границах как обязательном требовании к реальному и / или виртуальному политическому сообществу и другие подобные суждения о гомогенности политико-коммуникативных процессов восходят к классическим теориям эпохи модерна, не отвечающим реалиям информационного общества XXI в. Своеобразие постмодернистского периода, напротив, утверждает децентрализацию истины, право на отличие, верховенство многообразия над одинаковостью [Липовецки, 2001, с. 170–171], что диктует ученым необходимость использовать новые методологические подходы и их сочетание при изучении современных общественных явлений.

Исходя из этого, цель данной статьи – охарактеризовать феномен международной интернет-аудитории, попытавшись преодолеть утратившие актуальность традиции модерна и «размыв» дихотомическую рамку «онлайн масса – глобальный актор». Для достижения поставленной цели мы воспользуемся авторской интерпретацией акторно-сетевой теории Б. Латура, теории комму-

никативного действия Ю. Хабермаса, а также теории политического конструирования реальности Н.Г. Щербиной.

Акторно-сетевая теория (далее – АСТ) – это теория пространства или потоков, циркулирующих в ситуации немодерна [Латур, 2017 а, с. 211]. Согласно АСТ, следует отказаться от конвенциональных географических, технических, социальных оснований, усложняющих изучение общественных явлений (верх – низ, далеко – близко, локальное – глобальное, масштабный – незначительный, внутри – снаружи), в пользу ассоциаций и связей [Латур, 2017 б, с. 181]. По словам Латура, АСТ – не о *проложенных* сетях, а о деятельности по *прочерчиванию* сетей. Актор первичен по отношению к сети – именно его активность «отслеживает, очерчивает, изображает, описывает, предсказывает, вписывает, архивирует, выписывает или маркирует траекторию, называемую сетью» [там же, с. 192]. Примечательно, что Латур отмечал неиспользованность возможностей АСТ в политической науке. Однако исследовательская проблема виделась им достаточно узко, а именно «как удержать массы в узде, не позволяя им поддаться неуправляемым страстям и разрушить социальный порядок» [Латур, 2017 а, с. 210]. Не получил развития и тезис о «миростроительных» способностях актора и его «миростроительной» деятельности [там же, с. 207, 209].

Теория коммуникативного действия Хабермаса, в свою очередь, связывает понятие «сеть» с деятельностью разнообразных акторов по межконтинентальному распространению телекоммуникации, укреплению международного сотрудничества правительственных и / или неправительственных организаций, развитию массового туризма и массовой культуры, преодолению глобальных рисков техногенного, экологического, политического характера [Тормошева, 2014 а, с. 48]. Ведущими политическими акторами Хабермас видит не национальное государство, а средства массовой информации, интеллектуальные силы и международную общественность [там же, с. 46]. Мировое сообщество, по мнению Хабермаса, политически организовано, имеет стабильную инфраструктуру и высокий уровень сплоченности благодаря электронным средствам связи [там же, с. 49–50]. Полагаем, что данные положения требуют уточнения применительно к международной интернет-аудитории.

Теория политического конструирования реальности Н.Г. Щербининой представляет интерес, поскольку акцентирует внимание на коммуникативном аспекте сетевого пространства, а именно формировании медиареальности. Поскольку посредством политической коммуникации индивидуальный и коллективный интернет-пользователь получает «конкретный символический «материал» для конструирования интернализованного политического мира как значимой реальности» [Щербинина, 2019, с. 222], это влияет на его политические взгляды и политические действия. Впоследствии «актуально и злободневно представленный для восприятия и оценки» информационный контент [там же, с. 228] получает развитие в дискуссиях и комментариях интернет-пользователей.

Опора на положения вышеназванных теорий позволит нам решить ряд задач: (1) описать феномен политического в социальных сетях; (2) установить характер связей внутри международного интернет-сообщества; (3) определить идентичность интернет-аудитории; (4) обобщить глобальные эффекты онлайн-активности международной аудитории.

В работе мы опираемся на понятийный аппарат, включающий следующие термины: *актор, сеть, пространство, интернет-сообщество, глобальное*. Ниже представлены их дефиниции в формулировке Б. Латура:

- *актор* – тот, кто действует самостоятельно или чье действие обусловлено другими;

- *сеть* – работа, выполняемая актерами, т.е. действующими или претерпевающими действие сущностями;

- *пространство* – это связи, а не социальная или «реальная» (физическая) среда;

- *нововременные общества* (в нашем случае сообщества интернет-пользователей) – гетерогенные соединения, имеющие волокнистый, нитевидный, жилистый, тягучий, вязкий, капиллярный характер, который невозможно понять в терминах уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем;

- *глобальное* – в высшей степени связанное локальное [Латур, 2017 b, с. 173, 176, 178, 180, 182].

Обсуждение

Феномен политического в социальных сетях. В соцсетях не массовая аудитория, а особый сегмент вовлеченных в политику граждан обсуждает общественно-политические темы с помощью особых социотехнических механизмов передачи данных [Stier et al., 2018, p. 63]. Перемещение в медиатизированный мир политики происходит, когда индивид переключает свое внимание с повседневных реалий на политические проблемы. С помощью медиа приобретается политическая информация, знание о существовании политического, а также совместный с другими пользователями политический опыт [Щербинина, 2019, с. 219]. Включаясь в онлайн-дискуссии о политике и международных отношениях, пользователь усваивает политический контент, воспроизводит политические ценности, утверждает собственную картину мира, отстаивает свою позицию в споре с оппонентами, примеряя на себя новые роли и участвуя в новых социальных практиках [Радина, 2018, с. 115]. Выявлен феномен *восходящей спирали активности*, которая базируется на сочетании идейной убежденности (приверженность политической идее или политику стимулирует большее участие), интереса (кто заинтересован в новостном комментировании, больше распространяет) и использования социальных медиа (активное использование социальных медиа в поисках общественно-политической информации ведет к активному участию). Цифровые медиа облегчают участие мотивированным пользователям [Kalogeropoulos et al., 2017, p. 9]. Именно активные пользователи формируют основу онлайн-сообществ, поддерживая устойчивое и регулярное информационно-коммуникационное взаимодействие друг с другом [Володенков, 2018, с. 11].

Характер связей интернет-сообщества. В отличие от иерархически детерминированной и вертикально ориентированной социальной структуры физического пространства, виртуальное пространство соцсетей основано на горизонтальной интеграции пользователей и выработке отличных от офлайна правил коммуникации [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 47]. Примечательно, что интеграция интернет-пользователей характеризуется высокой склонностью к партнерству. Если объединения в физическом поле обычно не превышают шести человек, то виртуальные сообщества насчитывают до 15 и более участников, связанных неформальными

ми отношениями [Соколов, Палагичева, 2020, с. 279]. В основе онлайн-сообществ лежит фактор доверия. С одной стороны, растет институциональное доверие к информационным потокам, общественным движениям, Интернету как пространству общения. С другой стороны, доминирование в соцсетях связей «слабейшего» типа, подразумевающих отсутствие личного знакомства, предотвращает вторжение в онлайн-коммуникации «культуры недоверия», преобладающей в офлайновой социальной среде [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 46]. При этом деятельность в партнерстве основана на сетевом организационном принципе: неформальные объединения действуют в направлении общей цели самостоятельно, инициативно, параллельно [Соколов, Палагичева, 2020, с. 279].

Отметим, что на политическое участие в онлайн и офлайн влияют социальные связи двух типов – сильные (основанные на дружбе и личном знакомстве), слабые (основанные на общности интересов при отсутствии личного знакомства), а также их сочетание [Kahne, Bowyer, 2018, p. 489]. Это происходит следующим образом. Активность, основанная на дружбе, способствует усилению деятельности в политическом онлайн-пространстве. Взаимодействие в соцсетях по интересам приводит к усилению политического офлайн-участия. Причем большое количество слабых связей обеспечивает сочетание обоих видов онлайн-активности. У пользователей, сочетающих дружеские и основанные на общих интересах онлайн-взаимодействия, также усиливается традиционная политическая активность.

Идентичность международной интернет-аудитории.

Как утверждается, минимальным условием конституирования и сохранения политического сообщества является гомогенность. Набор гомогенизирующих факторов может значительно отличаться в различные эпохи и в различных политических условиях [Кильдюшов, 2018, с. 99]. В современном мире соседствуют практики формирования международной идентичности, основанные на конструктивистской деятельности официальной власти [Щербинина, 2019, с. 220]. Среди основных практик назовем «манихейское» деление мира на *народ* и его врагов – *элит* и *чужаков* [Алексеев, Фомин, 2020, с. 145], символическую консолидацию граждан вокруг политической фигуры [Moffitt, 2017, p. 7], конструирование эмоционального внешнеполитического нарратива для канализации и усиления негативного отношения аудитории к Другому [Магун,

Микиртумов, Пархоменко, 2020, с. 70], использование мифогероической модели мирового лидерства [Щербинина, 2019, с. 224] и др.

Конструирование идентичности сегодня во многом полагается на характерные для модерна подходы, а именно допущение, что члены аудитории имеют общее прошлое: общий язык, веру, политическую историю, воспитание. При этом возникает необходимость провести границы между собой и чужими, с которыми нет связующего общего прошлого. Однако для эпохи постмодерна характерно формирование сообществ безотносительно общего прошлого – свободных сообществ нового типа [Гройс, 2012, с. 71]. Здесь на первый план выходит самоидентичность международной общественности [Тормошева, 2014 б, с. 138]. В данном контексте отдельного комментария заслуживает языковая специфика международно-политической коммуникации в сетевом пространстве, которая не ограничивается членами территориально очерченных специфических языковых сообществ.

Общеизвестно, что основной объем интернет-общения занимает глобальный английский язык, объединяющий национальные политические дискурсы [Тормошева, 2016, с. 172]. В англоязычное общение также привносятся элементы других языков и культур, что придает пользователю более высокий статус в мультикультурном сообществе. Кроме того, важное место в цифровой межкультурной коммуникации занимают транслингвальные и полилингвальные практики. Интересно, что пользователи, считающиеся монолингвами в офлайн-среде, регулярно включаются в цифровое мультилингвальное взаимодействие, причем выбор языка зависит не от лингвистических компетенций пользователя или его этнической принадлежности, а от контекста – глобального или локального [Lee, 2016, p. 125–128]. Мультилингвальные практики позволяют локальной проблематике выйти на уровень глобального обсуждения или собственно политической активности [Тормошева, 2016, с. 171]. Демонстрируя языковые навыки мультилингвального члена сообщества, пользователь одновременно подчеркивает свою локальную, международную, мультикультурную и космополитичную идентичность [Lee, 2016, p. 125, 127].

Международная аудитория артикулирует интересы за пределы национальных границ, участвуя в коммуникативных действиях (по Хабермасу) преимущественно на страницах соцсетей, которые являются проводниками политической информации и главной об-

ественной ареной для выражения политических идей, сбора средств и мобилизации граждан для голосования, протеста и волонтерской деятельности [Пырма, 2019, с. 66]. Международному сообществу предоставляется информация «с места событий», обнародуются данные о злоупотреблениях в различных точках земного шара, удовлетворяются информационные запросы гражданских активистов по всему миру, устанавливаются локальные и зарубежные контакты для получения доступа к информации, тем самым формируются мнение, ценности и политические убеждения международной аудитории [Тормошева, 2014 а, с. 49]. При этом интернет-пользователи своими посещениями, комментариями, лайками и перепостами влияют на общественную значимость сетевого политического контента, что является уникальным для онлайн-пространства политических коммуникаций [Володенков, 2018, с. 14].

Глобальные эффекты онлайн-активности. В заключение следует затронуть мобилизационный эффект сетевого взаимодействия в глобальном масштабе. Мобилизовать интернет-пользователей на коллективные онлайн- и офлайн-действия позволяет значительный потенциал социальных сетей, основанный на общности интересов и добровольности участия [Соколов, Палагичева, 2020, с. 268]. Оперативность сетевых коммуникаций и их всеобъемлющий характер способствуют осуществлению информационно-коммуникационного взаимодействия в любое время и в любой точке [Володенков, 2018, с. 15]. Выяснилось, что сильный мобилизационный эффект дает обращение к социальной идентичности пользователей [Kligler-Vilenchik et al., 2020, р. 3]. При чтении, комментировании, оценивании и распространении сетевых политических публикаций происходит интеграция пользователей, сторонников и несогласных [Равочкин, 2020, с. 24]. Напомним, что, согласно Хабермасу, в достижении взаимопонимания как раз и заключается цель коммуникации, пусть даже в итоге констатируется несогласие [Тормошева, 2014 а, с. 46].

Среди последствий онлайн-деятельности назовем такие сетевые формы политического участия, как написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств. В физическом пространстве наблюдается пикетирование, участие

в маршах протеста, членство в политических организациях, волонтерская деятельность локального характера. Сетевые технологии в совокупности со значимым для международной аудитории политическим контентом способны охватывать масштабное число пользователей и способны мобилизовать граждан для действий в офлайн-пространстве [Рябченко, Малышева, Гнедаш, 2019, с. 94]. Свидетельство этому – многочисленные акты сопротивления политическим режимам, так называемые «цветные» революции, которые происходят благодаря онлайн-дискуссиям, информированию и планированию политических действий с международной аудиторией в соцсетях [Rodineliussen, 2019, p. 246].

Ограничения

Наше исследование международной аудитории как политического сообщества, функционирующего за счет горизонтальной архитектуры сетей, имеет ряд ограничений. Так, некоторые ученые утверждают, что горизонтальная интеграция в чистом виде распространена не во всех сегментах Интернета и характерна не для всех типов онлайн-сообществ [Кавеева, Сабурова, Эстрина, 2019, с. 46]. В качестве примера приводятся сообщества, формирующиеся вокруг тех или иных политических сил, поскольку их целенаправленно создают заинтересованные субъекты для реализации своих властных интересов [там же, с. 53]. Изучение международной аудитории не только как самоорганизующегося сообщества, но и в контексте организационной деятельности отдельных политических сил могло бы стать целью новых работ о политике и международных отношениях.

Выводы

В результате проведенного исследования международной интернет-аудитории как политического актора можно сделать следующие выводы, касающиеся ее идентичности, структуры, специфики связей и характере онлайн-активности. *Во-первых*, международную аудиторию не следует ассоциировать с более широким понятием аудитории массовой. Международная интернет-

аудитория как политическое сообщество объединяет заинтересованных в политике граждан, которые выносят значимые для них общественно-политические темы на уровень глобального обсуждения в социальных сетях, что может приводить к серьезным политическим последствиям благодаря мобилизационному эффекту современных коммуникационных технологий. *Во-вторых*, понимание международной интернет-аудитории, действующей в глобальном политическом пространстве, как языкового сообщества граждан, объединенных этнически или территориально, сегодня неактуально. Для интернет-пользователей характерны не языковые компетенции в области нормативного английского языка (Standard English), а транслингвальные и мультилингвальные практики, которые являются, в том числе, частью глобального английского (World Englishes). В свою очередь, наряду с сознательными попытками конструирования международной аудитории для решения внешнеполитических проблем, важно отметить формирование самоидентичности граждан в глобальном сетевом пространстве. В совокупности с горизонтально интегрированной структурой интернет-аудитории и основанных на партнерстве и доверии связях формируется как локальная, так и мультикультурная, международная, космополитичная или транснациональная идентичность. Изучение этого специфического социально-политического феномена эпохи постмодерна — задача будущих исследований. *В-третьих*, последствия онлайн-деятельности носят глобальный характер и проявляются как в сетевых формах политического участия (написание политического контента в соцсетях; оценивание, комментирование и / или распространение политических постов; подписание онлайн-петиций; онлайн-взаимодействие с политиками и / или медиа; сбор средств), так и в виде локальных и глобальных акций в физическом пространстве (пикетирование; участие в маршах протеста; членство в политических организациях; волонтерская деятельность; участие в «цветных» революциях).

V.S. Tormosheva*

International audience in the network political space: an online mass or a global political actor?

Abstract. The aim is to explore political actorness of international internet-audience, describing networks as a political phenomenon, assessing relations within the international internet-community, defining internet-audience identity, and compiling global effects of international audience's online activities. The research based on interpreting Latour's actor-network theory, the Habermas' theory of communicative action, and the theory of the political reality construction reveals that the international audience concept is simultaneously narrower than a mass audience and broader than a language community. Our findings indicate that the international internet-audience is a specific segment of politically engaged citizens supporting, generating, and disseminating political ideas in the network space, primarily in social networks, beyond national, linguistic, and ethnic borders. This content is represented in government officials' rhetoric, media coverage, public discourse of political actors and, thus, can reach a wider audience. Consequences of online activities can be found in both network forms of political participation (liking, sharing or commenting a political post; writing political content online; signing online petitions; contacting politicians and media online; donating), and in the local and global offline activities (picketing; participating in protest marches; membership in political organizations; volunteering; partaking in "colour-coded" revolutions). Parallel to conscious attempts of constructing international audience identity for solving foreign policy challenges citizens' self-identity is formed in the global political space. Together with horizontally integrated architecture of the internet-audience and relations based on partnership and trust between its members local, multicultural, international, cosmopolitan or transnational identity is developed.

Keywords: actorness; identity; international audience; political communication; postmodernity; social networks; network political space.

For citation: Tormosheva V.S. International audience in the network political space: an online mass or a global political actor? *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 261–278. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.11>

References

- Alekseev A.V., Fomin I.V. "We, the defenders of nations and liberties". How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 128–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07> (In Russ.)
- Dean J. Crowds and publics. *Stasis*. 2017, Vol. 5, N 1, P. 220–246. (In Russ.)
- Groys B. *The politics of poetics*. Moscow : Ad Marginem press, 2012, 400 p. (In Russ.)

---

* **Tormosheva Vera**, Nizhny Novgorod State Linguistics University (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: tormosh@mail.ru

- Heiss R., Schmuck D., Matthes J. What drives interaction in political actors' Facebook posts? Profile and content predictors of user engagement and political actors' reactions. *Information, communication & society*. 2019, Vol. 22, N 10, P. 1497–1513. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/1369118X.2018.1445273>
- Hwang H., Colyvas J., Drori G. The proliferation and profusion of actors in institutional theory. In: Hwang H., Colyvas J., Drori G. (eds). *Agents, actors, actorhood: institutional perspectives on the nature of agency, action, and authority*. Emerald publishing: research in the sociology of organizations, 2019, Vol. 58, P. 3–20.
- Kahne J., Bowyer B. The political significance of social media activity and social networks. *Political communication*. 2018, Vol. 35, N 3, P. 470–493. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
- Kalogeropoulos A., Negrodo S., Picone I., Nielsen R. Who shares and comments on news: a cross-national comparative analysis of online and social media participation. *Social media + Society*. 2017, Vol. 3, N 4, P. 1–12. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/2056305117735754>
- Kaveeva A.D., Saburova L.A., Jestrina Ju.Ju. Elusive trust in digital communications: what connects users in online communities? *Antinomies*. 2019, Vol. 19, N 4, P. 45–65. DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00008> (In Russ.)
- Kil'djushov O.V. Not all will be saved: the boundaries of the political community as a socio-ontological premise. *Russian sociological review*. 2018, Vol. 17, N 3, P. 90–106. DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-90-106> (In Russ.)
- Kligler-Vilenchik N., de Vries M., Maier D., Stoltenberg D. Mobilization vs. demobilization discourses on social media. *Political communication*. 2020, P. 1–20. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2020.1820648>
- Latour B. On actor-network theory. A few clarifications, plus more than a few complications. *Logos*. 2017 b, Vol. 27, N 1 (116), P. 173–200. DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197> (In Russ.)
- Latour B. On recalling ANT. *Logos*. 2017 a, Vol. 27, N 1 (116), P. 201–216. DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-201-214> (In Russ.)
- Lee C. Multilingual resources and practices in digital communication. In: Georgakopoulou A., Spilioti T. (eds). *The Routledge handbook of language and digital communication*. London, New York : Routledge, 2016, P. 118–132.
- Lipovetsky G. *The era of emptiness. Essays on contemporary individualism*. Saint Petersburg : Vladimir Dal', 2001, 336 p. (In Russ.)
- Magun A.V., Mikirtumov I.B., Parhomenko A.A. Narrative and affect in the analysis of foreign policy rhetoric. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 57, P. 60–73. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/57/7> (In Russ.)
- Maier F., Simsa R. How actors move from primary agency to institutional agency: A conceptual framework and empirical application. *Organization*. 2020, N 00(0), P. 1–22. DOI: <http://www.doi.org/10.1177/1350508420910574>
- Maréchal N. Networked authoritarianism and the geopolitics of information: understanding Russian Internet policy. *Media and communication*. 2017, N 5(1), P. 29–41. DOI: <http://www.doi.org/10.17645/mac.v5i1.808>

- Mihajlenok O.M., Nazarenko A.V. Network communities: past and future. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 56, P. 274–284. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/56/24> (In Russ.)
- Moffitt B. Transnational populism? Representative claims, media and the difficulty of constructing a transnational “people”. *Javnost – The Public*. 2017, Vol. 24, N 3, P. 409–425. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13183222.2017.1330086>
- Pyrna R.V. The influence of digital communications on political participation. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019, Vol. 9, N 4(40), P. 63–69. DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69> (In Russ.)
- Radina N.K. Digital political mobilization of online commenters on publications about politics and international relations. *Polis. Political studies*. 2018, N 2, P. 115–129. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.02.09> (In Russ.)
- Ravochkin N.N. Political and legal ideas discourse in a network society: social-philosophical analysis (Part 2). *The Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020, Vol. 30, N 1, P. 21–25. DOI: <http://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25> (In Russ.)
- Rjabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. Presidential campaign in post-truth era: innovative digital technologies of political content management in social networks politics. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 92–106. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07> (In Russ.)
- Rodineliussen R. Organising the Syrian revolution – student activism through Facebook. *Visual studies*. 2019, Vol. 34, N 3, P. 239–251. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/1472586X.2019.1653790>
- Sherbinina N.G. The definition of media reality and communication in the context of the theory of the political construction of reality. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, N 50, P. 219–232. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/50/19> (In Russ.)
- Sokolov A.V., Palagicheva A.V. Mobilization and demobilization in a network political protest. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 266–297. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12> (In Russ.)
- Stengel F., Baumann R. Non-state actors and foreign policy. In: Thies C. (ed.). *Oxford research encyclopedia of foreign policy analysis*. Oxford : Oxford university press, 2017, P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.456>
- Stier S., Bleier A., Lietz H., Strohmaier M. Election campaigning on social media: politicians, audiences, and the mediation of political communication on Facebook and Twitter. *Political communication*. 2018, Vol. 35, N 1, P. 50–74. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/10584609.2017.1334728>
- Tormosheva V.S. Contemporary approaches to political space interpretation. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2016, N 6 (57), P. 167–173. (In Russ.)
- Tormosheva V.S. International communication in the political discourse of Jürgen Habermas: pragmatic aspect. *Vlast'*. 2014 a, N 10, P. 46–51. (In Russ.)

- Tormosheva V.S. International community as an actor of political communication. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 2014 b, N 27, P. 136–145. (In Russ.)
- Volodenkov S.V., Artamonova Ju.D. Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2020, N 53, P. 188–196. DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/53/20> (In Russ.)
- Volodenkov S.V. Features of the internet as a contemporary space of political communication. *PolitBook*. 2018, N 3, P. 6–21. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алексеев А.В., Фомин И.В. «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения» // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 128–156. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.07>
- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 188–196. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
- Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политической коммуникации // PolitBook. – 2018. – № 3. – С. 6–21.
- Гройс Б. Политика поэтики. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 400 с.
- Дин Д. Толпа и публика // Stasis. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 220–246.
- Кавеева А.Д., Сабурова Л.А., Эстрина Ю.Ю. Ускользающее доверие в цифровых коммуникациях: что связывает пользователей в виртуальных сообществах? // Антиномии. – 2019. – Т. 19, Вып. 4. – С. 45–65. – DOI: <http://www.doi.org/10.24411/2686-7206-2019-00008>
- Кильдюшов О.В. Спасутся не все: границы политического сообщества как социально-онтологическая предпосылка // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 90–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-90-106>
- Латур Б. АСТ: вопрос об отзыве // Логос. – 2017 а. – Т. 27, № 1(116). – С. 201–216. – DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-201-214>
- Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. – 2017 б. – Т. 27, № 1(116). – С. 173–200. – DOI: <http://www.doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-173-197>
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 336 с.
- Магун А.В., Микиртумов И.Б., Пархоменко А.А. Нарратив и аффект в анализе внешнеполитической риторики // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 57. – С. 60–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/57/7>

- Михайлёнок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 274–284. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/56/24>
- Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9, № 4(40). – С. 63–69. – DOI: <http://www.doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>
- Равочкин Н.Н. Дискурс политико-правовых идей в сетевом обществе: социально-философский анализ (Часть 2) // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 30, вып. 1. – С. 21–25. – DOI: <http://www.doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-1-21-25>
- Радина Н.К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 115–129. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2018.02.09>
- Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Полис. Политические исследования. 2019. – № 2. – С. 92–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Соколов А.В., Палагичева А.В. Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 266–297. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
- Тормошева В.С. Международная коммуникация в политическом дискурсе Ю. Хабермаса: прагматический аспект // Власть. – 2014 а. – № 10. – С. 46–51.
- Тормошева В.С. Международная общественность как актор политической коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2014 б. – № 27. – С. 136–145.
- Тормошева В.С. Современные подходы к интерпретации политического пространства // Вестник Поволжского института управления. – 2016. – № 6(57). – С. 167–173.
- Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 50. – С. 219–232. – DOI: <http://www.doi.org/10.17223/1998863X/50/19>

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.А. ГЕРАСИМОВ*

ОТ ТИРАНИИ СЕТЕЙ К РЕСПУБЛИКЕ ПИСЕМ

Рецензия на кн.: Олейник А.Н. Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 300 с.

Для цитирования: Герасимов А.А. От тирании сетей к республике писем (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 279–286. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.12>

Философ Чарльз Сандерс Пирс полагал, что истина – это знание, к которому придет бесконечное количество ученых через бесконечное количество лет экспериментов и обсуждений. По меркам современного мира родоначальник прагматизма был, конечно, наивным идеалистом. Сегодня мы могли бы добавить за него: если им дать бесконечное количество денег. Именно политэкономическая сторона добывания истины в последние годы привлекла внимание многих исследователей, интеллектуальное становление которых пришлось на сложные времена институциональной трансформации российской академии после распада СССР. Здесь особо можно отметить «Граматику порядка» Александра Бикбова [Бикбов, 2013] и коллективную монографию социологов под руководством Михаила

---

* Герасимов Андрей Андреевич, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: agerasimov@eu.spb.ru

© Герасимов А.А., 2021

DOI: [10.31249/poln/2021.04.12](https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.12)

Соколова «Как становятся профессорами» [Как становятся профессорами..., 2015].

Еще одним значительным высказыванием в этом ряду стала книга экономиста и социолога Антона Николаевича Олейника «Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках». Монография уже давно появилась на английском языке [Oleinik, 2014], а теперь наконец доступна и в русском переводе. Довольно оригинален главный посыл книги – анализ текущего положения дел в российских общественных науках с помощью тщательно операционализированных понятий и количественной методологии. На фоне мемуаров и биографических интервью, которые зачастую бессознательно легитимируют ортодоксию научного истеблишмента, последовательная объективация является наиболее выигрышной стратегией для беспристрастного изучения генезиса и структуры поля [Бурдые, 2018]. Другое дело, насколько успешно такая объективация реализована.

Сам автор осторожно называет первые две теоретические главы книги «немного затруднительными для чтения». Я бы сказал, что они весьма и весьма затруднительны. Но совсем не из-за абстрактного характера самой проблемы. Все дело в том, что автор с самого начала время от времени отходит от единой канвы повествования и в свободной манере делится рассуждениями по поводу самых различных аспектов коммуникации в науке. Часто его заметки небезынтересны, но нащупать среди этих экскурсов единую нить изложения бывает непросто. Более того, вместо аргументов в поддержку того или иного концептуального тезиса используется то, что в современной популярной культуре называется неймдроппингом. Для разворачивания собственной концепции научной коммуникации А.Н. Олейник достаточно бессистемно ссылается на идеи самых разных дисциплин и школ, которые отстаивали чуть ли не полярные взгляды на то, в чем заключается метод познания социальной действительности. В этих главах присутствуют сноски на диалектических материалистов, семиотиков, сторонников философской деконструкции, постпозитивистов, теоретиков систем и, конечно, едва ли не на всех значимых социологов и экономистов.

Обсуждение такого сложного социокультурного феномена, как наука, разумеется, требует учета самых разных оптик. Увы, та форма, в которой это делается в монографии, в большинстве слу-

чаев совершенно ничего не добавляет к содержанию, но зато существенно затрудняет чтение. Претензия автора на то, чтобы погегелевски снять противоречия между различными направлениями, используя терминологию экономики транзакций, не достигает своей цели. Обещанное «общее решение проблем коммуникаций в науке» оказывается довольно пространством теоретическим эссе. Для действительного решения поставленной проблемы потребовалась бы не глава и даже не отдельная монография, а целый историко-теоретический многотомник. Достаточно самонадеянным является претензия сделать это на протяжении нескольких десятков страниц. На мой взгляд, это является недоработкой даже не столько автора, сколько научного редактора монографии, который мог бы предложить выстроить подразделы в ином порядке, а что-то и вовсе вырезать цельности ради. Впрочем, читателям перевода повезло больше, чем тем, кто знакомился с книгой в оригинале на английском языке. Наиболее последовательный и логичный теоретический фрагмент – это новое предисловие к русскому изданию, где некоторые неясные предпосылки автора излагаются наиболее понятно.

Основная концептуальная канва книги, таким образом, состоит в следующем. Наука понимается А.Н. Олейником в институционально-экономическом ключе как система различных транзакций между агентами, которые требуют институционального погашения издержек из-за оппортунизма, неоднородной среды, асимметричной информации и т.п. Исследователь выделяет пять ключевых типов транзакций: *автор – рецензент*, *ученый – политик*, *ученый – администратор*, *автор – читатель*, *преподаватель – студент*. В организации этих транзакций содержится дополнительное напряжение в переходе между регистрами. С одной стороны, это личный *регистр отдельных локальных сетей* (школ, кругов). С другой стороны, письменный *регистр глобальной коммуникации* в границах воображаемого сообщества всех возможных ученых, которое автор называет «Республика писем» в честь сообщества европейских интеллектуалов раннего Нового времени. В последней идее прослеживается влияние уже не экономических подходов, а социологической теории – символического интеракционизма.

Обидно, что в монографии более полное раскрытие этого многообещающего диалога между двумя крупными теоретическими традициями принесено в жертву механическому перечислению

сторонних имен. Так, например, было бы важно узнать соображения исследователя по поводу того, где именно пролегает граница между материальными (гранты, коммерческие заказы, трудовые ресурсы) и символическими (публикации, степени, связи) благами. Или где кончаются сугубо внешние стимулы и начинается координация через интериоризацию норм сообщества, связанная с освоением языка. Наконец, можно ли рассматривать язык научных коммуникаций как экономическое благо в принципе или уже само осмысление его в таких понятиях инструментализирует и обедняет его. Более глубокое изучение этих вопросов было бы ценно не только для теории науки как таковой, но и для обсуждения дизайна исследования, в котором автор пытается изучить в известном смысле и самого себя.

Тем не менее и в таком отрывочно изложенном материале есть много ярких исследовательских находок. Каждая эмпирическая глава посвящена раскрытию основных издержек одного из типов транзакций при переходе от сетевого регистра к созданию генерализованного обмена идеями. Первая из них (третья по счету в целом) посвящена рецензированию журнальных статей, заявок на гранты и ставки. Здесь А.Н. Олейник пытается не только раскрыть основные моменты конфликта интересов между рецензентами и рецензируемыми, но и предложить решения, подсмотренные в практике англосаксонских судов, которые помогли бы избежать бюрократизации надзора за учеными и сделать их взаимодействия более горизонтальными. На фоне «ценностной нейтральности» своих коллег замечания автора о потенциальных путях реформирования смотрятся довольно свежо.

Четвертая глава про неудачи реформ науки в постсоветской России, призванных вывести ее в международное пространство за счет эмуляции североамериканских best practices, также покажется многим симпатичной на уровне ценностей. Автор отмечает, что институциональная среда, в которую трансплантируют практики, не менее важна, чем они сами. Многочисленные поколения российских реформаторов науки, включая текущее, крайне редко учитывают это обстоятельство, что приводит к неудачам и даже откатам назад. Увы, эмпирические индикаторы этого сводятся лишь к самой общей описательной статистике. Подобная макропроблематика, возможно, заслуживает более развернутых данных о популяции университетов и исследовательских институтов в целом.

Можно сказать, что А.Н. Олейник только намечает свои аргументы в дискуссии о взаимном влиянии между научными организациями и окружающей их институциональной средой.

В пятой главе тезис про неудачные трансферы частично конкретизируется через анализ управленческих иерархий учебных заведений. В ней исследователь не жалеет стрел в адрес своих бывших коллег по НИУ ВШЭ, показывая, что из всех образцов западной науки они выбирают только те, в продвижении которых материально заинтересован постоянно расширяющийся менеджмент вуза, но проигрывают остальные стейкхолдеры. В итоге созданный с нуля университет постепенно мимикрирует под другие постсоветские организационные иерархии. «Вышка» оказывается ниже аналогичных университетов западных стран по защищенности контрактов с преподавателями, уровню заработной платы, занятости выпускников в академической сфере. Невысоки и достижения университета в накоплении символических благ – показателей цитируемости. Этот тезис, безусловно, актуален в контексте последних громких скандалов и жарких обсуждений качества управления вузами в России. Тем не менее необходимо отметить, что данные для исследования несколько потеряли свою актуальность за десять лет с момента их сбора. Интересно было бы узнать, изменилась ли авторская оценка результатов развития передовых российских университетов за это время.

Наиболее спорной является эмпирическая часть книги – шестая глава про обмен идеями между автором и читателем. Здесь исследователь пытается отстоять довольно распространенный тезис о том, что один и тот же научный текст воспринимается по-разному учеными с разным образовательным и исследовательским бэкграундом. Делается это за счет явно переусложненного экспериментального дизайна с кодированием четырьмя соавторами работ друг друга. Разумеется, А.Н. Олейник и его коллеги блестяще владеют различными техниками анализа количественных данных. Однако их уместность в рамках предложенного дизайна остается под вопросом. Кажется, что более тонких выводов можно было бы достичь с помощью качественной методологии. Так же было любопытно рассмотреть эту проблему при помощи сетевого анализа реально существующих паттернов цитируемости.

Наконец, седьмая глава посвящена стоимости студенческих оценок. Автор указывает на двусмысленность обмена между пре-

подавателями и студентами. Зашкаливающая переговорная сила преподавателя чревата монополизацией знаний, завышенная власть студентов – инфляцией. В любом случае, А.Н. Олейник возмущается давлением на современный университет рынка, который грозит монополизацией и инфляцией одновременно. Автор предлагает считать университет особым набором коллективных благ, для которых не подходит ни исключительно рыночное, ни исключительно иерархическое управление. В очередной раз – близкий многим общественно-политический диагноз, снова – интересные практические предложения по части того, как можно все улучшить. Тем не менее ни то ни другое не подкреплено данными, за исключением самых общих и иллюстративных.

Необходимо отдать должное автору – он не просто критикует текущее состояние общественных наук в России, а предлагает институциональные решения коллективных дилемм, возникающих в процессе рецензирования статей, оценивания студенческих работ и т.д. Именно такого проектного мышления не хватает очень многим аналогичным исследовательским проектам. Однако чуть ли не самый интригующий вопрос остается нераскрытым. Кто будет заниматься насаждением этих «республиканских» институтов? Как сказали бы философы: кто должен стать политическим субъектом? Будут ли это сугубо профессиональные ассоциации, дистанцированные от любой государственной политики? Или, напротив, ученые должны искать альянса с широким демократическим движением, которое предоставило бы им ресурсы и легитимность в обмен на экспертизу? Боюсь, что существующая «трайбализация» отечественной академии блокирует оба механизма реформ и заставляет ученых придерживаться статус-кво [Трайбы и транспарентность..., 2019]. Эта же самая трайбализация, как мне кажется, могла бы объяснить, почему любые идеи по улучшению финансового и интеллектуального климата внутри российских общественных наук обычно подразумевают не конкретного агента реформ, а абстрактную прогрессивную власть.

В итоге приходится признать, что чтение книги с самого начала порождает самые противоречивые впечатления. Некоторые места невероятно остроумны и задают стандарты для любого, кто занимается историей, социологией или экономикой отечественных общественных наук. Другие части монографии, напротив, неоправданно недоработаны и лишены цельности. А.Н. Олейник ставит

целый ряд очень важных проблем не только научного, но и политического и даже философского характера. Увы, это ведет к размыванию фокуса исследования. Грустная ирония заключается в том, что работа, посвященная коммуникации в науке, сама является примером неудачной коммуникации.

Возможно, все дело в том, что за последние десятилетия российские социологи все-таки преодолели некоторые сетевые ограничения провинциальной науки и стали частью мировой Республики писем. Сегодняшние читатели, вроде меня, избалованы и даже возвращены изобилием современных институциональных исследований науки – в отличие от А.Н. Олейника, который задумывал и проводил свое исследование в крайне сложной переходной среде, где кроме него такие вопросы почти никто не ставил. Если так, то, по крайней мере, можно констатировать, что некоторый прогресс в разрешении проблемы транзакционных издержек все-таки состоялся, хотя и спонтанно. Возможно, автор монографии может быть отчасти им доволен.

A.A. Gerasimov*

From the Tyranny of networks to the Republic of letters (Review)

For citation: Gerasimov A.A. From the Tyranny of networks to the Republic of letters (Review). *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 279–286. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.12>

References

- Bikbov A.T. *Grammar of order: a historical genealogy of concepts that change our reality*. Moscow : Higher school of economics, 2013, 432 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Homo Academicus*. Moscow : Gaidar institute publishing house, 2018, 464 p. (In Russ.)
- Kosmarski A.A., Kartavtsev V.V., Podorvanyuk N. Yu., Bode M.M. Tribe and transparency: prospects for digital governance in Russian science. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019, N 6, P. 65–90. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05> (In Russ.)

---

* **Gerasimov Andrew**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: agerasimov@eu.spb.ru

- Oleinik A.N. *Knowledge and networking: on communication in the social sciences*. New Brunswick : Transaction publishers, 2014, vi + 238 p.
- Sokolov M.M., Guba K.S., Zimenkova T.V., Safonova M.A., Chuikina S.A. *How to become professors: academic careers, markets and power in five countries*. Moscow : New literary review, 2015, 832 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая генеалогия понятий, которые меняют нашу реальность. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 432 с.
- Бурдые П. Номо Academicus. – М. : Издательство Института Гайдара, 2018. – 464 с.
- Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке / А.А. Космарский, В.В. Картавцев, Н.Ю. Подорванюк, М.М. Бодэ // Мониторинг общественного мнения. – 2019. – № 6. – С. 65–90. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>
- Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах / М.М. Соколов, К.С. Губа, Т.В. Зименкова, М.А. Сафонова, С.А. Чуйкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 832 с.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

М.А. ЯДОВА*

АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

Аннотация. В работе анализируются материалы общественно-политической тематики, опубликованные в нескольких современных российских социологических журналах: «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Сибирский социум» / *Siberian Socium* и «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология». Публикации, ставшие предметом нашего интереса, были представлены преимущественно в рубрике по политической социологии и / или в тематически схожих разделах. Среди наиболее обсуждаемых на страницах журналов тем можно выделить следующие: внутривнутриполитическая повестка, прежде всего связанная с проявлением протестной и гражданской активности россиян; роль отдельных политических акторов или институтов (государство, Президент РФ, элита, молодежь и др.) в социально-политических преобразованиях в стране; проблемы и итоги постсоветских трансформаций; вопросы внешней политики (противостояние России и стран Запада, угрозы национальной безопасности), социально-политическое устройство других мировых держав. Незначительная часть работ в этом сегменте посвящена новым концепциям и теоретико-методологическим подходам в политической социологии или пока малоизученным социально-политическим явлениям.

Тематический репертуар журналов зависит от их жанрового своеобразие. Для общесоциологических журналов характерно освещение широкого спектра политических вопросов. В журнале «Сибирский социум» / *Siberian Socium*, как и предполагалось, распространены работы региональной направленности, но встре-

---

* **Ядова Майя Андреевна**, кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: m.yadova@mail.ru

чаются и материалы более общего характера. Реферативный журнал «Социология» в силу своей специфики представлен прежде всего вторичными информационно-аналитическими материалами (рефератами, обзорами, рецензиями), которые, как правило, основываются на иноязычных источниках научной литературы.

Ключевые слова: политическая повестка; социологические журналы; политическая социология; российское общество; социально-политические трансформации.

Для цитирования: Ядова М.А. Актуальная политическая повестка российских социологических журналов // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 287–309. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.13>

Мир современной политики настолько сложен и многообразен, что представляется целесообразным использовать для его изучения средства смежных дисциплин и субдисциплин, например, политической социологии, в фокусе внимания которой – сфера политического сквозь призму социальных эффектов. В данной работе мы попытались зафиксировать, как отражается актуальная российская и общемировая социально-политическая повестка в отечественных научных журналах по социологии. Для анализа были выбраны журналы, так или иначе различающиеся по своему проблемно-тематическому и жанровому профилю. «Социологические исследования» и «Социологический журнал» представляют собой академические издания общесоциологического характера, тогда как журналы «Сибирский социум» / *Siberian Socium* и «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология» можно считать специализированными (в первом случае речь идет о региональном издании, а во втором – реферативном). Публикации, ставшие предметом нашего интереса, были представлены преимущественно в рубрике по политической социологии и / или в тематически схожих разделах и размещались в выпусках журналов за 2016–2020 гг. (исключением стал сравнительно новый журнал «Сибирский социум», публикации которого были проанализированы с 2017 г., т.е. с момента выхода журнала).

Политическая повестка академических журналов общесоциологического профиля

Начнем с самого известного отечественного ежемесячного научного и общественно-политического журнала «Социологические исследования» («Социс»). Он издается Институтом социологии РАН (с 2017 г. – ФНИСЦ РАН) с 1974 г. и занимает одно из первых мест в РИНЦ по импакт-фактору среди журналов социального профиля и первое место среди журналов по социологии, а также входит в международные системы цитирований Scopus и Web of Science. Помимо этого, «Социологические исследования» включены в Перечень периодических изданий, утвержденный ВАК РФ для опубликования результатов кандидатских и докторских диссертаций по социологии.

В каждом выпуске журнала имеется в среднем 24 материала (здесь и в аналогичных случаях данные приведены на основании информации на странице издания в РИНЦ); частая периодичность и тематическая «широкоформатность» «Социса» дают хорошие возможности для анализа его текстов. За период с 2016 по 2020 г. в рубрике «Политическая социология» была опубликована 41 статья, или более 3% от общего массива опубликованных материалов (N=1264). Эта цифра, с учетом немногим меньше полусотни рубрик в журнале, свидетельствует о значительном интересе социологического сообщества к политической проблематике. А если бы мы приняли во внимание некоторые тексты из смежных рубрик (например, по социологии безопасности и международных отношений), то доля политологических публикаций в «Социсе» была бы еще больше. Как будет показано далее, анализ настоящих публикаций позволил нам выделить ключевые блоки проблемно-тематического репертуара научного журнала по социологии, некую устойчивую тематическую конструкцию, которая вполне работает и при анализе публикаций схожих изданий.

Большинство политологических публикаций в «Социсе» имеет отношение к внутривнутриполитической повестке российского общества, которая представляет собой различные аспекты взаимодействий между теми или иными субъектами политики в условиях постсоветских трансформаций. Авторы ряда работ делают выводы о сформировавшемся в сегодняшней России – в явном или имплицитном

цитном виде – общественном запросе на перемены и тренде на преодоление синдрома политического абсентеизма.

Например, в статье А.В. Глухой (Воронежский государственный университет) и др. коллег представлены результаты проводившегося летом 2019 г. общероссийского экспертного опроса (N=54) о внутриполитической повестке современной России [В поисках желаемого будущего..., 2020]. Авторы статьи пытаются рассмотреть внутриполитическую повестку как многоэлементную систему, состоящую из официальной (правительственной), гражданской (со стороны гражданского общества) и «народной» (общественной) частей. В ходе анализа экспертных мнений исследователи зафиксировали следующие тенденции: значительную рассогласованность правительственной и общественной повесток, отсутствие целостного внутриполитического курса, сформированного на основе различных форм внутриполитической повестки. Большинство экспертов, независимо от их возраста и статуса, пришли к выводу, что отсутствие консолидированной общероссийской внутриполитической повестки угрожает целостности нашей страны. Некоторые эксперты говорили о политизации общественных настроений в связи с протестными событиями в Москве в 2019 г. из-за отказа местных властей допустить к выборам в Мосгордуму оппозиционных кандидатов. В связи с этим в российском обществе наметилась тенденция к обновлению внутриполитической повестки и выдвижению новых политических требований.

Примерно в то же время схожие тенденции были зафиксированы отечественным социологом В.В. Петуховым (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва). Опираясь на результаты мониторинговых исследований ФНИСЦ РАН, он проанализировал изменения, произошедшие в общественных настроениях в связи с актуализацией запроса на перемены [Петухов, 2018]. Эти метаморфозы, по мнению Петухова, вызваны недовольством значительной части россиян финансово-экономическими проблемами и деградацией социальных институтов в стране. В то же время, подчеркивает Петухов, жители РФ не желают радикальных перемен – многих бы устроил возврат в начало «тучных» и сравнительно спокойных 2000-х годов. Помимо этого, тренд на усиление гражданской активности в нашей стране В.В. Петухов обозначил в другой более поздней работе [Петухов, 2019]. По его словам, появление в России социальных групп, не нуждающихся в «государственной

опеке», но заинтересованных в индивидуальной самореализации и демократических преобразованиях (как правило, это молодежь), может способствовать развитию практик гражданского участия. Примечательно, что рассуждения В.В. Петухова созвучны идеям американского социолога А. Инкелеса, выделившего среди ключевых черт так называемой современной личности (в противовес «традиционалистам») активность, независимость и чувство социальной ответственности за все, что происходит вокруг [Inkeles, Smith, 1974].

Наконец, работа Н.В. Латовой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) посвящена оценке россиянами достижений и потерь трансформаций постсоветского периода [Латова, 2018]. Опираясь на результаты мониторингового исследования ИС РАН, она отмечает, что 2000–2010-е годы воспринимаются россиянами значительно лучше 1990-х. В качестве значимых достижений 2000–2010-х годов россияне отмечают выгоды от роста потенциальных возможностей, однако достижения этого периода сочетаются с потерями в других (прежде всего в экономической) сферах жизни. Поскольку в современной России нет активного социального актора, способного к радикальным социально-политическим преобразованиям, ожидаемые перемены в ближайшие годы будут происходить в рамках привычного вектора развития, резюмирует Н.В. Латова.

Стоит отметить, что на сегодняшний момент (в 2021 г.) политический запрос российского социума на перемены остается преимущественно неудовлетворенным, причем можно предположить, что к уже имеющимся общественным требованиям добавилась часть новых запросов, спровоцированных реалиями «ковидного» мира.

Авторы некоторых публикаций уделяют внимание вопросу эффективности различных политических акторов и институтов в современной России, а также их общественным оценкам.

В статье Е.Н. Давыборец (Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток) исследуется феномен высокого доверия россиян президенту России В.В. Путину [Давыборец, 2016]. Парадоксально, что доверие к президенту со стороны наших соотечественников неизменно остается высоким, несмотря на ряд нерешенных остросоциальных проблем и невысокую эффективность экономической политики государства. Среди факторов,

формирующих доверие президенту, исследовательница выделяет следующие: публичная активность и достижения В.В. Путина; использование властью технологий управления массовым сознанием; поддержка СМИ; отсутствие сильной оппозиции в стране.

В свою очередь, работа отечественного психолога Е.Б. Шестопаля (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), подготовленная по итогам исследований кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ в 2011–2015 гг., посвящена важнейшим акторам политического процесса системы России – элитам и обществу [Шестопаля, 2016]. Рассуждая о «человеческом потенциале» отечественной политической системы, автор отмечает позитивный эффект постсоветских трансформаций, который, на ее взгляд, вопреки многим пессимистическим прогнозам связан с полноценным утверждением демократических ценностей в российском обществе и их интериоризацией большинством россиян. Что касается потенциала элит как мощного политического актора, то Е.Б. Шестопаля видит проблему в ценностной разбалансировке и утрате адекватных моральных ориентиров представителей российской элиты. Надо сказать, что выводы, сделанные Е.Б. Шестопаля, обнадеживают и во многом идут вразрез с оценками некоторых представителей так называемого «патриотического» сообщества, отказывающих российскому социуму в демократических ориентациях и традициях в принципе. Впрочем, по меткому замечанию отечественного социолога А.Б. Гофмана, в нашем обществе наряду с традицией, «воплощенной в известной триединой формуле “православие, самодержавие, народность”», существует «традиция борьбы с этой традицией, причем в самых разнообразных формах» [Традиции и инновации..., 2008, с. 42].

В статье А.В. Кученковой (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) также говорится о проблеме низкого уровня доверия россиян, в данном случае интеллигенции, различным социальным институтам [Кученкова, 2017]. Отмечается, что высший уровень доверия интеллигенция демонстрирует президенту, также в достаточной степени она доверяет армии и церкви. В то же время участники исследования мало доверяют политическим институтам и органам власти, полиции, судам, российскому ТВ. Автор объясняет это недоверием россиян государству как таковому и отсутствием у них уверенности в будущем.

Значительная часть (чуть более трети) рассматриваемых публикаций посвящена проблеме протестного потенциала и практикам гражданского участия россиян в политической жизни страны, что, пожалуй, позволяет считать эти вопросы наиболее злободневными для нашего общества, по мнению отечественных социологов политики.

Так, в работе С.Б. Суровова (Саратовская государственная юридическая академия) и его коллег анализируются результаты общероссийского социологического исследования, посвященного отношению студентов к феномену цветных революций [Отношение российского студенчества..., 2019]. Несмотря на то что исследователи отмечают общую низкую готовность студентов к участию в политических акциях, одновременно ими фиксируется существенная доля негативно настроенных к власти молодых людей (прежде всего в Крыму, ДВФО, ПФО, СФО). Примечательно, что для противостояния угрозе цветных революций студенты разумно предлагают усиливать борьбу не с инакомыслящими, а с негативными тенденциями российского общества (например, с коррупцией); и, помимо этого, также улучшать уровень жизни и учитывать интересы населения страны. Без удовлетворения запроса молодых россиян на равные условия реализации жизненных шансов в провинциальных регионах риск «цветного» давления в России с участием молодежи будет возрастать, заключают авторы [Отношение российского студенчества..., 2019, с. 95].

В статье А.В. Семенова (Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) анализируется динамика протестной активности в 2012–2013 гг. в России [Семенов, 2018]. Репертуар протестной активности в основном состоит из митингов и пикетов, а главным адресатом является публичная власть. Автор делает вывод о том, что нынешний политический режим устойчив к массовым проявлениям недовольства, хотя и вынужден реагировать на отдельные кампании. Однако он подчеркивает, что включение в анализ исследований посткрымского периода и учета внутренних и внешнеполитических крымских эффектов может сдвинуть полученную «картинку».

Г.И. Козырев (Российский государственный гуманитарный университет, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва) предостерегает власть от самоуспокоения [Козырев, 2017]. По его мнению, несмотря на то что суще-

ствует феномен снижения конфликтного потенциала в условиях углубляющегося экономического кризиса и ухудшения условий жизни россиян, протест может пребывать в спящем состоянии лишь до определенного времени. Заметим также, что определенную опасность создает практически отсутствие легитимной оппозиции, которая могла бы амортизировать протестные эффекты.

В.В. Петухов (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва), опираясь на результаты мониторинговых исследований Института социологии РАН, полагает, что подвинуть общество к более активным действиям по отстаиванию своих интересов может свертывание социально-трудовых прав [Петухов, 2016]. По его мнению, в нашей стране необходимо наладить механизм согласования зачастую трудно сочетающихся друг с другом интересов различных социальных групп (трудящихся, представителей бизнеса и государственных органов власти). В условиях пандемии COVID-19 пророчески выглядят слова исследователя об умножающихся для нашей страны вызовах, которые когда-нибудь непременно потребуют «энергию общественной самодеятельности» [Петухов, 2016, с. 96].

Также представляют интерес материалы, посвященные протестной активности жителей отдельных регионов РФ или даже постсоветских стран (в последнем случае, вероятно, сказывается интерес к изучению опыта схожих с нами государств). Так, в статье С.А. Ваторопина и А.В. Ручкина (Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Екатеринбург) изучается протестный потенциал населения Свердловской области [Ваторопин, Ручкин, 2017]. В работе А.З. Адиева (Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала) рассматривается специфика протестной мобилизации кумыков в Дагестане в связи с их несогласием с проводимой в республике земельной реформой [Адиев, 2017]. Кроме того, показано, что в Дагестане стало неформальной нормой не соблюдать российское законодательство и обращаться к нормам шариата как альтернативной модели отправления правосудия, что создает дополнительные проблемы. А.В. Атанесян (Ереванский государственный университет, Ереван) на примере массовых политических протестов весной 2018 г. в Армении исследует роль виртуальных социальных сетей в современных массовых политических процессах [Атанесян, 2019]. Отмечается, что виртуальная активность в период массовых протестов является такой же активной формой политиче-

ского участия, как и прямое участие в митингах, а социальные сети во многом придают протестам массовость, популярность и синхронность.

Кроме того, в «протестном» тематическом блоке также стоит отметить тексты, посвященные теоретическому осмыслению социального протеста в рамках различных научных подходов [см., например: Артюхина, 2017].

Отдельные работы представлены материалами на тему формирования постсоветской гражданственности и патриотических ориентаций современных россиян.

Статья петербургского социолога Н.А. Нартовой (НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург) посвящена анализу представлений о гражданственности в межпоколенческой перспективе [Нартова, 2019]. В работе исследуются взгляды петербургской молодежи и их родителей на гражданственность. Анализ эмпирических данных показал, что представители постсоветского поколения считают основным проявлением гражданственности повседневную деятельность, направленную на социальные изменения. В то же время для поколения «отцов» гражданственность определяется преимущественно в морально-этических категориях и проявляется через ответственный и честный труд.

В работе В.В. Гаврилюк, В.В. Маленкова и Т.В. Гаврилюк (все – из Тюменского государственного университета) рассматриваются основные этапы трансформации постсоветской гражданственности [Гаврилюк, Маленков, Гаврилюк, 2016]. По мнению исследователей, в настоящий момент наблюдается новый этап становления российской гражданственности, при котором сохраняется гибридная форма, предполагающая сочетание консервативных и либеральных элементов с явной тенденцией к нарастанию традиционалистских настроений и отказу граждан от участия в политике и общественной жизни страны. Напомним, что результаты более поздних («посткрымских») исследований уже не столь однозначны в отношении политической «пассивности» россиян.

На схожую тему размышляет И.А. Халий (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) в своей статье по результатам исследования в девяти регионах РФ (2013–2015) [Халий, 2017]. Проведенный ею анализ продемонстрировал, что для российского общества патриотизм – традиционная ценностная установка, которая поддерживается сложившимися в стране повседневными усло-

виями жизни: большинство наших соотечественников не имеют возможности для переезда и привыкли полагаться на собственные ресурсы выживания, а не на помощь чиновников. И.А. Халий выделяет три типа отношений к Родине: безоговорочный патриотизм (как правило, присущ жителям приграничных регионов); преобразовательная любовь (свойственна региональным центрам, которые располагаются по соседству со странами Балтии); индифферентное отношение (склонны проявлять те, кто проживает в достаточно депрессивных регионах и не может оттуда уехать). Выводы И.А. Халий о «трех патриотизмах», пожалуй, полезно проанализировать в контексте результатов исследований экономического географа Н.В. Зубаревич, которая выделяет в числе «четырех Рос-сий»: 1) Москву и города-миллионники, 2) крупные индустриальные города и моногорода, 3) собственно «глубинку» (малые города и деревни), 4) отдельные регионы, поддерживаемые федеральным центром (Сев. Кавказ и др.) [Зубаревич, 2016].

Как уже говорилось выше, вопросы внешней политики и политической жизни зарубежных стран представлены на страницах «Социологических исследований» значительно скромнее, нежели внутриполитическая проблематика. Среди материалов этого тематического блока особого внимания заслуживают тексты, отражающие похолодание в отношениях России с рядом стран мира, прежде всего – западных.

Так, Г.И. Козырев (Российский государственный гуманитарный университет, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва) считает образ внешнего врага фактором консолидации нашего общества в условиях нарастания внутренних проблем [Козырев, 2018]. Вместе с тем, по его мнению, перенаправление враждебности на замещающий объект в виде внешнего врага лишь на время легитимирует политический режим. Это подтверждается данными опросов последних лет, в которых фиксируется ослабление крымского эффекта и враждебных оценок россиян по отношению к «внешним врагам».

В целом для «Социологических исследований» характерен достаточно широкий спектр (наиболее широкий, если сравнивать с остальными рассматриваемыми здесь изданиями) политических вопросов, находящихся в сфере интересов авторов журнала. В нашем случае были рассмотрены лишь наиболее крупные блоки проблемно-тематического репертуара журнала.

В свою очередь, «Социологический журнал» – авторитетное независимое профессиональное издание для социологов, основанное в 1994 г.; как и «Социс», издается ФНИСЦ РАН. Журнал в первую очередь ориентирован на развитие фундаментальной социологии. Его периодичность – 4 номера в год, среднее число статей в выпуске – 12; включен в Scopus и Перечень ВАК.

За указанный период мы нашли всего лишь одну статью, опубликованную в рубрике «Политическая социология» данного журнала; вместе с тем было обнаружено несколько материалов схожей тематики, представленных в смежных разделах, нам показалось целесообразным также включить их в анализ. Несмотря на то что политическая проблематика не занимает значительного места в «Социологическом журнале», читателям предлагается ежегодно хотя бы пара статей на эту тему.

Статья в рубрике по политической социологии, о которой шла речь выше, посвящена уже зафиксированной нами ранее проблеме доверия политическим институтам и их эффективности в современной России [Терин, 2018]. В статье Д.Ф. Терина (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) на обширном эмпирическом материале показано, что среди факторов, влияющих на политическое доверие в России, ключевыми являются эффективность политических институтов, личное взаимодействие с ними и восприятие справедливости политической системы. Российские политические институты характеризуются низким уровнем доверия, на этом фоне институт Президента РФ выделяется среди других политических институтов заметно более высоким доверием. Причем исследователь отмечает крымский и посткрымский эффекты¹ в отношении доверия россиянами институту Президента РФ: в 2015 г. фиксировались чрезвычайно высокий уровень доверия этому институту, в 2017 г. этот уровень заметно снизился (наряду со степенью доверия другими символически значимым «державным» институтам – армии и церкви) [Терин, 2018, с. 104].

Н.Е. Тихонова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социологии ФНИСЦ

---

¹ Кстати, в настоящей работе уже не раз встречались сопоставления результатов отечественных социологических исследований «крымского» и «посткрымского» периодов. Это свидетельствует о колоссальном влиянии событий Крымского кризиса – 2014 на массовое сознание россиян, а сама тема требует более пристального внимания со стороны социальных исследователей.

РАН, Москва) в своей работе затрагивает одну из ключевых тем отечественной политической повестки – кризисный характер постсоветской России, она называет это состояние «негативной стабилизацией» [Тихонова, 2019]. После кризиса 2014–2016 гг. отмечается тренд на усиление поляризации массовых слоев населения по уровню доходов. Исследовательница подчеркивает, что в кризисных социумах для успешной мобильности личностные качества становятся важнее социоструктурных: например, для россиян такими сильными индивидуальными ресурсами являются хорошее здоровье, интернальный локус-контроль, наличие стратегии улучшения своего материального положения и пр. Во многом выводы, сделанные Н.Е. Тихоновой, коррелируют с известным феноменом неравномерного распределения преимуществ – «эффектом Матфея», – согласно которому уже имеющие преимущества продолжают их накапливать, тогда как неимущие теряют последнее; преодолеть этот негативный тренд чрезвычайно сложно и под силу лишь обладателям мощного индивидуально-личностного капитала.

Также заслуживает внимания статья С.Г. Климовой (Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва) и М.А. Михеенковой (ФИЦ «Информатика и управление», Москва), в которой предпринята нетривиальная попытка изучить деятельность российских политических активистов с опорой на логико-комбинаторный ДСМ-метод (метод автоматического порождения гипотез) [Климова, Михеенкова, 2017]. Возможности ДСМ-метода, способного к формализации процесса генерирования и моделирования правдоподобных выводов и суждений, на наш взгляд, также можно эффективно использовать при исследовании малоизвестных политических явлений или процессов, например, при изучении новых форм социально-политического активизма типа «Стратегии-31».

Познавательна и интересна статья С.В. Чугрова (Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва) и Л.Б. Кареловой (Институт философии РАН, Москва), в которой исследуются структура политической идентичности жителей Японии, трансформации их представлений о роли своей страны в мире, проблеме национальной безопасности и пр. [Чугров, Карелова, 2020].

Как видим, тематический диапазон «Социологического журнала» значительно уже, чем у «Социологических исследований», вместе с тем круг вопросов, обсуждаемых на его страницах, вполне

пересекается с проблемами, которые волнуют и авторов «Социса». С содержательной точки зрения это журналы одного порядка – ориентированные на фундаментальные теоретические и эмпирические работы и результаты крупных исследовательских проектов.

Мир политики в фокусе специализированных социологических журналов

Представим еще один научный журнал, самый молодой (но уже успешно заявивший себя) в нашей подборке, – «Сибирский социум» / *Siberian Socium*, который издается Тюменским государственным университетом с 2017 г. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках, среднее число публикаций в номере – 10. Это издание ориентировано прежде всего на социологические и социально-экономические исследования Сибири; также в нем популярны статьи, отражающие компаративистские межрегиональные и межстрановые исследования.

Публикации политологического характера в данном журнале не составляют значительной части, но и не являются редкостью: таковые представлены как минимум в половине номеров. Так, в статье Ю.М. Аксютин и Е.А. Кочиной (оба автора – из Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан) рассматриваются вопросы формирования и функционирования новой российской гражданской нации в отдельном региональном социуме (Южной Сибири) [Аксютин, Кочина, 2017]. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса в 2015–2016 гг. в республиках Хакасия, Алтай, Тыва. Было обнаружено, что значительная часть опрошенных не проявляет интереса к социально-политическим событиям, происходящим в России вообще и Южной Сибири в частности, а также не верит в эффективность участия «простого» человека в осуществлении политической деятельности. Делается вывод, что самоорганизация гражданского общества в Южно-Сибирском регионе находится на низком уровне, а пассивно-конформистские поведенческие модели молодежи не дают надежды на то, что ситуация изменится в ближайшем будущем.

В статье Л.В. Гуляевой и Г.З. Ефимовой из Тюменского государственного университета уделяется внимание патриотическим

ориентациям сибирской молодежи [Гуляева, Ефимова, 2018]. Опрос молодых жителей Тюменской области (школьников, студентов и работающей молодежи), проведенный в 2017 г., обнаружил, что скептицизм молодежи по отношению к родной стране убывает с возрастом (наименее патриотично настроены школьники, наиболее – те, кто уже завершил обучение и стал работать). Вместе с тем настораживает, что работающая молодежь реже других удовлетворена своей жизнью – это может повлиять на ее патриотические взгляды в будущем.

Результаты массовых опросов фиксируют значительные расхождения в ценностных ориентациях и поведенческих установках жителей столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) и провинции, что дает исследователям основания говорить о составляющих наше общество «разных Россиях». Этот феномен нашел отражение и в рассматриваемой подборке публикаций: с одной стороны, речь идет о пассивно-конформистских поведенческих паттернах молодых сибиряков, а с другой – о более осмысленном (активном) отношении к гражданскому участию их петербургских сверстников, которое было зафиксировано в приведенной выше статье Н.А. Нартовой [Нартова, 2019].

Несмотря на «региональный» профиль журнала, в нем встречаются и материалы общеполитической проблематики. Например, такова статья Е.А. Кранзеевой и Л.Л. Шпак (Кемеровский государственный университет), посвященная теме стигматизации женщин в политической деятельности (на примере России и зарубежных стран) [Кранзеева, Шпак, 2018]. Авторы указывают, что в основе стигматизации лежит социальное неравенство. По их мнению, стигматизация формального политического участия женщин приводит к созданию ими неформальных каналов влияния. «Женскими» технологиями управления становятся: манипуляции общественным мнением; продвижение / препятствие политической карьере мужчин; вступление в брак и пр.

Наконец, в статье А.В. Андреева (ГТРК «Кузбасс», г. Кемерово) выделяются изменения, происходящие в системе политических коммуникаций в связи с приходом в нашу жизнь социальных медиа, и делается попытка осмыслить эти трансформации с позиции концепции социальных систем и теории медиа Н. Лумана [Андреев, 2019]. Отметим, что теоретико-методологическая тематика не слишком популярна среди политических социологов, это

видно даже по крупным академическим социологическим журналам – тем ценнее встретить подобные работы в небольшом специализированном издании по социологии.

Правильно взятый редакцией «Сибирского социума» старт дает возможность предположить дальнейшее успешное развитие журнала. В связи с этим, вероятно, новые горизонты откроются и для политической социологии.

Кроме того, в поле нашего зрения попал журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология», который издается Институтом научной информации по общественным наукам РАН. Он выходит ежеквартально с 1991 г., среднее число публикаций в выпуске – 17. Журнал задумывался и долгие годы издавался как реферативный (РЖ), постепенно меняя профиль и увеличивая количество размещаемых в нем научно-аналитических материалов. Поскольку журнал официально стал называться информационно-аналитическим совсем недавно (начиная с 2021 г.), предмет нашего интереса составили лишь «реферативные» номера этого издания. Все номера журнала являются тематическими; кроме того, в журнале имеются меняющиеся от номера к номеру небольшие разделы по отраслям социологии и пр.

Понимая, что сравнивать реферативный журнал с традиционными научными журналами не совсем корректно, объясним свой интерес к этому изданию. Несмотря на то что реферативный формат издания предполагает прежде всего фокусировку на актуальной зарубежной и отечественной научной литературе, выбор тем, материалов для анализа и в целом «навигационные» функции для ориентации в потоке поступающей информации находятся в ведении редакционной команды. Как правило, номера РЖ формируются под влиянием общественного запроса относительно тех или иных актуальных проблем, интересующих отечественных социологов (ИНИОН РАН обладает инструментами для подобного анализа).

Политическая проблематика активно освещается на страницах данного издания. Ежегодно как минимум в одном-двух номерах журнала представлена рубрика по политической социологии: например, в период с 2016 по 2020 г. такая рубрика была в 11 номерах (не считая разделов смежной тематики). Большая часть политологических публикаций в нем посвящена аспектам внешней

и внутренней политики разных стран мира (российская проблематика составляет лишь небольшую часть поднимаемых здесь вопросов). В представленных на страницах РЖ рефератах, обзорах и статьях, как правило, освещаются вопросы взаимоотношений России, стран Европы, США, Азии, Африки и Латинской Америки, актуальные проблемы международной безопасности, политических трансформаций, а также наиболее злободневные для того или иного региона темы (политика интеграции мигрантов, ксенофобия и радикализм, протестные движения, борьба за независимость, влияние финансового кризиса и экономических санкций на политическую обстановку и пр.).

Один из номеров реферативного журнала «Социология» (№ 4 за 2016) посвящен терроризму как социально-политическому феномену. Опасения некоторых авторов данного выпуска вызывает процесс глобализации терроризма, который выражается в появлении международных и транснациональных террористических группировок [Понамарева, 2016]. Драматические события, разворачивающиеся сегодня в Афганистане, как никогда подтверждают справедливость этих опасений. В другом номере РЖ «Социология» (№ 2 за 2019, подробнее см. на сайте журнала¹) исследуются неолиберализм и основные направления его критики, причем в данном случае неолиберальная идеология рассматривается комплексно – с точки зрения политологии, социологии и социальной психологии.

Отдельные аналитические материалы РЖ посвящены актуальным политическим вопросам, которые фиксировались нами ранее при анализе публикаций академических журналов общесоциологического профиля. Например, уделяется внимание политической субъектности различных социальных акторов современной России, их месту в будущих преобразованиях нашего общества, сложностям во взаимоотношениях России и «коллективного Запада». Так, некоторые авторы отводят значительную роль в социально-политической модернизации РФ и налаживании диалога с западными странами постсоветскому поколению молодежи:

---

¹ Номер 2/2019. Тема номера: социальные исследования неолиберализма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – Режим доступа: <http://neosoclit.ru/issue.php?id=9> (дата посещения: 15.10.2021).

согласно массовым опросам, даже на фоне нынешнего взаимного похолодания между нашими государствами молодые россияне в большинстве своем ориентированы на рассуждения в рамках бесконфликтного дискурса, что отличает их от других возрастных групп [Ядова, 2019].

Выводы. В приведенной ниже табл. мы попытались суммировать вышесказанное, выделив ключевые темы публикаций, представленных в отечественных научных журналах по социологии.

Таблица

Проблемно-тематический репертуар российских научных журналов по социологии

Академические общесоциологические журналы («Социологические исследования», «Социологический журнал»), 2016–2020 гг.	Специализированные социологические журналы	
<ul style="list-style-type: none"> • Векторы внутриполитической повестки российского общества, итоги постсоветских трансформаций • Эффективность различных политических акторов и институтов, проблема доверия им • Протестная активность современных россиян и жителей зарубежных (как правило, постсоветских) стран • Патриотические ориентации россиян и формирование постсоветской гражданственности • Проблемы внешней политики и политической жизни зарубежных стран • Теоретико-методологические подходы к исследованию политической реальности 	«Сибирский социум» / «Siberian Socium», 2017–2020 гг.	Реферативный журнал ИНИОН РАН «Социология», 2016–2020 гг.
	<ul style="list-style-type: none"> • Региональные исследования, связанные с социально-политическим развитием Сибири и смежных с ней территорий • Сравнительные межрегиональные и межстрановые исследования политической проблематики 	<ul style="list-style-type: none"> • Политическая повестка дня разных стран мира, включая РФ • Политические вызовы современности (международный терроризм, военные конфликты и пр.)

Таким образом, среди наиболее обсуждаемых на страницах отечественных социологических журналов тем можно выделить следующие: внутриполитическая повестка, прежде всего связанная с оценкой итогов постсоветских трансформаций и проявлением протестной и гражданской активности россиян; роль отдельных политических акторов в социально-политических преобразованиях в РФ; вопросы внешней политики и политической жизни зарубежных стран; новые теоретико-методологические подходы в полити-

ческой социологии. Для общесоциологических журналов характерно освещение широкого спектра политических проблем. В журнале «Сибирский социум» / *Siberian Socium*, как и предполагалось, распространены работы региональной направленности, но встречаются и материалы более широкого характера. Реферативный журнал «Социология» представлен прежде всего вторичными информационно-аналитическими материалами, основанными на иностранных источниках научной литературы, что ориентирует авторов публикаций на изучение политической повестки дня зарубежных стран.

Нетрудно заметить, что фиксируемые исследователями тенденции политической жизни российского общества зачастую выглядят парадоксальными и противоречивыми: с одной стороны, речь идет об усилении традиционалистских настроений, а с другой – формируется особый слой активных, социально ответственных и свободных от патерналистских самоощущений граждан (прежде всего среди молодежи), декларируемая пассивность большинства населения сочетается с явно выраженным общественным запросом на перемены и пр. На наш взгляд, подобная парадоксальность хотя и требует внимательного осмысления, вполне отвечает изменчивым и подвижным реалиям постмодернистского социума.

М.А. Yadova*

Current political agenda of Russian sociological journals

Abstract. The paper analyses content on socio-political topics published in contemporary Russian sociological journals: “Sociological Studies”, “Sociological Journal”, “Siberian Socium” and “Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology”. The publications that were the subject of our interest were predominantly under the heading of political sociology and/or in thematically similar sections. Among the most discussed topics in the pages of the journals are the following: the domestic political agenda, primarily related to the manifestation of protest and civic activism of Russians; the role of individual political actors or institutions (state, Russian President, elite, youth, etc) in the socio-political transformations in the country; problems and outcomes of post-Soviet transformations; foreign policy issues (confron-

---

* **Yadova Maiya**, Institute of information for social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: m.yadova@mail.ru

tation between Russia and Western countries, threats to national security), socio-political structure of other world powers. A small proportion of the studies in this segment focus on new concepts and theoretical and methodological approaches in political sociology, or on socio-political phenomena that have not yet been sufficiently explored.

The thematic repertoire of journals depends on their genre peculiarity. General sociology journals are characterised by coverage of a wide range of political issues. In the journal “Siberian Socium”, as expected, there is a prevalence of works with a regional focus, but there are also some more general works. Abstract journal “Sociology”, due to its specificity, is primarily represented by secondary information and analytical materials (abstracts, literature reviews, book reviews), which as a rule are based on foreign-language sources of scientific literature.

Keywords: political agenda; sociological journals; political sociology; Russian society; socio-political transformations.

For citation: Yadova M.A. Current political agenda of Russian sociological journals. *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 287–309. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.13>

References

- Adiev A.Z. Protest mobilization of Kumyks in Dagestan: from the land question to the constitutional self-government. *Sociological studies*. 2017, N 11, P. 35–43. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110058> (In Russ.)
- Aksyutin Yu.M., Kochina E.M. Regional evaluation of Russian civil nation establishment processes (on the example of Southern Siberia). *Siberian socium*. 2017, Vol. 1, N 2, P. 107–117. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117> (In Russ.)
- Andreev A.V. Modernization approaches towards public policy in the context of the “social system” concept by N. Luhmann. *Siberian socium*. 2019, Vol. 3, N 1, P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-1-73-84>
- Artjukhina V.A. Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches. *Sociological studies*. 2017, N 11, P. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110046> (In Russ.)
- Atanesyan A.V. The impact of social networks on protest activities (the case of Armenia). *Sociological studies*. 2019, N 3, P. 73–84. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004280-1> (In Russ.)
- Chugrov S.V., Karelova L.B. Japan as a “normal country”: metamorphoses of political identity (review and analysis of public opinion polls). *Sociological journal*. 2020, Vol. 26, N 1, P. 87–108. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054> (In Russ.)
- Davyborets E.N. “Phenomenon” of trust to Russia’s president. *Sociological studies*. 2016, N 11, P. 107–113. (In Russ.)
- Gavriliuk V.V., Malenkov V.V., Gavriliuk T.V. Contemporary models of Russian citizenship. *Sociological studies*. 2016, N 11, P. 97–106. (In Russ.)

- Glukhova A.V., Sidenko O.A., Sosunov D.V., Shcheglova D.V. Searching for the desirable future: internal political agenda for Russia. *Sociological studies*. 2020, N 2, P. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008493-5> (In Russ.)
- Gofman A.B. (ed.). Traditions and innovations in contemporary Russia: an analysis of interaction and dynamics. Moscow : ROSSPEN, 2008, 543 p. (In Russ.)
- Gulyaeva L.V., Yefimova G.Z. A comparative study of the patriotic attitudes of youth: regional specificity. *Siberian socium*. 2018, Vol. 2, N 1, P. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73> (In Russ.)
- Inkeles A., Smith D.H. *Becoming modern*. Cambridge, MA : Harvard university press, 1974, 436 p.
- Khaliy I.A. Patriotism in the Russian: typology. *Sociological studies*. 2017, N 2, P. 67–74. (In Russ.)
- Klimova S.G., Mikheyenkova M.A. Possibilities of the JSM-method for creating sociological hypotheses (using Asan example the analysis of political participation). *Sociological journal*. 2017, Vol. 23, N 3, P. 80–101. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5365> (In Russ.)
- Kozyrev G.I. Image of enemy as factor of political regime legitimation. *Sociological studies*. 2018, N 1, P. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518010063> (In Russ.)
- Kozyrev G.I. The conflict potential of contemporary Russian society. *Sociological studies*. 2017, N 6, P. 68–78. DOI: <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X> (In Russ.)
- Kranzeva E.A., Shpack L.L. Stigmatisation of women's participation in politics. *Siberian socium*. 2018, Vol. 2, N 2, P. 66–77. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-66-77> (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. Russian intelligentsia and institutions: trust or alienation? *Sociological studies*. 2017, N 10, P. 113–121. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517100129> (In Russ.)
- Latova N.V. Achievements and losses of post-Soviet transformation. *Sociological studies*. 2018, N 11, P. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002783-4> (In Russ.)
- Nartova N.A. Citizenship as understood by St. Petersburg young people and their parents. *Sociological studies*. 2019, N 12, P. 38–47. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9> (In Russ.)
- Petukhov V.V. Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sociological studies*. 2019, N 12, P. 3–14. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0> (In Russ.)
- Petukhov V.V. Crisis and protection of the citizens' labour rights. *Sociological studies*. 2016, N 11, P. 86–96. (In Russ.)
- Petukhov V.V. Dynamics of the social attitudes of the Russia's citizens and making of a public demand for change. *Sociological studies*. 2018, N 11, P. 40–53. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5> (In Russ.)
- Ponamareva A.M. Diversity and transformation of the concept “terrorism”: challenges to the conceptualization: introduction to the thematic section. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology*. 2016, N 4, P. 5–17. (In Russ.)

- Semenov A.V. Protest activity of Russians in 2012–2013. *Sociological studies*. 2018, N 11, P. 54–63. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6> (In Russ.)
- Shestopal Ye.B. Elites and society as political actors in post-Soviet Russia. *Sociological studies*. 2016, N 5, P. 35–43. (In Russ.)
- Surovov S.B., Malko A.V., Konovalov I.N., Loginova L.V. The attitude of Russian students to color revolutions. *Sociological studies*. 2019, N 3, P. 85–97. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004281-2> (In Russ.)
- Terin D.F. The structure of political trust in Russia: performance and fairness of political institution. *Sociological journal*. 2018, Vol. 24, N 2, P. 90–109. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846> (In Russ.)
- Tikhonova N.E. “Negative Stabilization” and factors of population welfare dynamics in post-crisis Russia. *Sociological journal*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 27–47. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278> (In Russ.)
- Vatoropin S.A., Ruchkin A.V. Protest potential of the population of the Sverdlovsk region. *Sociological studies*. 2017, N 2, P. 74–83. (In Russ.)
- Yadova M.A. Russia and the West in the representations of post-Soviet youth. *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology*. 2019, N 2, P. 89–95. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2019.02.02> (In Russ.)
- Zubarevich N.V. *Social development of Russian Regions: problems and trends of the transitional period*. 6 ed. Moscow : Lenand, 2016, 264 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адиев А.З. Протестная мобилизация кумыков в Дагестане: от земельного вопроса к конституционному самоуправлению // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 35–43. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110058>
- Аксютин Ю.М., Кочина Е.А. Региональное измерение процессов становления российской гражданской нации: на примере Южной Сибири // Siberian socium. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 107–117. – DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-2-107-117>
- Андреев А.В. Модернизация подходов к публичной политике в контексте концепции социальных систем Н. Лумана // Siberian socium. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 73–84. – DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-1-73-84>
- Артюхина В.А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 30–34. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517110046>
- Атанесян А.В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 73–84. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004280-1>
- Ваторопин С.А., Ручкин А.В. Протестный потенциал населения Свердловской области // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 74–83.
- В поисках желаемого будущего – российская внутривнутриполитическая повестка дня / А.В. Глухова, О.А. Сиденко, Д.В. Сосунов, Д.В. Щеглова // Социологические ис-

- следования. – 2020. – № 2. – С. 43–52. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008493-5>
- Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 97–106.
- Гуляева Л.В., Ефимова Г.З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодежи: региональная специфика // Siberian socium. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 53–73. – DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73>
- Давыборец Е.Н. «Феномен» доверия президенту России // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 107–113.
- Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – Изд. 6-е. – М.: Ленанд, 2016. – 264 с.
- Климова С.Г., Михеенкова М.А. Возможности ДСМ-метода для построения социологических гипотез (на примере анализа политического участия) // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 3. – С. 80–101. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5365>
- Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 68–78. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X>
- Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // Социологические исследования. – 2018. – № 1. – С. 52–58. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518010063>
- Кранзеева Е.А., Шнак Л.Л. Стигматизация участия женщин в политике современной России // Siberian socium. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 66–77. – DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-66-77>
- Кученкова А.В. Российская интеллигенция и институты: доверие или отчуждение? // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 113–121. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162517100129>
- Латова Н.В. Достижения и потери постсоветской трансформации // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 27–39. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002783-4>
- Нартова Н.А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 38–47. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007742-9>
- Отношение российского студенчества к цветным революциям / С.Б. Суровов, А.В. Малько, И.Н. Коновалов, Л.В. Логинова // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 85–97. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004281-2>
- Петухов В.В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 86–96.
- Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–14. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 40–53. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>

- Понамарева А.М.* Многоликость и трансформация понятия «терроризм»: вызовы концептуализации: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2016. – № 4. – С. 5–17.
- Семенов А.В.* Протестная активность россиян в 2012–2013 гг. // Социологические исследования. – 2018. – № 11. – С. 54–63. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250002785-6>
- Терин Д.Ф.* Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. – 2018. – Т. 24, № 2. – С. 90–109. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846>
- Тихонова Н.Е.* «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 27–47. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>
- Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А.Б. Гофмана. – М. : РОССПЭН, 2008. – 543 с.
- Халий И.А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 67–74.
- Чугров С.В., Карелова Л.Б.* Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 87–108. – DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054>
- Шестопал Е.Б.* Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 35–43.
- Ядова М.А.* Россия и Запад в представлениях постсоветской молодежи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2019. – № 2. – С. 89–95. – DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2019.02.02>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt,. pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ №ФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25 / XI – 2021 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,2 Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 84

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У